2025

СОВРЕМЕННОЕ ГУМАНИТАРНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ: мультидисциплинарный подход-2025

материалы международной научно-практической конференции

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Управление Алтайского края по образованию и делам молодежи

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Алтайский государственный технический университет
им. И.И. Ползунова»

СОВРЕМЕННОЕ ГУМАНИТАРНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ: МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД – 2025

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ISBN 978-5-7568-1529-0

АлтГТУ
Барнаул • 2025

Об издании – 1, 2

© Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, 2025

ББК 72.5
С-568

Современное гуманитарное научное знание: мультидисциплинарный подход-2025: материалы международной научно-практической конференции / под общ. ред. И. В. Рогозиной. – Барнаул : АлтГТУ, 2025. – 179 с. . - URL : https://journal.altstu.ru/konf_2025/2025_1/144/. – Текст : электронный.

ISBN 978-5-7568-1529-0

В сборник включены статьи, посвященные рассмотрению актуальных вопросов филологии, педагогики, философии, истории и социологии.

Редакционная коллегия:

Беседина В.Г., к. филол. н. (АлтГТУ);
Кремнева А.В., д. филол. н. (АлтГТУ)

Рецензенты:

Козлова Л.А., д. филол. н. (АлтГПУ)
Никонова Е.Н., к. пед. н. (Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет))

Материалы конфереции
Минимальные системные требования
Yandex (20.12.1) или Google Chrome (87.0.4280.141) и т.п.
скорость подключения - не менее 5 Мб/с, Adobe Reader и т.п.

Дата подписания к использованию 20.08.2025. Объем издания – 3 Мб. Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, 656038, г. Барнаул, пр-т Ленина, 46, https://www.altstu.ru.

ISBN 978-5-7568-1529-0

вперед (оглавление)

© Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЕКЦИЯ 1. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ 6

Рогозина И. В. АЛГОРИТМ ВЕРБАЛЬНОЙ АГРЕССИИ В ДИСКУРСЕ Д. ТРАМПА 6

Беленкевич Е. В. ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ОБРАЗНОСТИ В РЕЧИ АЛТАЙСКОЙ КРЕСТЬЯНКИ: ДИАЛЕКТНАЯ МЕТАФОРА 14

Беседина В. Г. БИБЛЕЙСКИЙ ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ 20

Бобровская Н. А, Манухина И. А. ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В РОМАНЕ ЧИГОЗИ ОБИОМЫ «РЫБАКИ» (НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ) 27

Богданович Л. А. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В МАССМЕДИЙНЫХ ТЕКСТАХ (НА ОСНОВЕ КОРПУСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ) 30

Бухнер Н. Ю. ОБРАЗ БЕДНОГО ЧЕЛОВЕКА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СТУДЕНТОВ: РЕКОНСТРУКЦИЯ ЛИНГВОКОГНИТИВНОЙ МОДЕЛИ 36

Манухина И. А., Бобровская Н. А. ПРЯМОЙ ЭКФРАСИС КАК СПОСОБ СЛОВЕСНОГО ВЫРАЖЕНИЯ ВИЗУАЛЬНЫХ АРТЕФАКТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЯ Э. СЕКСТОН «STARRY NIGHT») 42

Недашковская А. А. ДОКУМЕНТ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ: БЕЛОРУССКИЙ ПОДХОД 45

Столярова А. Н. УСПЕШНЫЙ УСПЕХ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ 53

Толстолуцкая Я. Р. ЗООМОРФНАЯ И КОЛОРАТИВНАЯ МЕТАФОРЫ В СОСТАВЕ ДВУХСЛОЖНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С КОМПОНЕНТОМ -*HEARTED* 56

Уженцева А. С. КОММУНИКАТИВНАЯ ТОНАЛЬНОСТЬ *vs* МУЗЫКАЛЬНАЯ ТОНАЛЬНОСТЬ: К ОПИСАНИЮ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА 60

СЕКЦИЯ 2. ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ 65

Абухова И. Ю.РАЗВИТИЕ «МЯГКИХ НАВЫКОВ» СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ 65

Агафонова Е. А., Масачева И. А. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ 68

Васильев С. Ф. КАК НУЖНО ПРЕПОДАВАТЬ КУРС «ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ»? 71

Голуенко Т. А., Трубникова О. А. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ГИБРИДНОГО И СМЕШАННОГО ОБУЧЕНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ 80

Хусаинов Б. М., Кусаинов Х. Х. ИННОВАЦИОННАЯ AGILE ТЕХНОЛОГИЯ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ 86

Рыгалова М. В. ОБ ОПЫТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ» СТУДЕНТАМ ТЕХНИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ 90

СЕКЦИЯ 3. ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ 98

Gikal G. V YOUTH IN THE POLITICAL PROCESS 98

Инноватов В. Ю. СПЕЦИФИКА РАЦИОНАЛЬНОСТИ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ 100

Инноватов В. Ю., Стенина В. Ф. АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КУРСА «ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ» 104

Литвинова О. А. РЕФОРМА СОВЕТСКОГО СЕМЕЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ... 108

СЕКЦИЯ 4. ПЕРВЫЙ ШАГ В НАУКУ 117

Бобровская Н. А., Карпекин В. А. О РОЛИ КИБЕРОБРАЗОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 117

Бобровская Н. А., Карпекин В. А. ОРГАНИЗАЦИЯ КИБЕРООБРАЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ 120

Васильев С. Ф., Мищенко В. В. КОСМИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И КОСМИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ 125

Екешев Д. В., Рогозина И. В. ВЛИЯНИЕ ФОНОВОЙ МУЗЫКИ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ 129

Ершова Т. А., Заряева Т. В., Лисовой Е. А. ИССЛЕДОВАНИЕ СПОСОБНОСТЕЙ ИИ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)..... 135

Катракова Е. И., Тискова О. В. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ С ИИ: ВОЗМОЖНОСТИ НЕЙРОСЕТИ В РАБОТЕ С АВАНГАРДНЫМИ ПРОИЗВЕДЕНИЯМИ 139

Кудрявцев И. Д. ФЕНОМЕН ЧИНГЛИШ КАК РЕЗУЛЬТАТ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ АНГЛИЙСКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ 144

Макарова С. А., Кремнева А. В. ТЕСТИРОВАНИЕ СПОСОБНОСТЕЙ НЕЙРОСЕТ К ТОЛКОВАНИЮ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФРАЗ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ 147

Петрова Л. С., Москалюк О. С. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЕКТ В АРХИТЕКТУРЕ 151

Уженцева А. С., Шейберг Е. М. ХРАМОВАЯ АРХИТЕКТУРА КАК ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ РЕЛИГИОЗНОГО РИТУАЛА РАЗЛИЧНЫХ КОНФЕССИЙ 156

Уланов М. В., Бухнер Н. Ю. ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ИНВЕСТИЦИОННУЮ АКТИВНОСТЬ СТУДЕНТОВ АЛТГТУ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ 163

РЕЗЮМЕ 169

Рогозина И.В.
Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова

АЛГОРИТМ ВЕРБАЛЬНОЙ АГРЕССИИ В ДИСКУРСЕ Д. ТРАМПА

Ключевые слова: конфликтная коммуникация, вербальная агрессия, триггер вербальной агрессии, алгоритм вербального реагирования.

Keywords: conflict communication, verbal aggression, trigger of verbal aggression, verbal response algorithm.

Современную коммуникативную ситуацию характеризует изменение вербального поведения языковых личностей вследствие действия целого ряда факторов, главным из которых, на наш взгляд, является мощное влияние Интернет-коммуникации на сознание, мышление и поведение ее участников. Это позволяет исследователям говорить о трансформации формата общения, что находит выражение в увеличении «числа конфликтогенных и агрессивных ситуаций в медиапространстве» [Гончарова 2022: 229]. И поскольку вербальная агрессия все более и более проникает в медиапространство, приводя к «разрастанию» конфликтной коммуникации [Щербинина 2006, Фомин 2012, Якимова 2011], эта тенденция находит отражение в современных дискурсивных практиках в различных странах мира, включая и англоязычные. На наш взгляд, не будет преувеличением сказать, что безусловным «лидером» по созданию конфликтных ситуаций в медиапространстве является американский президент Д. Трамп. Как правило, триггерами его агрессивного вербального поведения, в целом не характерного для политиков столь высокого уровня, становятся чьи-либо критические суждения, содержащие негативную оценку его действий, высказываний или личностных характеристик. Эта мысль находит косвенное подтверждение в недавнем заявлении вице-президента США Джей Ди Вэнса о том, что публичная критика в адрес Д. Трампа – это не лучший способ пытаться вести с ним диалог.

И если многие политики, становящиеся объектом критики, б**о**льшей частью игнорируют нелицеприятные высказывания, то Д. Трамп, напротив, активно вступает в конфликтную коммуникацию, часто прибегая к применению словесного «оружия», не принятого в публичном общении. Подобный алгоритм вербального реагирования, включающий нарушение этикетных норм и стандартов речевой культуры, применяется американским политиком и в отношении женщин. Поэтому исследование его дискурса, адресованного женщинам, обладающим, как правило, не только внутристрановой, но и международной известностью, и несущего отпечатки агрессивных вербальных действий в ответ на критические высказывания, несомненно, актуально.

Принимая во внимание цель исследования, состоящую в реконструкции алгоритма агрессивного вербального поведения американского президента в отношении женщин, мы отобрали 45 соответствующих фрагментов дискурса Д. Трампа, охватывающих тридцатилетний период с начала 1990-х по 2023 г. и ставших частью публичного медиапространства США, что позволяет получить научное представление об особенностях конфликтного поведения американского бизнесмена и политика. Проведенный лингвокогнитивный анализ отобранных фрагментов дискурса показал, что в большинстве своем вербальные действия, направленные против женщин, облекаются Д. Трампом в форму негативно-оценочных суждений, имеющих три объекта оценки:

- *интеллект* (11 %);
- *личность* (24 %);
- *внешность* (65 %).

Последовательно рассмотрим примеры, отражающие своеобразную корреляцию между выступающими в роли триггеров критическими высказываниями высокостатусных американок о Д. Трампе и избираемыми им для ответных оценочных суждений об этих женщинах объектами оценки. Представляется, что основание для выбора в качестве объекта оценки интеллекта в ответ на критику политической позиции или действий является транспарентным: оно позволяет утверждать, что критикующему не достает умственных способностей, чтобы правильно оценить действия критикуемого им человека. Так, вербальные действия, в фокусе которых в качестве объекта оценки оказался интеллект, были предприняты Д. Трампом в отношении Александрии Оказио-Кортес – члена Палаты представителей Американского Конгресса от Демократической партии (рис. 1). А. Оказио-Кортес неоднократно выступала и в Конгрессе, и на телевидении с критикой действий американского президента, называя их абсолютно безответственными.

Рисунок 1 – Александрия Оказио-Кортес

Ответное речевое действие представило А. Оказио-Кортес неумным человеком, не способным разбираться в политике:

“This is *not even a smart person* ... I mean, she goes out and she *yaps”* [цит. по: Lange 2023] [Здесь и далее курсив мой, – И. В. Рогозина].

Как видим, низкая оценка интеллекта в приведенном фрагменте дискурса осуществляется эксплицитно, при помощи атрибутива *smart*, помещенного в

отрицательную синтаксическую конструкцию, а также имплицитно при помощи лексемы *yap* (тявкать), имеющей словарную помету *offensive* и использующейся “in a derogatory way to insult people who are perceived as annoying or irritating” [fastslang.com].

Следует отметить, что объектом вербальной агрессии со стороны Д. Трампа становятся не только женщины, являющиеся политическими деятелями, но и известные женщины-журналисты как, например, Мегин Келли (Megyn Kelly) (рис. 2). Работая на канале Fox News, она выступила в августе 2015 г. в качестве модератора внутрипартийных дебатов республиканцев, задавая «неудобные» вопросы их участникам, включая Д. Трампа.

Рисунок 2 – Мегин Келли

После дебатов политик следующим образом охарактеризовал умственные способности модератора, употребив для их оценки дерогативное существительное *bimbo*, используемое в неформальной речи в значении “an attractive but unintelligent … young woman” [languages.oup.com]:

“She gets out and she starts asking me all sorts of ridiculous questions…. *Bimbo*” [цит. по: Lange 2023].

Как понятно из приведенных выше процентных соотношений, для Д. Трампа интеллект других людей в значительно меньшей степени соотносится с психической сферой антипатий по сравнению с таким объектом оценки как *личностные черты* выступающих с критическими заявлениями женщин. Как следствие неудивительно, что на негативные оценочные суждения о личностных характеристиках женщин приходится одна четверть отобранных нами фрагментов дискурса Д. Ттампа. Весьма показательным в этом отношении является приводимый ниже фрагмент, содержащий общую характеристику женщин как личностей:

“There’s nothing I love more than women, but they’re really *a lot different than portrayed*. They are *far worse than men*, *far more aggressive*… they are *real killers*” [цит. по: Lange 2023].

В своих оценочных суждениях Д. Трамп легко «переходит и на личности» отдельных критикующих его женщин. Соответственно, личность члена Демократической партии США Хилари Клинтон (рис. 3), которая была основным конкурентом республиканца Д. Трампа на президентских выборах 2016 г., не могла не стать объектом его вербальных действий.

Рисунок 3 – Хилари Клинтон

В качестве языкового средства характеристики личности Х. Клинтон Д. Трамп использовал дерогативное прилагательное *nasty* с учетом потенциала этой лексемы эксплицировать отрицательные качества через значения *filthy, nauseating, vicious, spiteful or ugly* и др. [thefreedictionary.com]:

“*Such* a *nasty* woman” [цит. по: Walsh 2018].

В качестве еще одного примера вербальной агрессии можно привести речевые действия американского президента в отношении его бывшей помощницы О. Ньюман, которая опубликовала книгу “Unhinged” о своей работе в президентской администрации (рис. 4). В книге она критически отозвалась о стиле работы президента в Белом доме. Американский политик отреагировал исключительно агрессивно, найдя для характеристики личности О. Ньюман следующее недипломатичное выражение, которое можно перевести как «ненормальное, вопиющее убожество»:

“a crazed, crying lowlife” [цит. по: Shear 2018]).

Рисунок 4 – Омароза Ньюман

Вместе с тем следует акцентировать, что в большинстве анализируемых фрагментов дискурса (65 %) Д. Трамп предпочитает прибегать к агрессивным вербальным действиям, объектом которых становятся внешние данные критически настроенных по отношению к нему женщин. Известно, что американский президент долгое время был владельцем Всемирного конкурса красоты Мисс Вселенная (*Miss Universe beauty pageant*). То значение, которое бизнесмен и политик придает женской внешности, можно увидеть в следующем фрагменте его дискурса, в котором он обосновывает свое право на позицию эксперта в области красоты наличием у него ее эталона:

“I *really understand beauty*. … I do own Miss Universe. I do own Miss USA. … I *do understand beauty*” [цит. по: Lange 2023].

И все же возникает вопрос о том, по какой причине большинство женщин, критически высказывающихся в адрес Д. Трампа, становятся объектами отрицательно-оценочных речевых действий и рассматриваются с позиций их внешних данных. Одним из возможных объяснений может быть то, что внешность имеет большое значение для межличностной и социальной коммуникации и, в определенном смысле, является «зоной особой уязвимости» особенно для женщин. Примечательно, что 29 из 45 имеющихся фрагментов дискурса, содержащих негативно-оценочные суждения о женской внешности, в свою очередь, распадаются на фрагменты, объектами оценки которых становятся:

- внешние данные в целом (35 %);
- фигура (24 %);
- лицо (41 %).

Начнем с рассмотрения фрагментов дискурса, содержащих общую эксплицитную оценку женской внешности. Так, одним из обьектов ответных речевых действий Д. Трампа стала Ариана Хаффингтон – редактор и со-основатель издания HuffPost, публиковавшего критические материалы о Д. Трампе (рис. 5).

Рисунок 5 – Ариана Хаффингтон

В результате возникшего противостояния американский политик эксплицитно охарактеризовал ее как исключительно непривлекательную внешне и внутренне женщину:

“ugly both inside and out” [цит. по: Lange 2023].

Для Д. Трампа также свойственно предпринимать и имплицитные речевые действия, направленные на общую негативную оценку женской внешности. В 2016 г., когда сенатор-республиканец от штата Техас Тед Круз был одним из его соперников на праймериз, Д. Трамп разместил в своем аккаунте в соцсети фотографию жены Т. Круза Хайди (рис. 6). Сделав под ней подпись о том, что фото этой женщины «говорит само за себя», Д. Трамп попытался дискредитировать своего политического конкурента при помощи имплицитных средств языка:

“Images are worth a thousand words” [цит. по: Shear 2018].

Рисунок 6 – Хайди Круз

Что касается женской фигуры, то языковые средства, используемые Д. Трампом для вербализации ее оценки, также варьируются от эксплицитных до имплицитных. Американская звезда реалити-шоу, актриса и предприниматель Ким Кардашьян стала объектом неэтичных речевых действий со стороны Д. Трампа после того, как их дружеские отношения прекратились (рис. 7). Публичными стали негативно-оценочные суждения политика об ее фигуре. Приведем одно из них, где в качестве эксплицитного средства оценки используется прилагательное *bad* в своем базовом значении – *not good in any manner or degree* [thefreedictionary.com]:

“In the old days, they'd say she has a *bad* body” [цит. по: Lange 2023].

Рисунок 7 – Ким Кардашьян

Связанный с периодом президентской гонки, следующий фрагмент дискурса содержит негативную оценку фигуры Х. Клинтон, выраженную значительно более «мягкими» имплицитными средствами языка:

“When she walked in front of me, believe me, *I wasn’t impressed*” [цит. по: Lange 2023].

Наиболее часто в качестве объекта оценки Д. Трамп выбирает лица женщин, вероятно, потому, что лицо, его черты и особенности в восприятии людей являются тесно связанными и с интеллектом, и с личностными

характеристиками, то есть со всем тем, что значимо для социальной коммуникации.

Как и в предыдущих случаях, помимо эксплицитных языковых средств в ответ на критику используются и имплицитные (метафорические). В конце 90-х Гейл Коллинз (рис. 9), которая в то время была колумнистом *New York Newsday* (сейчас работает в *New York Times*), в одной из своих колонок отозвалась о Д. Трампе как о человеке, который преувеличивает размеры своего состояния, назвав его «тысячеонером в финансовом смысле»:

“financially embattled thousandaire”.

После этого Д. Трамп послал Г. Коллинз копию колонки с ее фотографией, на которой написал оскорбительную фразу:

“*the face of a pig*” [цит. по: Shear 2018].

Рисунок 8 – Гейл Коллинз

Как было отмечено выше, оказываясь в ситуации политической конкуренции, Д. Трамп прибегает к негативным высказываниям о внешних данных женщин-конкурентов. В одном из телеинтервью он продемонстрировал это в отношении Карлы Фиорины (рис. 10), которая в то время была его конкурентом на праймериз Республиканской партии:

“Look at *that face*. Would anybody vote for *that*? Can you imagine *that*, *the face of our next president*? I mean, she's a woman, and I'm not supposed to say bad things, but really, folks, come on. *Are we serious*?” [цит. по: Shear 2018].

В приведенном фрагменте нет эксплицитных языковых средств. Трамп оперирует исключительно существительным *face*, помещая его в вопросительные синтаксические структуры и окружая его лексемами, имплицирующими негативное отношение к внешности К. Фиорины, которая, по его мнению, уже по этой причине не может стать президентом США.

Рисунок 9 – Карла Фиорина

Другим достаточно часто применяемым Д. Трампом вариантом осуществления вербальной агрессии в отношении женщин является публичное реагирование на их критические заявления в виде высказываний о перенесенных ими неудачных пластических операциях, что мы также относим к имплицитным средствам вербальной агрессии. Именно к таким средствам обратился Д. Трамп после того, как в 2012 г. знаменитая американская певица и актриса Шер дала интервью журналу *Variety* (рис. 11). Являясь сторонницей Демократической партии, она выступила с резкой критикой выдвижения в качестве кандидата на пост президента США от Республиканской партии Мита Ромни. Будучи членом Республиканской партии, Д. Трамп отреагировал на критику своего однопартийца следующим обращением к Шер:

“Stop with the *bad plastic surgery* and nasty statements” [цит. по: Lange 2023].

Рисунок 10 – Шер

Аналогичные речевые действия, связанные с упоминанием пластических операций, Д. Трамп предпринял и в отношении актрисы Ким Новак:

“Kim should sue her *plastic surgeon*!” [цит. по: Shear 2018].

Таким образом, проведенное исследование позволяет реконструировать алгоритм участия американского президента в конфликтной коммуникации. Как языковая личность Д. Трамп «заточен» на создание конфликтных ситуаций посредством асимметричного реагирования на критические высказывания о нем как о политическом деятеле. Асимметрия выражается в несоответствии объектов оценки в ответных вербальных действиях Д. Трампа объектам оценки в инициирующих эти действия триггерах – критических высказываниях женщин. Иными словами, триггерами вербальной агрессии со стороны американского президента являются оценочные суждения о нем как о политическом акторе, в то время как в ответных оценочных суждениях американского политика основным объектом его оценки становятся внешние данные критически настроенных женщин.

Литература:

Гончарова, Л.М. К вопросу о трансформации культурно-языковых норм в современном социуме [Текст] / Л.М. Гончарова // Общая и русская лингвоаксиология: Коллективная монография. М. – Ярославль: Издательство «Канцлер». – 2022. – С. 228-252.

Фомин, А. Г. Репрезентация тактик вербальной агрессии в языковом сознании россиян и американцев [Текст] / А.Г. Фомин, Н.С. Якимова // Язык и культура. –2012. – №3 (19). – С. 41-49.

Щербинина, Ю. В. Вербальная агрессия [Текст] / Ю. В. Щербинина. – М.: УРСС. – 2006. – 360 с.

Якимова, Н.С. Вербальная агрессия как актуальный феномен современного общества [Текст] / Н.С. Якимова // Сибскрипт. – 2011. – № 1. – С. 184-187.

Lange, J. 61 things Donald Trump has said about women 2023 [Электронный ресурс] / J. Lange / Theweek.com. – Режим доступа: https://theweek.com/donald-trump/655770/61-things-donald-trump-has-said-about-women

Walsh, J. 11 insults Trump has hurled at women [Электронный ресурс] / J. Walsh / Businessinsider.com. – Режим доступа: https://www.businessinsider.com/trumps-worst-insults-toward-women-2018-10

Shear, M.D. "Horseface," "Lowlife," "Fat," "Ugly": How the President Demeans Women [Электронный ресурс] / M.D. Shear, E. Sullivan / www.nytimes.com. – Режим доступа: https://www.nytimes.com/2018/10/16/us/politics/trump-women-insults.html

Fastslang.com [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.fastslang.com/yap-yap-yap

Thefreedictionary.com [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.thefreedictionary.com/nasty

Thefreedictionary.com [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.thefreedictionary.com/bad

Languages.oup.com [Электронный ресурс] – Режим доступа: languages.oup.com/google-dictionary-en/

Беленкевич Е.В.
Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова
Россия, г. Барнаул

ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ОБРАЗНОСТИ В РЕЧИ АЛТАЙСКОЙ КРЕСТЬЯНКИ: ДИАЛЕКТНАЯ МЕТАФОРА

Ключевые слова: языковая личность, диалектная картина мира, идиолект, когнитивная метафора, алтайский диалект.
Keywords: linguistic personality, dialectal worldview, idiolect, cognitive metaphor, Altaic dialect.

Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход,
Клененочек маленький матке
Зеленое вымя сосет.

Сергей Есенин, 1910

С начала 70-х гг. XX в. коммуникативно-прагматические установки в языкознании актуализировали исследования образной лексики русского языка. Как отмечает Е.А. Шенделева, «до начала 70-х гг. образность традиционно рассматривалась в рамках литературоведения и стилистики» [Шенделева 2000: 73]. Современные же исследования метафоры в русле когнитивной

лингвистики кардинально изменили представление о ее природе и функциях. Так, Дж. Лакофф и М. Джонсон подчеркивают, что метафора – это не просто языковой феномен, но фундаментальный когнитивный механизм, структурирующий мышление и восприятие действительности. Метафора позволяет осмысливать абстрактные понятия через определенный физический и культурный опыт, проецируя признаки исходной когнитивной области на целевую [Лакофф, Джонсон 2004].

В русскоязычной традиции когнитивный подход к метафоре развивается в работах Н.Д. Арутюновой, В.Г. Гака, Н.Н. Болдырева, Е.С. Кубряковой, А.П. Чудинова, В.Н. Телии и многих других. В это же время всплеск интереса к народной речи обусловил появление исследований диалектной речи с точки зрения отражения в нем образности. В этой связи особо хотелось бы отметить труды ученых-лингвистов Томской школы русистики О. И. Блиновой, Е.А. Юриной, создавших пока единственный в отечественном языкознании «Словарь образных слов и выражений народного говора» [Блинова 2001], а также вышедший из печати в 2014 г. «Словарь образных единиц сибирского говора» [Блинова 2014] под редакцией Ольги Иосифовны Блиновой. Данные словари представляют собой объемные и глубочайшие исследования образности в сибирском диалекте.

Приобретая лингвоперсонологическую направленность, исследования образной лексики языка становятся актуальными и в идиолекте – в речи конкретной диалектной языковой личности. Это масштабные исследования В.Д. Лютиковой [Лютикова 2000], Е.В. Иванцовой [Иванцова 2002], Т.Ф. Волковой [Волкова 2004] и др.

Однако область исследований речи отдельно взятой диалектной личности и ее образных средств является недостаточно освещенной в отечественном языкознании. Причина этого кроется в труднодоступности языкового материала, длительности его сбора и обработки (поскольку для достоверных научных выводов требуются порой десятилетия регулярных языковых наблюдений). В настоящем же исследовании, посвященном диалектной метафоре, для анализа привлечена «живая» речь носителя диалекта, старожила села Быстрый Исток Алтайского края – Анны Васильевны Медведевой, 1913 года рождения. Языковой диалектный материал собирался автором продолжительное время (более 15 лет) методом языкового включения в сосуществование говорящего.

В силу этого предъявляемое исследование является *актуальным* и *своевременным*, сфокусированном на индивидуальной речи носителя диалекта, на отражение национальной картины мира сквозь призму диалектной метафоры. Данным фактом обоснована и *цель* исследования, заключающаяся в описании когнитивных оснований диалектной метафоры через анализ речевых практик старожила алтайского села. Исследование направлено на выявление ключевых моделей метафоризации, их роли в формировании диалектной картины мира, а также установление связи образной лексики с архаичными

когнитивными кодами (мифопоэтическим мышлением, христианской символикой).

В настоящей работе мы будем придерживаться определения метафоры в рамках когнитивного подхода (Дж. Лакофф, М. Джонсон, В.Н. Телия), где метафора интерпретируется как инструмент категоризации действительности, объединяющий антропоцентрические, натуроморфные и зооморфные образы.

Данное определение является тем базисом, на котором формируется диалектная языковая картина мира, поскольку «наивная» картина мира носителя диалекта предстает перед нами в своем первозданном ментальном образе, т.е. в единстве человека и окружающей природы и животного мира. Так, Л.Г. Гынгазова отмечает: «Две взаимообратимые модели «мир → человек» и «человек → мир», суть которых заключается в уподоблении, слиянии внеположенного человеческому, с одной стороны, и в продлении свойств человека на мир – с другой, восходят к мифологическому способу познания мира, при котором субъект и объект слиты. Обе модели относятся к числу архаических» [Гынгазова 2010: 9]. В.Н. Телия также указывала, что метафора отражает типовые для данной культуры образные представления [Телия 1988], что особенно значимо при анализе диалектной речи, где метафоры аккумулируют архаичные и культурно-специфичные национальные коды.

Наши наблюдения не противоречат данным научным выводам, а лишь еще раз подтверждают их. В качестве примера «слияния» человеческого мира и мира природного / животного приведем языковые метафоры из речи Анны Васильевны: ***прилетела ласточка в свое гнездышко*** (внучка приехала на каникулы домой из города); *рассчитались* ***на два табуна*** (разбились на две команды – игры на Масленицу); *своих* ***я семь выходила*** (вырастила семь детей); ***в одной узде*** *шли* (связаны одним делом); *ведь вся-вся Людка-то* ***высохла*** (о сильно похудевшем по каким-либо причинам человеке); ***закатилось солнышко*** (о смерти человека); *живет теперь барыней –* ***расцвела*** и др.

В рамках концепции зооморфного кода по В.Н. Топорову [Топоров 1995], животные выступают как символы человеческих качеств, что отражает мифопоэтическую модель мира, в которой природа и человек едины. Так, в примере *«Прилетела ласточка в свое гнездышко»* внучка уподобляется ласточке, а дом – гнезду. Или: *«Рассчитались на два табуна»*, где табун – это команда / группа людей. В данном примере коллектив структурируется по аналогии с животным сообществом. Во фразе *«Своих я семь выходила»* демонстрируется семантика выхаживания детей по аналогии с детенышами животных. *«В одной узде шли»:* узда – знак коллективной дисциплины, единой цели, что подчеркивает коллективизм, типичный для традиционного крестьянского сообщества определенного исторического периода. В данном примере отражен семантический признак сходства: узда – управление лошадью. В теории инструментальной метафоры А.П. Чудинова предметы труда зачастую становятся символами социальных отношений [Чудинов 2001].

В примерах *«Вся высохла», «Расцвела»* актуализирован природный признак – соотнесение тела человека с растением, что Н.Д. Арутюнова

называет «наивной анатомией» [Арутюнова 1998], где тело человека осмысливается через природные процессы. В отличие от научной анатомии, «наивная» опирается на повседневный опыт, фольклорные представления и антропоморфные аналогии. «Наивная анатомия» вписывается в более широкий контекст исследований «наивной картины мира» в лингвистике, где язык рассматривается как отражение коллективных представлений о реальности. В данных же примерах высыхание растения – это истощение человека, уход жизненных сил, цветение же – это здоровье человека, его жизненные силы, энергия.

«Закатилось солнышко» – данная метафора основана на проекции из природной области (цикл дня) в антропоцентрическую (жизнь человека). Здесь солнце как источник света и тепла метафорически связывается с жизненной энергией, а его «закат» – с угасанием. Подобные метафоры универсальны и восходят к архаичным представлениям о цикличности жизни и смерти, усиленным христианской эсхатологией, но в диалекте они приобретают уникальную образность, обусловленную близостью человека к природе, жизнью крестьянина в соответствии с природными циклами.

Исходя из анализа диалектных метафор, можем сделать вывод о том, что в диалекте доминирует холистическая картина мира, где нет резкой границы между человеческим и природным, человеческим и животным [Телия 1988]. Человек проецирует свои качества на природу и животных, что соответствует мифопоэтическому мышлению, где природа – основа миропонимания, по О.И. Блиновой [Блинова 2014]. Это объясняет, почему в диалектной картине мира доминируют метафоры, связанные с природой, христианской символикой и архетипическими образами – они отражают исторически сложившиеся способы взаимодействия человека с окружающей средой и метафизическим миром.

Однако исследование метафоры в диалектной речи выходит за рамки анализа отдельных лексем, охватывая целые нарративы, где метафоризация реализуется через сложное взаимодействие олицетворения, зооморфизма и антропоцентрических моделей, объединяя универсальные когнитивные механизмы с культурно-специфичными кодами. Подобные нарративы позволяют исследователю реконструировать фрагмент «наивной» картины мира носителя диалекта. Ярким примером служит повествование Анны Васильевны о слепом старичке, предсказавшем появление трактора («железного коня»): *«Старищок один у нас жил. Слеп он был и вещал, будто жись плохая будет … и* ***будют кони железныя пашню пахат****ь. И как раз он ещё живой был – дожилси. А мой мужик на трахтариста выучилси, и нам трахтар в колхоз пригнали. И приходют к нему и говорят: «Дедушка, мы* ***воронка*** *пригнали щас* ***железного****. Они его привели, посадили* ***на беседку****. А он: «А это що?» – «Это* ***седло*** *его». – «А это що? «Это* ***руль*** *– его* ***узда****. Вот управлять им». А тады ишшо руками заводили. Завили.* ***Он как загудел****: «Ой, якорь его!* ***Как он шипко ржёт-то****».*

Метафоризация отдельных частей целого (*беседка – седло, руль – узда, загудел – шибко ржёт-то)* приводит к олицетворению цельного образа ***трактора как воронка***. Метафорический образ *железного коня* обнаруживает глубокий метакультурный код (узус), специфичный для русского народа как нации, где кроются истоки мышления, когниции и интерпретации мира человеком. В этой связи хотелось бы процитировать стихотворение Сергея Есенина «Сорокоуст»:

Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что ***живых коней***
Победила ***стальная конница****?* (С. Есенин, 1920).

Позже С. Есенин писал в одном из своих писем: «Трогает меня в этом только грусть за уходящее милое родное звериное и незыблемая сила мертвого механического. Вот Вам наглядный случай из этого. Ехали мы от Тихорецкой на Пятигорск, вдруг слышим крики, выглядываем в окно, и что же? Видим, за паровозом что есть силы скачет маленький жеребенок. Так скачет, что нам сразу стало ясно, что он почему-то вздумал обогнать его. Бежал он очень долго, но под конец стал уставать, и на какой-то станции его поймали. Эпизод для кого-нибудь незначительный, а для меня он говорит очень много. Конь стальной победил коня живого. И этот маленький жеребенок был для меня наглядным дорогим вымирающим образом деревни и ликом Махно. …» [Мариенгоф 1926: 49]. Метафора *«железный конь»* становится культурным маркером неизбежного индустриального прогресса, т.е. исторического временного среза.

Метафора «железного коня» отражает мифопоэтическое мышление народа в целом, где новое (техника) осмысливается через архаичные категории (конь как символ силы и труда).

При анализе языкового материала нами выявлено еще одно когнитивное основание диалектной метафоры – христианская модель мира. О том, что языковая картина мира диалектоносителя детерминирована христианской верой свидетельствуют следующие примеры из речи Анны Васильевны: *«Я-то в 44 года* ***отродилась*** *–* ***отмылась».*** Христианская метафора ***«отродилась*** *–* ***отмылась»*** актуализирует национальный культурный код – христианский обряд крещения, где вода символизирует смывание грехов, и архетипический образ воды как универсального символа очищения (К.Г. Юнг).

В народной речи глаголы с префиксом *от-* часто выражают завершение определенного этапа (иногда весьма непростого) *«отстрадала», «отмучилась», «отболело»* и др. Глагол *«отродилась»* продолжает этот ряд, но в данном случае словотворчество носителя диалекта позволяет «наложить» словообразовательный речевой шаблон на собственное мировидение, соединив его с христианской символикой. Поэтому глагол *«отродилась»* – это продукт лингвокреативной деятельности, образованный от *«родиться»* с префиксом *от-*. В контексте же данного высказывания это означает завершение этапа жизни, связанного с грехом. Этот пример лишний раз подтверждает мысль о том,

христианская модель мира интегрирована в диалектную картину мира, детерминирована ей, что проявляется в подобного рода метафорах.

В целом проведённый анализ показал, что метафоры в идиолекте А.В. Медведевой не только отражают «наивную» картину мира, но и раскрывают глубинные когнитивные механизмы, описанные в рамках теории концептуальной метафоры. Метафоры в речи Анны Васильевны – это вербальные слепки коллективного опыта, где сливаются природное, социальное и божественное. Описанные метафоры являются концептуальными, отражающими мифопоэтическое сознание, вскрывающими архаичные слои языкового сознания, что еще раз подтверждает тезис о диалекте и его носителе как «хранителе» национального менталитета.

Литература:

Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

Волкова, Т.Ф. Сравнения в речи диалектной языковой личности : автореф. дис. … канд. филол. наук [Текст] / Т.Ф. Волкова. – Томск, 2004. – 32 с.

Гынгазова, Л.Г. Метафорическое мироделирование в дискурсе языковой личности [Текст] / Л.Г. Гынгазова // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 1. – С. 7-11.

Иванцова, Е.В. Идиолектный словарь сравнений сибирского старожила. – Томск, 2005. – 162 с.

Иванцова, Е.В. Феномен диалектной личности [Текст] / Е.В. Иванцова. – Томск, 2002. – 312 с.

Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

Лютикова, В.Д. Языковая личность: диалект и идиолект : дис. … д-ра филол. наук[Текст] / В.Д. Лютикова. – Екатеринбург, 2000. – 316 с.

Мариенгоф, А. Воспоминания о Есенине [Текст] / А. Мариенгоф. – М. : Огонек, 1926. – 60 с.

Телия, В.Н. Метафора в языке и тексте [Текст] / В.Н. Телия. – М. : Наука, 1988. – 174 с.

Топоров, В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. Избранное [Текст] / В.Н. Топоров. – М. : Прогресс-Культура, 1995. – 624 с.

Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры [Текст] / А.П. Чудинов. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.

Шенделева, Е.А. Категория образности: проблемы лексикографической интерпретации и перспективы исследования [Текст] / Е.А. Шенделева // Вестник ТГПУ. – 2000. – Вып. 3 (19). – С. 73-79.

Словарь образных единиц сибирского говора [Текст] / авт.-сост. О.И. Блинова, М.А. Толстова, Е.А. Юрина ; под ред. О.И. Блиновой. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. – 220 с.

Словарь образных слов и выражений народного говора [Текст] / под ред. О.И. Блиновой. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. – 312 с.

Беседина В.Г.
Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, г. Барнаул, Россия

БИБЛЕЙСКИЙ ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: библейский прецедентный текст, американский политический дискурс, предвыборная речь, библейская цитата, love thy neighbor
Keywords: biblical precedent text, American political discourse, campaign rally speech, biblical quote, love thy neighbor.

Библейский текст является одним из наиболее значимых текстов американской лингвокультуры, и потому закономерно, что он используется в качестве прецедентного текста в различных видах дискурса. В частности, библейские цитаты и аллюзии часто встречаются в американском политическом дискурсе со времени образования Соединенных Штатов до сих пор, несмотря на снижение доли христиан в населении страны в последние десятилетия [Smith 2025]. Библейский прецедентный текст в речи американских политиков является объектом внимания как российских, так и зарубежных исследователей. Так, Т.Ю. Погодина анализирует цели использования политиками библейских цитат и отмечает, что помимо придания речи торжественности, а также большей силы и веса, говорящий за счет идентификации с общепризнанным священным текстом может продвигать свои политические взгляды, курс, политическую повестку, нередко используя прецедентный текст для манипулирования общественным мнением. Кроме того, автор отмечает еще одну важную для американцев цель обращения к библейским текстам, а именно продвижение идеи исключительности, избранности американского народа [Погодина 2021а]. Многие авторы исследуют наиболее яркие примеры цитирования библейских текстов ведущими американскими политическими деятелями [Погодина 2021б, Whelchel 2017, Berlinerblau 2007, Blake 2023, Scheiss 2023]. Отмечается, что специалисты по политтехнологиям советуют американским политикам включать в свою речь «узнаваемо библейский язык», а в южных штатах, где христианство более распространено среди населения, цитирование Библии в предвыборной речи становится чуть ли не требованием [Berlinerblau 2007: 4].

Для исследования нами была выбрана фраза «love thy neighbor», которая является фрагментом ответа Иисуса на вопрос о том, какая заповедь самая главная в законе: «*And Jesus answered him, The first of all the commandments is , Hear, O Israel; The Lord our God is one Lord: and thou shalt love the Lord thy God with all thy heart, and with all thy soul, and with all thy mind, and with all thy strength: this is the first commandment. And the second is like, namely this, Thou shalt love thy neighbour as thyself*» (Евангелие от Марка 12:29-31 в переводе King James Version). Как одна из двух важнейших заповедей, заповедь «возлюби ближнего своего», безусловно, является легко узнаваемой носителями американской лингвокультуры. Данный прецедентный текст неоднократно

выбирался в качестве названия авторами песен, книг, фильмов и телевизионных сериалов [Love Thy Neighbor, эл. ресурс]. Его цитировали и продолжают цитировать многие американские политики: президенты и вице-президенты, сенаторы, губернаторы.

Источником материала для исследования послужили речи американских политиков разных лет, собранные на сайте Калифорнийского Университета Санта-Барбары в рамках особого проекта по обеспечению доступа к архивам публичных выступлений американских президентов, вице-президентов и кандидатов в президенты США [The American Presidency Project, эл. ресурс]. Сайт снабжен инструментом расширенного поиска, позволяющего найти нужное слово или фразу среди почти 170 000 документов. Для более репрезентативного поиска было решено добавить в материалы исследования речи с цитатами выбранного библейского прецедентного текста в более современном переводе Библии: love your neighbor. Всего был обнаружен 261 случай цитирования данной библейской заповеди, из которых 145 случаев цитирования современного перевода и 116 – перевода короля Иакова (KJV). Для сравнения нами было проверено число цитирования другой заповеди, названной Иисусом «первой и самой важной» – love the Lord thy God – и было обнаружено всего 24 случая. Как видим, к этому библейскому прецедентному тексту политики обращаются значительно реже, и потому он не вошел в рамки нашего исследования.

В то время как многие политические деятели обращались к цитированию заповеди love thy/your neighbor, некоторые из них делали это особенно часто. Так, из всех проанализированных цитат, почти половина принадлежит Джорджу Бушу-младшему: 125 из 261, или 48 %. Другие два политика, включавшие данную цитату в свои речи, это Камала Харрис (47 из 261 случаев, или 18%) и Линдон Джонсон (26 из 261 случаев, или 10 %). Таким образом, 76 % всех обнаруженных цитирований приходятся на долю этих трёх политических деятелей.

Чем обусловлена столь высокая доля именно этих политиков в общем количестве цитирований? Если проанализировать случаи, по которым другие политики обращались к этой фразе, то, как правило, они таковы, что включение элементов религиозного дискурса в речь не только уместно, но и желательно: это речи при посещении различных религиозных организаций (церквей, синагог, христианских учебных заведений) и мероприятий (ежегодно проводимый лидерами американских религиозных организаций Национальный молитвенный завтрак; Рождественское обращение к нации, День памяти Мартина Лютера Кинга, который помимо лидера движения за гражданские права был еще и пастором и проповедником в церкви; поминальные службы и панихиды по погибшим при стихийных бедствиях или террористических актах). Что же касается названных нами выше трёх политических деятелей, то они включали исследуемую цитату в свои речи при выступлениях перед электоратом не только по религиозно обусловленным случаям, что мы рассмотрим ниже подробнее.

Основная доля цитирований исследуемой фразы Л. Джонсоном (18 из 26, или 69 %) приходится на его речи в рамках предвыборной кампании. В 1963 г. Л. Джонсон стал исполняющим обязанности президента США после убийства Джона Кеннеди, а в 1964 г. он выдвинул свою кандидатуру для участия в выборах. Его предвыборные речи характеризуются большим числом упоминаний Бога, Библии, цитирований и аллюзий к библейскому тексту, так что обращение к заповеди love thy neighbor происходит в контексте призыва следовать другим христианским ценностям и практикам. Например, в выступлении перед работниками электропромышленности 23 сентября 1964 г. Л. Джонсон начинает и заканчивает свою речь обращением к Библии:

«Mr. Carey, my fellow Americans, I wanted to come here earlier this morning, but Jim Carey is rather conservative and he reminded me that ***the Bible says, "The sleep of the laboring man is sweet,"*** *especially during convention time, so I delayed my arrival because in my heart I knew he was right»* [Johnson 1964a, здесь и далее выделено мной – В.Б.].

«Yes, we know not what the future may bring. We know not how we may be led. We know not what may be ***God's will****. But* ***His course is to do justice, to love mercy, and to walk humbly.*** *I would like to feel, as I leave this room and return to the lonely acres that are surrounded by a big, black, iron fence, that whatever I do, wherever I go, wherever my decisions may lead us, I will have your* ***prayers*** *and your support. Thank you»* [Там же].

В американской традиции публичных выступлений для налаживания контакта с аудиторией принято начинать речь с шутки, и Л. Джонсон использует цитату из книги Екклесиаста (5:11) «сладок сон трудящегося», чтобы объяснить более позднее время своего выступления в расписании. Заключительный фрагмент речи также наполнен элементами религиозного дискурса (*God's will/Божья воля, His course/Его путь, prayers/молитвы*), а так же включает реминисценцию текста из книги пророка Михея 6:8: «*He has shown you, o man, what is good; and what does the Lord require of you but* ***to do justly, to love mercy, and to walk humbly with your God****?»*

Таким образом, цитирование заповеди love thy neighbor является не единственным обращением к библейскому тексту в предвыборной речи Л. Джонсона и является одним из нескольких призывов следовать христианским ценностям, как те, что выражены в фрагменте выше («действовать справедливо, любить дела милосердия и смиренномудренно ходить перед Богом твоим») и ниже («как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними», Евангелие от Луки 6:31, Синодальный перевод):

«Embrace those who tell you to follow the Golden Rule, ***do unto others as you would have them do unto you****, and to* ***love thy neighbor as thyself****»* [Johnson 1964a].

Что касается выступлений Джорджа Буша-младшего, то в обеих своих предвыборных кампаниях он продвигал идею «состадательного консерватизма» («compassionate conservatism»), поэтому использование библейской заповеди love thy neighbor, безусловно, прекрасно подкрепляет призывы к проявлениям

сострадания к ближним. После террористической атаки 2001 года и начала операции в Ираке в 2003 году военная тема в речах Дж. Буша сочетается с темой сострадания, как в примере ниже:

«Yesterday I met Nadine Gulit. Nadine and her daughter, Sheryl, started what's called Operation Support Our ***Troops****. I see a lot of heads nodding. You see, these women are* ***soldiers in the army of compassion****. These are volunteers who have decided to take time out of their lives to help others. Oftentimes we talk about the great strength of America being our* ***military****. We'll keep it strong. But the greatest strength of America is the hearts and souls of our fellow citizens, those of you who are willing to mentor a child, those of you who are willing to feed the hungry or find shelter for the homeless, those of you who are willing to* ***love your neighbor*** *just like you'd like to be loved yourselves. The reason I bring up I want to thank Nadine for her* ***compassion*** *and for the example she has set»* [Bush 2004].

Приведенный фрагмент является примером реализации схемы, которую регулярно использовал Джордж Буш-младший в своих выступлениях перед избирателями в поездках по разным штатам: он представлял публике кого-то из местных волонтеров, много сил посвятившего служению местному сообществу или определенной социальной группе, нуждающейся в поддержке; затем рассказывал о ценном вкладе этого человека через помощь ближним; затем отмечал, что такое служение сострадания вносит вклад в общее дело укрепления страны и снова благодарил гостя. Такой сценарий в начале речи выполнял контактоустанавливающую функцию, демонстрируя в числе прочего общность ценностей оратора и слушателей, и обращение к Библии указывает на общее христианское основание этих ценностей. Дополнительные барьеры при контакте с аудиторией снимается использованием современного перевода библейского текста - «your neighbor» вместо «thy neighbor», который органично вписывается в речь, при этом оставаясь узнаваемым прецедентным текстом еще и из-за того, что оратор совместил заповедь возлюбить ближнего с другим наиболее узнаваемым текстом – так называемым «Золотым правилом» (Golden Rule), которое цитировал в своей предвыборной речи и Л. Джонсон, как было продемонстрировано в примере ранее. Интересно, что у обоих президентов эти два библейских фрагмента расположены рядом, но у Буша они трансформированы и вписаны в одно предложение: «*...those of you who are willing to* ***love your neighbor just like you'd like to be loved yourselves***».

Камала Харрис в своих предвыборных выступлениях также интегрирует цитату *love thy neighbor* в предложение, однако для большей узнаваемости использует более старый перевод Библии (KJV). В её речи цитата также преподносится в контексте ценностей, за которые выступает кандидат в президенты, которые выражаются в форме «базовых прав и свобод» (*«fundamental freedoms and rights»*), таких как право участвовать в выборах, право распоряжаться своим телом, свобода от насилия с применением оружия, свобода «дышать чистым воздухом и пить чистую воду», свобода «любить того, кого ты любишь, открыто и с гордостью» [Harris 2024, здесь и далее перевод мой – В.Б.]. Основное отличие использования библейской заповеди в речи К.

Харрис по сравнению с другими кандидатами – это не одобрение и похвала тем, кто поступает в соответствии с данной заповедью (ср.: «embrace those who tell you to <…> to love thy neighbor as thyself» (Л. Джонсон) и «*the greatest strength of America is the hearts and souls of our fellow citizens, <…> those of you who are willing to* ***love your neighbor***» (Дж. Буш)), а осуждение тех, кто, по мнению оратора, эту заповедь игнорирует, как будто её не существует. Камала Харрис задаёт риторический вопрос: «Что же случилось с возлюби ближнего своего"?»

«*And ours is a fight for freedom – (applause) – because you all know – and as I travel the country it becomes increasingly clear to me – there is a full-on attack afoot against hard-fought, hard-won, fundamental freedoms and rights, like the freedom to vote. The – in Georgia – right? – passed a law that basically makes it illegal to give people food and water for standing in line to vote. Think about that. The hypocrisy abounds.* ***Whatever happened to "love thy neighbor"****?Attacks on the freedom to be safe from gun violence, the freedom to breathe clean air and drink clean water, the freedom to love who you love openly and with pride (Applause)*»[Harris 2024].

Далее К. Харрис приводит пример защиты права «любить того, кого ты любишь, открыто и с гордостью» – регистрировать однополые браки, что она делала одна из первых в стране, а также противоположный пример – пример притеснения этого права – принятый во Флориде закон, запрещающий пропаганду однополых отношений в школах. Оратор использует эмоционально окрашенную речь, чтобы подчеркнуть опасность угрозы фундаментальным правам и свободам:

«*But think about this. Think about this.* ***It pains my heart*** *when I think about that ... if you think about it, among the people directly impacted are teachers. And think about that young teacher who is probably in their 20s who is* ***afraid*** *to put up a photograph of themselves and their partner for* ***fear*** *they could be fired. For doing what job? God's work – teaching other people's children*» [Там же].

Таким образом, прецедентный текст love thy neighbor используется К. Харрис в окружении двух примеров того, что она считает несоблюдением этой заповеди со стороны оппозиции – республиканской партии, способствовавшей продвижению соответствующих законов. В данном случае её речь отражает широкую тенденцию в современном американском дискурсе и обществе в целом – виктимизацию граждан. В речи это отражается использованием эмоционально окрашенной речи для создания образа жертвы и образа преследователя. Образ оппозиции рисуется самыми черными красками: это люди, которые отказывают ближним в еде и воде, лицемеры, нарушающие одну из главных хрисианских заповедей:

«*The – in Georgia – right? – passed a law that basically makes it* ***illegal to give people food and water*** *for standing in line to vote. The* ***hypocrisy abounds****.* ***Whatever happened to "love thy neighbor"****?*» [Там же].

В данном случае примечателен контраст с контекстом использования того же библейского текста Л. Джонсоном:

«I haven't come here tonight to say anything ugly about my opponent, sling any mud, do any muckraking, talk about anybody. I don't hate anyone. I try to love everybody. I "love thy neighbor as thyself," and I hope you do, too» [Johnson 1964б].

«I hope that somehow we can learn to love thy neighbor as thyself. I hope that somehow we can refrain from speaking badly of our fellow men. Our work after this election is going to be to heal the wounds of the campaign, and to try to rebuild the unity of all the people of America. We cannot endure in bitterness. The greatness of this great country rests on our being a united people--the United States of America» [Johnson 1964в].

Обращает на себя вниманние еще одно отличие использования библейского прецедентного текста в речах К. Харрис — это некий универсализм, способность прямо или косвенно подкрепить фразой love thy neighbor целый ряд различных политических заявлений и призывов. Помимо рассмотренных выше ценностей, продвигаемых демократической партией США, в более ранних речах времен пандемии К. Харрис подкрепляет авторитетом Библии идею ношения масок и всеобщей вакцинации, усиливая воздействие цитаты путем ее многократного повторения:

«For me, it all comes down to that little bit of Scripture – that Golden Rule: ***"Love thy neighbor." Wearing a mask is loving thy neighbor. Getting vaccinated is loving thy neighbor****. And* ***voting is loving thy neighbor.*** *So let's fight for the right to vote, knowing it is an extension of the love of our community and our country»* [Harris 2021].

Закономерно, что К. Харрис как вице-президент поддерживала политику Д. Байдена в отношении мер против распространения короновируса, и что риторика их выступлений схожа. Вот что сам президент говорит о ношении маски:

Mask wearing is not a political statement – it's a ***scientific imperative****. It's a* ***point of patriotic pride,*** *so we can pull our country out of this spiral, and it's a* ***testament to the values*** *we were taught by our families and by our faiths –* ***"Love thy neighbor as thyself"*** [Biden 2020].

Президент приводит три аргумента, хотя бы один из которых точно должен найти отклик в сердцах американцев: ношение маски как научно доказанная необходимость, как проявление патриотизма и национальной гордости, как свидетельство разделяемых христианских ценностей, свидетельство любви к ближнему.

На основании изложенного можно сделать вывод, что библейский прецедентный текст в целом и заповедь love thy neighbor в частности не утрачивают своей значимости для американской аудитории и продолжают активно использоваться в американском политическом дискурсе. В рамках данной статьи нами были рассмотрены примеры, показывающие, что данная фраза может использоваться в прагматических целях, для побуждения слушателей к выполнению желаемых целей, в целях самопрезентации, когда оратор заявляет о собственных ценностях, с целью установления контакта с аудиторией, когда оратор говорит об общих разделяемых ценностях. Если в

большинстве речей исследуемых библейский текст выполняет функцию объединения говорящего и слушателей, то в предвыборной речи К. Харрис явно добавляется дихотомия «свой-чужой», когда оратор имплицитно противопоставляет тех, кто стремится выполнять заповедь «возлюби ближнего» тем, что её явно нарушает. Слушателям напрямую не даётся ни пример, как следует любить ближнего, ни призыв это делать, а вместо этого приводится негативный пример – как делать не следует. Насыщенность речи негативом и обвинениями в адрес оппонентов – еще одна черта современного американского политического дискурса – в данном случае находит отражение в характере использования библейского текста love thy neighbor. Кроме того, если в выступлениях прежних лет контекстом для цитирования библейской заповеди служило описание дел, репрезентирующих христианские ценности и являющихся буквальным воплощением некоторых из них, то в предвыборных речах К. Харрис такое дело только одно (*give people food and water*), однако в расширенном контексте обнаруживаются примеры поведения, противоречащего христианской морали, иллюстрирующие политическую повестку демократической партии.

Таким образом, проведенное исследование позволяет утверждать, что при сохранении частотности обращения к библейскому прецедентному тексту love thy neighbor в американском политическом дискурсе изменился характер таких обращений: данный текст цитируется с целью обвинения оппозиции, а также с целью продвижения и популяризации конкретных политических решений, которые не обязательно совпадают с ценностями, транслируемыми библейским текстом в целом. Представляет интерес рассмотреть, какие еще библейские фразы широко цитируются в современном политическом дискурсе, и провести сравнительный анализ из использования политиками разных лет.

Литература:

Погодина, Т.Ю. Священные тексты Америки // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. Сер.: История, культура и искусство. – 2021. – № 02 (03). – Режим доступа: https://scipress.ru/fai/articles/svyashhennye-teksty-ameriki.html

Погодина, Т.Ю. Глас президента – глас Божий? Библия в американском политическом дискурсе // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. Сер.: История, культура и искусство. – 2021. – № 02 (03). – Режим доступа: https://scipress.ru/fai/articles/glas-prezidenta-glas-bozhij-bibliya-v-amerikanskom-politicheskom-diskurse.html

Berlinerblau, J. "Thumpin' It: The Use and Abuse of the Bible in Today's Presidential Politics," J. Berlinerblau Westminster John Knox Press, 2007. – 190 p. – Режим доступа: https://www.google.ru/books/edition/Thumpin_It/f5grNRmysKQC?hl

Blake, J. As the 2024 campaign heats up, be wary of politicians who 'textjack' the Bible / John Blake / CNN. – 2023. – October 3. – Режим доступа: https://edition.cnn.com/2023/10/03/us/politicians-bible-verses-textjacking-christianity-cec/index.html

Biden, Joseph R. Jr. Remarks by Vice President Joe Biden in Wilmington, Delaware / J. R. Biden / The American Presidency Project. – October 23, 2020. – Режим доступа: https://www.presidency.ucsb.edu/node/347053

Bush, G.W. Remarks at Fort Lewis, Washington / G. W. Bush / The American Presidency Project. – June 18, 2004. – Режим доступа: https://www.presidency.ucsb.edu/documents /remarks - fort-lewis-washington

Dreisbach, Daniel L. The Bible and the 2016 Presidential Campaign / Daniel L. Dreisbach / Religion in Public / March 20, 2017 – Режим доступа: https://religioninpublic.blog/2017/03/20/the-bible-and-the-2016-presidential-campaign/

Harris, K. Remarks by the Vice President at a Campaign Event in Pittsburgh, Pennsylvania / K. Harris / The American Presidency Project. – September 25, 2024. – Режим доступа: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-the-vice-president-campaign-event-pittsburgh-pennsylvania

Harris, K. Videotaped Remarks by the Vice President to Brown Chapel AME Church / K. Harris / The American Presidency Project. – March 07, 2021. – Режим доступа: The American Presidency Project https://www.presidency.ucsb.edu/node/348325

Johnson, Lyndon B. Remarks at the Annual Convention of the International Union of Electrical Workers / Lyndon B. Johnson / The American Presidency Project. – 1964a. – Режим доступа: https://www.presidency.ucsb.edu/node/241357

Johnson, *Lyndon B.* Remarks at a Rally in Pasadena, Texas / Lyndon B. Johnson / The American Presidency Project. – 1964*б*. – Режим доступа: https://www.presidency.ucsb.edu/node/241658

Johnson, Lyndon B. Remarks at a Rally in Houston / Lyndon B. Johnson / The American Presidency Project. – 1964в. – Режим доступа: https://www.presidency.ucsb.edu/node/241679

Love Thy Neighbor [Эл. ресурс] / Wikipedia.org. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Love_Thy_Neighbor

Schiess, K. The Ballot and the Bible.How Scripture Has Been Used and Abused in American Politics and Where We Go from Here / K. Schiess. – Baker Publishing Group, 2023. – 224 p. – Режим доступа: https://www.google.ru/books/edition/The_Ballot_and_the_Bible /L5SYEAAAQBAJ?hl

Smith, G.A. Decline of Christianity in the U.S. Has Slowed, May Have Leveled Off: Findings from the 2023-24 Religious Landscape Study / Gregory A. Smith, Alan Cooperman, Becka A. Alper и др. / Pew Research Center. – 2025. – Режим доступа: https://pewrsr.ch/3EXnfrS

Whelchel, Hugh. A Quick Look at the Role of the Bible in Presidential Inaugurations / H. Whelchel / Public Square. Institute for Faith, Work and Economics, 2017. – Режим доступа:: https://tifwe.org/the-bible-in-presidential-inaugurations/

Бобровская Н.А, Манухина И.А.
Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В РОМАНЕ ЧИГОЗИ ОБИОМЫ «РЫБАКИ» (НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ)

Ключевые слова: интертекстуальность, деколонизация, мифология, архетип, дискурс.

Keywords: intertextuality, decolonization, mythology, archetype, discourse.

Интертекстуальность как концепт занимает важное место в современной литературоведческой парадигме, начиная с работ Юлии Кристевой [Кристева 2004: 12] и Михаила Бахтина [Бахтин 1972: 47]. В широком смысле

интертекстуальность предполагает наличие в любом тексте следов других текстов – через цитаты, аллюзии, реминисценции, структурные заимствования и т.д. В контексте постколониальной литературы интертекстуальность приобретает особое звучание: она становится способом диалога между традиционной культурой и колониальным, а также постколониальным дискурсом и способом сопротивления и деконструкции чужой культурной матрицы. Кроме того, интертекстуальность выполняет и эстетическую функцию, позволяя автору выстраивать многослойное повествование, в котором разные культурные коды взаимодействуют между собой. В романе «Рыбаки» Чигози Обиомы интертекстуальные связи формируют сложное повествование, раскрывающее как индивидуальную трагедию семьи, так и глубинные механизмы нигерийской социокультурной реальности.

Одним из центральных интертекстуальных пластов в «Рыбаках» является нигерийская мифология, а именно – йорубская. Персонаж Абулу, безумный прорицатель, может быть истолкован как своего рода трикстер или пророк, аналогичный мифологическим фигурам, несущим в себе как разрушение, так и откровение [Okpewho 1994: 79]. Его пророчество становится катализатором трагедии, воплощая идею самосбывающегося предсказания, характерного для традиционной африканской сказки и мифа. При этом фигура Абулу может интерпретироваться и как своеобразная инкарнация древнегреческого Тиресия, слепого провидца, несущего знание, но не способного его контролировать.

Кроме того, в романе звучат отголоски традиционных представлений о духовных силах и проклятиях, о сакральной силе слова. Мифологическое сознание, в рамках которого пророчество воспринимается как неотвратимая истина, становится основой для трагических решений героев, прежде всего Икенны.

Библейская интертекстуальность пронизывает роман, начиная с самого названия. Рыбаки – это отсылка к Новому Завету, в частности к призванию учеников Иисусом Христом: «Come, follow Me, and I will send you out to fish for people» (Мф. 4:19) [Holy Bible 2024]. Однако в романе эта «ловля» превращается в искажение, в разрушение братской связи. Вместо духовного преображения происходит физическая и моральная деградация. Таким образом, Обиома использует библейский контекст, чтобы показать утрату нравственных ориентиров в мире, утратившем баланс между традицией и модернизацией.

Также можно отметить параллели между братьями и ветхозаветными фигурами: например, конфликт между Икенной и его младшими братьями перекликается с библейскими сюжетами о Каине и Авеле, Иосифе и его завистливых братьях. Подобные отсылки усиливают архетипический масштаб конфликта и придают повествованию универсальный трагический тон.

Роман Обиомы активно взаимодействует с постколониальным контекстом, в котором он был создан. Уже само включение традиционных африканских нарративов, мифов, верований и фольклора в англоязычную форму повествования является актом интертекстуального сопротивления [Ашкрофт 2020: 103].

На уровне нарратива роман отражает внутренний конфликт постколониального субъекта, разрывающегося между наследием традиции и влиянием западной модернизации. Отец главных героев является символом рационального, западно-образованного мира. Он противопоставлен фигурам, связанных с мифом, пророчеством и предопределённостью. Этот конфликт метафорически воспроизводит колониальное столкновение мировоззрений, где западная логика рациональности сталкивается с африканским коллективным бессознательным.

Интертекстуальные связи с нигерийской политической историей 1990-х годов (военные режимы, нестабильность, страх, насилие) позволяют воспринимать трагедию семьи как аллегорию для целой нации. Таким образом, «Рыбаки» становится не только романом о семье, но и интертекстуальным политическим комментарием, встраивающим частную судьбу в широкую постколониальную рамку.

Рассматривая роман с позиции юнгианской аналитической психологии, можно выделить ключевые архетипы, воплощённые в образах персонажей. Эти архетипы функционируют как интертекстуальные отсылки к коллективному бессознательному и универсальной символике, что делает роман Обиомы более многослойным [Юнг 2019: 201].

Абулу воплощает архетип Тени, разрушительной, иррациональной и неизведанной части человеческой психики. Его появление разрушает стабильность и вызывает в героях внутреннюю трансформацию, что соответствует функции Тени как катализатора индивидуализации.

Икенна представляет собой Героя, чья судьба трагически нарушается вмешательством пророчества. Он вступает в борьбу с собственной Тенью (как внутренней, так и внешней в образе Абулу), но не выдерживает давления. Его крах символизирует невозможность целостности в условиях разорванного мира.

Бенджамин, рассказчик романа, является воплощением архетипа Невинного или Смотрящего. Он переживает путь инициации через страдание и потерю, что позволяет ему обрести знание и зрелость. Его голос – это голос памяти и реконструкции, что делает его медиатором между прошлым и настоящим, между личным и коллективным.

Мать героев олицетворяет архетип Великой Матери, как питающей, так и страдающей. Её фигура многогранна: она способна к любви и заботе, но также бессильна перед внешними катастрофами. Её роль усиливает сакральное измерение повествования.

Через использование архетипов Юнга Обиома создаёт мост между индивидуальным психологическим опытом и универсальными структурами сознания. Это позволяет рассматривать роман не только как социальное или культурное высказывание, но и как часть великого интертекстуального диалога с глубинными пластами человеческой психики.

Таким образом, интертекстуальность в романе Чигози Обиомы «Рыбаки» выступает не просто как литературный приём, но как ключ к пониманию

глубинных смыслов произведения. Через мифологические, библейские, культурные и психологические отсылки автор выстраивает многоуровневую повествовательную структуру, в которой личное становится отражением коллективного, а судьба отдельной семьи – метафорой судьбы целого народа.

Постколониальная перспектива, взаимодействие с архетипами Юнга, встраивание локальных традиций в глобальный литературный контекст – всё это превращает роман Обиомы в пример художественного синтеза. Интертекстуальность здесь служит не только эстетическим инструментом, но и формой памяти, сопротивления, исследования и духовного поиска. То есть, роман «Рыбаки» становится повествованием, которое говорит сразу на многих языках: языке мифа, Священного Писания, психоанализа, политической аллегории и личной трагедии, объединённых в единое литературное целое.

Литература:

Кристева, Ю. Семиотика. Поэтика [Текст] / Ю. Кристева / М.: Академический проект, 2004. – 512 с.

Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского [Текст] / М. М. Бахтин / М.: Советский писатель, 1972. – 502 с.

Okpewho, I. Myth in Africa: A Study of Its Aesthetic and Cultural Relevance / I. Okpewho [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.jstor.org/stable/1581184

Holy Bible. New International Version. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.biblegateway.com/passage/?search=Matthew+4%3A19&version=NIV

Ашкрофт, Б. Постколониальная трансформация / Б. Ашкрофт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://abimperio.net/books/Myths_and_Misconceptions.pdf

Юнг, К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное [Текст] / К. Г. Юнг / М.: АСТ, 2019. – 496 с.

Богданович Л.А.
Государственное учреждение образования «Средняя школа № 9 г. Мозыря»
Республика Беларусь

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В МАССМЕДИЙНЫХ ТЕКСТАХ (НА ОСНОВЕ КОРПУСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Ключевые слова: детерминологизация, массмедийный текст, контекст, образ, метафорический оборот, семантические изменения.

Keywords: determinologization, mass media text, context, image, metaphorical turn, semantic transformations.

Без сомнения, текст является результатом особого вида языковой и культурной деятельности человека. Текстотворчество как деятельность и произвольный процесс представляет собой особое состояние языковой и текстовой личности и остается сверхактуальным предметом лингвотекстовых и текстоведческих исследований [Казарин 2018: 5-8].

В настоящее время невозможно представить современное общество без средств массовой информации. Публицистика активно вмешивается в жизнь общества, формируя общественное мнение посредством открытого комментирования фактического материала, попадающего в поле ее зрения. Н.С. Валгина говорит о публицистичности как о «ярко выраженной авторской позиции, искусстве аргументации и убеждения» [Валгина 2003: 138-140]. Цель публицистики, по мнению лингвиста, заключается в формировании общественного мнения не только через передачу сообщений, но и их разъяснение, которое достигается авторами публицистического стиля в том числе благодаря использованию в своём творчестве филологической терминологии (например: «*В нашем футболе при принятии любого абсолютно решения, к большому сожалению, не стоит* ***с красной строки*** *вопроса: «А что скажут люди, получат ли они удовольствие?»»* (Сергей Егоров. Для кого играли «Крылья Советов» и «Динамо»? // Советский спорт, 2011.09.26) [НКРЯ, 2021].

Многообразие подходов к изучению СМИ связано с их сложной природой. С одной стороны, это институциализированные, регламентируемые различными нормами образования, с другой – СМИ производят продукт (контент), особым образом отражающий действительность, в том числе через использование авторами филологических терминологических единиц [Исследования СМИ 2011: 7-8].

В публицистическом стиле органично сочетаются экспрессия и стандарт. Выбор языковых средств в совокупности с авторской манерой подачи информации формируют языковое своеобразие, в особенности газетного текста, отличая его от художественного и научного. Ценностью обладает, прежде всего, прагматическая информация и содержательная новизна для читателя, усиливающая действенность речи [Ахманова 1966: 94-98].

Основной **целью** настоящего исследования является фиксация и описание филологической терминологии в массмедийных контекстах.

Достижению поставленной цели способствовало решение **задач**:

– выявить количество употреблений филологических терминологических единиц (ФТЕ) на основе корпусного исследования;

– выявить особенности функционирования филологических терминологических единиц в массмедийных контекстах.

Считаем вопрос о функционировании лингвистической терминологии в языке массмедиа, а также её способность являться средством эмоционального усиления авторской мысли с целью воздействия (в том числе психологического) на адресата / аудиторию **актуальным**.

Нами использованы данные газетного подкорпуса, включающего фрагменты текстов таких СМИ, как «Известия», «Советский спорт», «Труд», «Комсомольская правда», а также тексты сообщений электронных агентств РИА «Новости», РБК, «Новый регион».

Метод сплошной выборки и контекстуального анализа применялся на этапе отбора фактографического материала. Для подсчёта филологических

терминоединиц использовался количественный метод. На этапе систематизации выявленных контекстов и интерпретации результатов – метод лингвистического описания.

Среди российских лингвистов, обратившихся первыми к особенностям медиатекстов, были В. Г. Костомаров, Г. Я. Солганик, С. И. Бернштейн, Д. Н. Шмелёв, Л. М. Майданова, В. И. Михалкович и др. Различные аспекты изучения массмедийного дискурса отражены в работах М. А. Жовтобрюха, И. Я. Завальнюка, Г. Г. Почепцова и др. Большое значение имеют труды западных учёных в области изучения стилевых особенностей массмедийного языка и разработке типологии медиатекстов (А. Белла, Р. Фаулера, Н. Фейерклафа, М. Монтгомери, Т. ван Дейка и др.), составившие теоретическую основу настоящего исследования.

В процессе корпусного исследования нами было извлечено около 800 фрагментов массмедийных контекстов, в составе которых зафиксировано 300 филологических терминов (учитывая повторяющиеся единицы), используемые как в виде отдельных слов-терминов, так и словосочетаний.

В таблице 1 приведено общее количество зафиксированных филологических единиц в массмедийных контекстах.

Таблица 1 – Количественное соотношение филологических терминологических единиц в газетном подкорпусе

Филологические номинации		**Общее количество употреблений**
Однословные	**Двухсловные**	
246	54	300
82 %	18%	100 %

По результатам проведённого исследования в текстах СМИ преобладают такие однословные терминологические лексемы, как *слово (64), парадигма (28), буква (22), точка (18), запятая (16), метафора (12), архаизм (11)* [Богданович 2022: 11].

Редки в использовании однословные термины, как *абзац, абракадабра, акциденция, алогизм, анжамбеман, антитеза, архаический, букварь, дефис, интонация, литература, метафорика, модальность, морфема, морфология, определение, орфоэпия, парадигма, парцелляция, прагматика, прилагательное, произношение, пропозиция, речитатив, рифма, риторика, сингулярность, синтаксис, словесность, словообразование, существительное, текст, чтение, эпитет* и некоторые другие [Богданович 2022: 12].

Среди двухсловных образно употреблённых филологических номинаций зафиксированы следующие: *сослагательное наклонение (10), красная строка (6); крылатые слова (6); повелительное наклонение (5), эзопов язык (4); восклицательный знак (2); вопросительный знак (2); прямая речь (2); прошедшее время (2); будущее время (2); настоящее время (2); спряжение*

глагола (1); родительский падеж (1); авторская речь (1); качественные прилагательные (1); орфографическая норма (1) и некоторые другие.

Предполагаем, что количественное преобладание однословных терминов состоит в наибольшей возможности их адаптации к тому или иному массмедийному контексту. Анализ контекстов показал, что однословные термины по сравнению с двухсловными чаще становятся элементами тропов и фигур, а двухсловные филологические номинации чаще используются публицистами в их прямом значении. Данное предположение, однако, не даёт оснований считать двухсловные филологические номинации менее экспрессивными и образными вне прямой референции. Сравним:

1) ***Красной строкой*** *шла одна и та же мысль: фонд прав – наркоманы не люди, не животные и даже не растения* (Ульяна Скойбеда, Андрей Гусельников. («КП» – Екатеринбург»). «Город без наркотиков» был концлагерем – или раем для наркоманов? // Комсомольская правда, 2003.12);

2) *Но у Алексея феноменальная память. Чтобы разобрать музыкальное произведение, он сначала запоминает нотный текст. Чтобы понять, насколько это объемно, человеку с нормальным зрением нужно представить, что предстоит запомнить рассказ. И не просто передать его содержание, смысл, а запомнить со всеми* ***знаками препинания****,* ***красной строкой*** *перед началом каждого* ***абзаца****, выделения* ***курсивом*** *и т. д.* («Могу сочинить хоть соло для чемодана» // Аргументы и факты, 2001.01) [НКРЯ 2021].

Преднамеренное авторское использование такой риторической фигуры как инверсия (фрагмент 1) (***красной строкой*** *шла <…> мысль*) делает высказывание более выразительным и значимым. Дополнительный акцент достигается автором посредством постановки филологической терминоединицы *красная строка* в начало предложения с целью экспрессивного выделения авторской мысли, тем самым автор обращает внимание читателя на важность информации.

Второй фрагмент не отличается образностью, так как филологическая терминология (*знаки препинания, красная строка, абзац, курсив)* функционирует в прямом значении.

Было установлено, что довольно часто авторы используют лингвистическую терминологию в публицистических контекстах, не прибегая к существенным семантическим изменениями. Однако, попадая в нелингвистические контексты, их смысл может меняться или интерпретироваться иначе. Это требует от читателя или слушателя внимательного изучения контекста, чтобы понять истинный смысл высказывания или текста:

«Как чрезвычайно трудно попасть в такт этой жизни, так же чрезвычайно трудно найти литературную форму для того, что вы хотите сказать. Возможно, именно поэтому он и пишет роман в стихах, постоянно уходя от ответственности и не ставя ***точку****. Поэт как бы говорит: вы можете поставить* ***точку****, но это не будет завершением. Или можно не*

ставить ***точку****, а жизнь в этот момент закончится. В этом и заключается истинный трагизм романа и его очень искреннее, глубоко трагическое переживание жизни»* (Записала Мила Дубровина. «Пушкин издевается не только над читателем» // lenta.ru, 2016.02.13) [НКРЯ 2021];

В вышеуказанном фрагменте текста, автор Мила Дубровина неоднократно использует лингвистический термин «точка». В данном контексте описываемый термин не используется в прямом значении, как «один из самых древних знаков препинания, <…> использовавшийся для отделения друг от друга грамматически организованных частей текста» [Старичёнок 2008: 654], а описывает поэтический стиль Пушкина и его способности, по мнению Милы Дубровиной, «уходя от ответственности и не ставя точку», заставлять читателей додумывать финал самостоятельно, чувствовать и сопереживать.

Таким образом, авторы текстов могут использовать термины в нестандартных контекстах для достижения определенных стилистических эффектов, таких как ирония, гипербола, метафора и другие. В этом случае понимание смысла высказывания или текста зависит от способности читателя или слушателя уловить эти нюансы и учесть их при интерпретации:

«Да что ты тут мне загибаешь! Я всю жизнь так говорю: чтобы емко и доходчиво. Времени-то рассусоливать не было. – В Интернете на эти ваши ***крылатые слова*** *– тысячи ссылок! – Да уж, разлетелись…»* (Александр Гамов. «Меня цитируют даже в Африке!» // Комсомольская правда, 2003.08.04) [НКРЯ, 2021];

«Запреты и ограничения с каждым днем выстраиваются выше, прочнее. – Каждый раз принимаю решения точечно. Очень сложно с этим законом о подчищенной речи. Тогда возникает ***эзопов язык****, мне не симпатичный. Стараюсь изобретать слова, которые не уступают по колоритности мату. В «Сердце мира» я оправдала отсутствие мата тем, что там ребенок. Когда ребенок в семье, взрослые стараются не ругаться»* (Лариса Малюкова. «Подождите, почему все молчат?» Режиссер Наталья Мещанинова – про мат, притравку и митинги как средство решения психологических проблем // Новая газета, 2018.09.20) [НКРЯ 2021];

Важно помнить, что в таких случаях нельзя полагаться только на знание терминологии и ее традиционного использования. Вместо этого необходимо анализировать весь текст, включая ситуацию, обстоятельства, а также стиль и особенности авторского высказывания. Это способствует более точному пониманию намерений автора и правильной интерпретации смысла используемых терминов. Например, лингвистический термин *крылатые слова* сравнивается с наличием тысяч «разлетающихся» по сети Интернет ссылок, а не обозначает «образные высказывания писателей, учёных, исторических и общественных деятелей <…> » [Старичёнок 2008: 274].

Составной лингвистический термин *эзопов язык* в выше приведённом контексте приобрёл более самостоятельное значение. *Эзоповым языком* автор называет словесную маскировку эмоционально окрашенных слов о реалиях жизни.

Авторы публицистических текстов часто прибегают к использованию филологических номинаций в комбинациях, где одно слово заменяется другим [Старичёнок 2008: 351]. В таких словосочетаниях замещающее слово употребляется в переносном значении (метонимия). Частым случаем метонимии является синекдоха: *Израиль – коллективистская страна, где* ***местоимение*** *«мы» очень важно* (Ольга Тимофеева. Дина Рубина: «Без идеи Бога сосуществование людей было бы менее болезненным» // Новая газета, 2017.05.17). Выразительность высказывания достигается за счёт переноса значения слова «страна» словосочетанием «*местоимение «мы»*» [НКРЯ 2021].

Лингвистичекие термины в массмедийных контекстах могут выступать в качестве образных определений:

«Электорат» <…> улавливает ***лексические*** *«заигрывания» и не прощает их* (Пуля Ирина. «Цицероны» в коридорах власти // Труд-7, 2003.05);

Батыгин и Рассохина писали о конце 50-х, что тогда происходил ***семантический*** *коллапс коммунизма и этому противопоставляется перевод разговоров о коммунизме на* ***язык*** *техпромфинплана* (Алексей Сочнев. «Сейчас так работают, как мы раньше отдыхали» // lenta.ru, 2015.07.11).

Следует отметить, что в качестве эпитетов языковедческие терминоединицы встречаются значительно реже, чем метафора или языковая игра. Причиной тому являются трансформационные возможности терминоединиц. Речь не столько о семантической корреляции образов, сколько о внешней трансформации терминов. Несмотря на то, что графические модификации терминов зачастую способны придавать большую образность и экспрессию высказыванию, в публицистике они (модификации) используются в прямом значении с целью передачи фактологической точности сообщения.

Особый интерес представляют семантические трансформации составных терминов: такого рода термины могут утрачивать опорное слово, что способствует возникновению ложной ассоциации при восприятии информации. По мнению А. В. Лемова, составной термин в процессе утраты им в ненаучном контексте строго терминологического значения приобретает «не соответствующую, а иногда и противоречащую актуальным свойствам терминируемого понятия и терминируемого денотата» ассоциативную связь [Лемов 2000: 21]. Описываемый феномен подтверждается следующим фрагментом:

*У любого человека есть стиль. Яркий показатель стиля – Рената Литвинова. Я этот стиль называю «****деепричастный*** *с придыханием». Это ее особенность, ее сразу узнают. Это хорошо, что узнают. Это такие запоминалочки* (Александр Дыбин. Как менеджер, кузнец и бухгалтер уничтожили зло // Комсомольская правда, 2012.11) [НКРЯ 2021].

В данном случае речь не идёт о деепричастном обороте как таковом, имеется ввиду манера изложения информации конкретного человека.

Без сомнений, исследование филологической терминологии в массмедийном дискурсе является актуальным, так как её широкое применение авторами делает язык прессы «живым»: в соответствии со своим

коммуникативными намерениеми, автор массмедийных текстов отбирает языковые единицы, обладающие необходимым предметно-логическим и коннотативным значением, и организует высказывания таким образом, чтобы установить между ними необходимые прагматические связи. Подобное взаимодействия оказывает эффект направленного воздействия на адресата (аудиторию).

Литература:

Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Совет. энцикл., 1966. – 607 с.

Богданович, Л.А. К вопросу о частотности филологических терминологических единиц в поэтических и массмедийных контекста (на материале корпусного исследования) / Л. А. Богданович // Весник МГЛУ. - Сер. 1. Филология. – 2022. – С.7-14.

Валгина, Н.С. Теория текста / Н. С. Валгина. – М., Логос. 2003. – 173 с. – С. 138-140.

Исследования СМИ: методология, подходы, методы : учебно-методическое пособие / Материалы лекций для аспирантов факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова. – М. : Изд-во Моск. ун-та; Факультет журналистики МГУ М. В. Ломоносова, 2011. – 236 с.

Казарин, Ю.В. Лингвистический анализ текста : учеб. пособие для академического бакалавриата / Ю. В. Казарин ; под науч. ред. Л. Г. Бабенко. – М. : Издательство Юрайт, 2018 ; Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. – 132 с. – (Серия : Университеты России).

Лемов, А.В. Система, структура и функционирование научного термина (на материале русской лингвистической терминологии) : автореф. дис. … док. филол. наук / А.В. Лемов. – Нижний Новгород, 2000. – 32 с.

Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. – URL: https://ruscorpora.ru/new/search-main.html (дата обращения: 23.08.2021).

Старичёнок, В.Д. Большой лингвистический словарь / В.Д. Старичёнок. – Ростов н/Д : Феникс, 2008. – 811 с.

Бухнер Н.Ю.
Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова

ОБРАЗ БЕДНОГО ЧЕЛОВЕКА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СТУДЕНТОВ: РЕКОНСТРУКЦИЯ ЛИНГВОКОГНИТИВНОЙ МОДЕЛИ

Ключевые слова: лингвокогнитивная модель, бедный человек, открытый вопрос, языковое сознание, образ.

Keywords: linguocognitive model, poor person, open-ended question, linguistic consciousness, image.

Взаимосвязь между социальной средой и языковым сознанием индивида стала все более очевидна на современном этапе. В частности, такое свойство социальной структуры российского социума как социальное неравенство, порождает восприятие социально-экономических статусов и возникновение у индивидов соответствующих когнитивных структур – бедный человек и богатый человек. Участвующий в процессе перехода объектов действительности во фрагменты картины мира человека когнитивный навык

человеческого мозга – «распознавание», позволяет индивиду восстанавливать информацию, хранящуюся в памяти, и сравнивать ее с информацией, получаемой в настоящий момент. Образ в когнитивной психологии понимается как «репрезентация в уме не присутствующего объекта или события» [Солсо 2006], в рамках лингвистики понятие сужается и рассматривается как: языковой образ [Харлов 2012, Ерёмина 2018], вербальный образ [Комалова 2019]. В своих работах авторы отмечают, что образ является способом получения сведений о языковом сознании [Свиркович 2016, Баландина 2013], и, фиксируя этнокультурную специфику [Разумкова 2017], ученые исследуют образы: женщины [Металиченко 2024, Берзегова, Хачмафова 2018], матери [Варламова, Бабакова 2024], наставника, учителя [Золотова 2019] и другие. Проведенный анализ научных работ определил актуальность нашего исследования, обусловленную необходимостью дальнейшей работы по выявлению механизмов восприятия образа человека и его изучения в лингвокогнитивном аспекте.

Преимущество лингвокогнитивного подхода к изучению образа состоит в возможности с опорой на языковой материал провести анализ мыслительных операций, происходящих у носителей языка, посредством изучения вербализуемых в речи результатов этих процессов. В отличие от математического моделирования, использующего для решения задач тождество воспринимаемого образа и заложенной в его матрицу модели, лингвокогнитивное моделирование не имеет заданной «истинной» модели в своей основе. Другими словами реконструируемый образ не должен быть тождествен чему-либо, а наоборот, представляет собой новый, не существующий до проведения научного исследования феномен, что и определило цель нашего исследования – реконструкция лингвокогнитивной модели образа бедный человек в языковом сознании студентов. В рамках работы под образом бедного человека мы понимаем совокупность значимых для респондента компонентов, включенных в когнитивную структуру и позволяющих ему (респонденту) идентифицировать социально-экономический статус индивида как *бедный человек*.

С целью лингвокогнитивной реконструкции образа бедного человека в языковом сознании студентов нами было проведено эмпирическое исследование. Респондентам (n=100) было предложено ответить на открытый вопрос: «Как Вы понимаете, что перед Вами бедный человек?» Такая постановка вопроса позволяет выводить на табло сознания знания, хранящиеся в когнитивных структурах, представляя фрагменты наивной картины мира студентов. Часть полученных реакций представляла собой фразы, включающие в себя указания на несколько компонентов образа. Эти фразы были разделены на гомогенные (содержащие только один когнитивный признак) на первом этапе обработки данных. Результатом такого деления стали 121 гомогенная фраза/слово, ставшие основой для последующего моделирования. Проведенный на втором этапе анализ материалов, указал нам на то, что образ, содержащий социально-статусную категоризацию – в нашем исследовании бедный человек,

представляет собой совокупность нескольких компонентов, причем материальная сторона, как финансы, имущество не имеют первичной роли в конструировании образа. Всего же нами было выявлено шесть компонентов (аспектов) образа, вербализующих знание респондентов о различных сторонах образа бедного человека:

- внешний образ – 35,5 %,
- коммуникативный образ – 17,4 %,
- эмоциональный образ – 14,9 %,
- образ жизни – 14,1 %,
- образ мышления – 9,9 %,
- образ достатка – 8,2 %.

Компонент внешний образ (**35,5** %) является самым значимым при когнитивном конструировании и включает в себя **знания о внешнем виде в целом (51,2 %), одежде (37,2 %), выражении лица (4,7 %) и взгляде (6,9 %) бедного человека.** Оценка внешнего вида может быть как обобщенной: *по внешнему виду* (8)**,** *по большей степени это видно, когда смотришь на человека* (1), *материальную бедность можно определить по внешности* (1), так и развернутой, включающей оценочные прилагательные ***неприятный, неухоженный***, ***неряшливый, грязный***: *видно, что вид у него не очень* (1), *неприятный внешний вид* (1), *неряшливый внешний вид* (1), *не ухаживают за собой* (2), *у бедного человека нет времени и сил для достойного ухода за собой* (1), *неопрятный* (2), *неряшливый образ* (1), *грязная кожа и волосы, также грязные руки и ногти* (1). Кроме того, часть респондентов отметили, что бедный человек не всегда здоров, что отражается в его внешнем виде: *нездоровый внешний вид* (1), *различные внешние факторы, как худоба* (1).

К компоненту внешний образ также отнесены реакции, описывающие простоту, скромность или состояние одежды бедного человека: *как человек одет* (1), *одет не так как все* (1), *скромная одежда* (1), *на одежду и т.д. нет средств* (1), *одет бедно* (1), *одет по-простому* (1), *носит много лет одну и ту же одежду* (1), *одет неброско, скромно, немного поношенная одежда* (1), *плохо одет (или одет в достаточно простую одежду)* (1), *человек, который может носить вещи, не подходящие по канону моды, не может позволить себе что-то дорогое, может даже и не дорогое* (1), *иногда не соответствует дресс-коду данного мероприятия (положения)* (1), *одеты в простую одежду, не имеют в своем образе украшений или иных атрибутов достатка* (1), *он не в тапках Gucci* (1), *такой человек может быть небрежно одет* (1), *грязная и порванная одежда* (1), *одежда в ужасном состоянии* (1).

Кроме оценки внешнего вида и одежды к компоненту внешний образ отнесены реакции, фиксирующие знание респондентов о взгляде: *человек без искры в глазах, уже ходячий труп* (1), *«загнанный взгляд»* (1), *пустой взгляд* (1), и выражении лица бедного человека: *удрученное выражение лица* (1), *грустное лицо* (1).

Компонент коммуникативный образ (**17,4 %**) является вторым по значимости в конструировании образа и включает в себя знание респондентов о

немногословности (**28,9 %**), «**недалекости**» (**28,9 %**) бедного человека, **однообразии тем для общения с ним** (**23,8 %**) и его **стиле общения** (**18,4 %**). К группе немногословен, отнесены реакции: *необщителен* (2), *молчалив* (2), *неразговорчив* (1), *грустный, ни с кем не говорит* (1). «Недалекость» и ограниченность, проявляемая в общении, вербализована респондентами во фразах: *такие люди обычно не идут на компромисс, могут не разбираться в чем-либо, но продолжать вести дискуссию* (1), *по разговору, в них человек очень поверхностный и признает лишь консервативное мышление* (1), *духовную бедность только по вопросам* (1), *поверхностные темы разговора* (1), *неуверенное общение* (1), *он не может привести доводы к отстаиванию своей позиции, т.к. имеет скудный словарный и духовный запас* (1). Однообразие темы беседы представлено следующими высказываниями: *по жалобам* (2), *они часто жалуются на то, какие они несчастные* (1), *постоянно говорит о том, что все плохо* (1), *может говорить только на одну тему* (1). Стиль общения зафиксирован в следующих реакциях: *манера речи* (1), *по манере общения* (1), *по его речи* (1), *скудная речь* (1).

Эмоциональный образ является третьим по значимости компонентом (**14,9 %**) и представлен реакциями, фиксирующими знание респондентов о **плохом настроении и неуверенности в себе, скованности бедных людей**: *подавленная личность* (3), *плохое настроение* (1), *такой человек постоянно будет ходить без настроения* (1), *нет настроения* (1), *он расстроен* (1), *чувствуется, что человек несчастен* (1), *скованность со стороны такого человека* (2), *напряжен* (2), *зажаты* (1), *забиты* (1), *часто тосклив* (1), *возможно скромен к чему-либо* (1), *стеснительный* (1), *не эмоционален* (1).

Компонент образ жизни (**14,1 %**) включает в себя знания о **стиле жизни** (**52,9 %**), и **поведении человека** (**47,1 %**). К группе стиль жизни отнесены реакции, содержащие знания о привычках, ценностях, определяющих как бедный человек проводит свое время, какие решения он принимает: *привычки* (1), *образ жизни* (1), *это человек, у которого много свободного времени* (1), *потерян энтузиазм к жизни и развития себя в материальных и духовных эпостасях* (1), *отсутствие желания* (1), *у него нет увлечений, нет цели в жизни, он не пытается чего-то добиться и даже не думает об этом и не стремиться к большему* (1), *отсутствие увлечений* (1), *не предпринимают попыток, чтобы изменить свою жизнь в лучшую сторону* (1), *довольствуется тем, что есть* (1). К группе поведение отнесены реакции, фиксирующие особенности внешне наблюдаемых проявлений активности бедного человека в социуме: *также можно обратить внимание на его поведение* (1), *не выделяется на фоне толпы, малозаметен* (2), *человек может вести себя не так* (1), *ведет себя странно* (1), *бедный человек стремится к деградации, его поступки говорят сами за себя* (1) и его пищевое поведение: *продукты питания* (1), *нездоровое питание* (1).

Компонент образ мышления (**9,9 %**) фиксирует знание респондентов о мыслях бедных людей: *у человека нет собственного мнения* (2), *признает только мнение чужих людей* (1), *не может истолковать свои мысли четко* (1),

мысли о том, как избавиться от беды (1), *думает, что все плохо* (1), *многие бедные люди, как правило, пессимисты* (1), *человек рассказывает лишь депрессивные мысли* (1), *ни в чем не заинтересован* (1), *узкий кругозор* (1), *низкая образованность* (1), *он глуп, старается оправдать убогую действительность (ходя в розовых очках), главные мотивы нажива и жажда денег, его не влечет идея* (1).

Компонент образ достатка **(8,3 %)** содержит в себе реакции так или иначе фиксирующие доход или достаток человека: *финансовый статус* (1), *бережлив и много экономит* (1), *бедный человек высчитывает каждую копеечку и не может позволить себе лишнего как то: покупка машины, жилья* (1), *у человека нет денежных средств, и он не может воспользоваться ими в определенных целях* (1), *у него нет денег* (1), *нет достатка* (1), *ищет где заработать побольше, чтобы прокормить себя и семью* (1), *часто бывает такие люди просят у прохожих на еду, на дальнейшую жизнь* (1), *может выпрашивать деньги, не работать, не может себя обеспечить* (1), *жилье не такое* (1).

Таким образом, проведенная в статье реконструкция модели позволила зафиксировать результаты ментальных операций, происходящих в структурах, отвечающих за конструирование образов и их отражение в наивной картине мира носителей языка. Вербализованную когнитивную структуру *образ бедного человека* можно представить в виде шестикомпонентной модели, включающей в себя внешний образ, коммуникативный образ, эмоциональный образ, образ жизни, образ мышления, образ достатка (рис. 1).

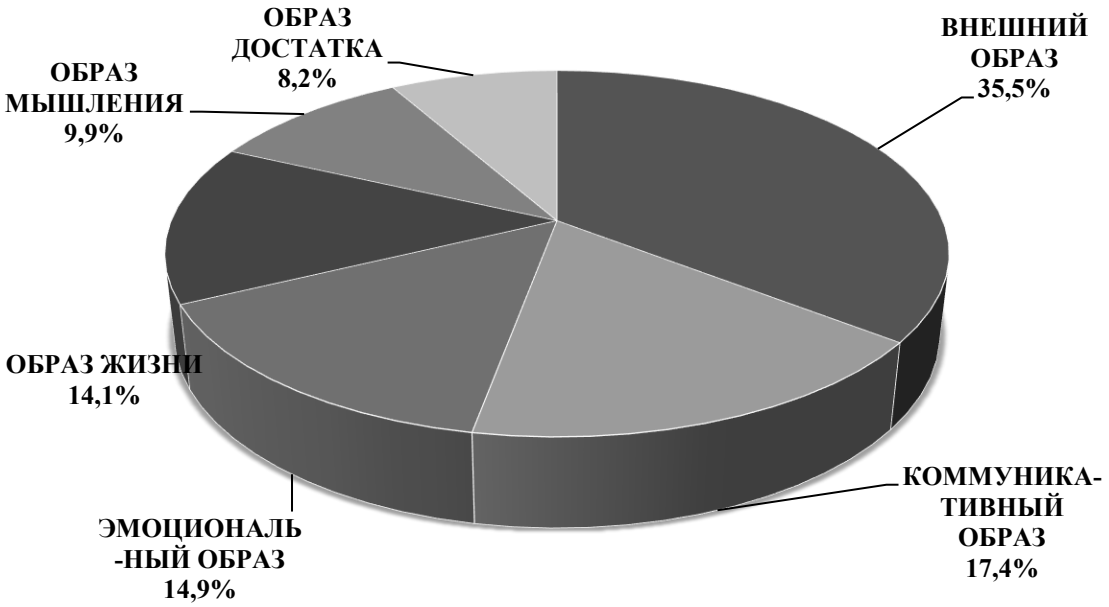

Рисунок 1 – Лингвокогнитивная модель образа бедного человека в языковом сознании студентов

Проведенное исследование показало, что обращение к языковому сознанию носителей языка посредством открытого вопроса о том, как они

понимают, что перед ними бедный человек, позволяет не только вербализовать знания, хранящиеся в когнитивной структуре респондентов, но и выявить ментальные операции, проходящие в лингвистических структурах. Другими словами, при вербализации образа посредством ответа на отрытый вопрос на табло сознания респондента выводится и впоследствии вербализуется не только знание и эмоции респондента о внешнем виде, стиле общения, образе жизни и достатке бедного человека, то есть результаты взаимодействия или обработки визуальной и аудиальной информации. Кроме него такая постановка вопроса позволяет вербализовать результаты ментальных операций самого респондента об эмоциях и мыслях, которые испытывают бедные люди, их особенностях мышления.

Литература:

Баландина, Е.С. Динамика образов языкового сознания (на материале ассоциативного эксперимента) [Текст] / Е.С. Баландина // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2012. – № 2. – С. 97-102.

Берзегова, Л.З. Языковые особенности представления женского образа в художественном дискурсе [Текст] / Л.З. Берзегова, З.Р. Хачмафова // Научно-методическое обеспечение преподавания иностранных языков на неязыковых факультетах в свете теории и практики межкультурной коммуникации: межвузовский сборник. – Майкоп, 2018. – С. 28-31.

Варламова, О.Н. Имплицитные характеристики образа матери в гвинейском языковом сознании [Текст] / О.Н. Варламова, М.С. Бабакова // Казанская наука. – 2024. – № 10. – С. 440-442.

Ерёмина, М.А. Образ профессионала в русском языковом сознании [Текст] / М.А. Ерёмина // Социокультурное пространство России и зарубежья: общество, образование, язык. – 2018. – № 7. – С. 81-89.

Золотова, Н.О. Образ учителя английского языка в сознании носителей учебного билингвизма (по данным психолингвистического эксперимента) [Текст] / Н.О. Золотова // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2019. – № 4 (35). – С. 95-103.

Комалова, Л.Р. Номинативные единицы, формирующие вербальный образ мигрантов [Текст] / Л.Р. Комалова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. – 2019. – № 3. – С. 154-160.

Металиченко, П.М. Изучение языкового образа женщин-политиков через призму их внешнего вида / П.М. Металиченко // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 3-4 – С. 178-180.

Солсо, Р. Когнитивная психология [Текст] / Р. Солсо – СПб., 2006. – С. 252.

Свиркович, О.В. Исследование образа как способ получения сведений о языковом сознании индивида (на примере исследования образа университета) [Текст] / О.В. Свиркович // Актуальные вопросы филологических наук : материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2016 г.). – Казань, 2016. – С. 40-42.

Разумкова, А.В. Этнические стереотипы татар в обыденном языковом сознании русских и татар в Республике Татарстан [Текст] / А. В. Разумкова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2017. – Т. 8. – № 3. – С. 682-693.

Харлов, И.Е. Языковой образ человека: английский образ VS французский образ [Текст] / И.Е. Харлов // Актуальные проблему германистики, романистики, русистики. – Екатеринбург, 2012. – С. 285-288.

Манухина И.А., Бобровская Н.А.
Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова
Раззамазова О.В.
Алтайский государственный педагогический университет

ПРЯМОЙ ЭКФРАСИС КАК СПОСОБ СЛОВЕСНОГО ВЫРАЖЕНИЯ ВИЗУАЛЬНЫХ АРТЕФАКТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЯ Э. СЕКСТОН «STARRY NIGHT»)

Ключевые слова: экфрасис, визуальный артефакт, Винсент Ван Гог, метафора, полный экфрасис, Энн Сэкстон.

Keywords: ekphrasis, visual artifact, Vincent Van Gogh, metaphor, complete ekphrasis, Anne Sexton.

Корни экфрасиса уходят в античность, где он использовался для передачи не только визуальных характеристик искусства, но и для создания более широкого контекста, часто связанного с философскими или культурными размышлениями. Один из самых известных примеров экфрасиса можно найти в работах древнегреческого поэта Гомера, который описывал различные произведения искусства в своих работах, придавая им большую значимость и включая в общее повествование.

Современные авторы также активно используют экфрасис в своих произведениях. Кроме того, это не только способ описания внешности объектов, но и возможность вводить в текст внутренние переживания персонажей, их понимание произведений искусства, что позволяет читателю заглянуть в их внутренний мир. Например, в романах или рассказах экфрасис может быть использован для описания личных чувств героев к определенному произведению как к источнику вдохновения, так и как к причине идейного конфликта.

Таким образом, экфрасис – это многослойный прием, который не только украшает текст, но и погружает читателя в более глубокое понимание взаимодействия между искусством и литературой. Он открывает новые горизонты для анализа произведений, позволяя создать уникальную связь между визуальным искусством и литературным словом.

Различные подходы к типологизации экфрасиса как словесного выражения визуальных артефактов варьируются от изучения объектов описания экфрасиса, его объема в тексте до его авторской принадлежности. Наиболее подробная данная проблематика описана в работах таких исследователей, как Е. Беррар, Ж.-К. Ланн, Н.В. Брагинская и Е.В. Яценко. В рамках данной статьи будет подробно рассмотрен пример полного экфрасиса, как одного из видов экфрасиса по объекту описания.

Прямой экфрасис заключается в очень детальном и точном словесном описании произведения искусства, создавая тем самым виртуальную картину в воображении читателя. В таком случае, произведение описывается в его

физическом существовании, обсуждаются цвета, формы, композиция, а также сюжетные элементы и символы, присутствующие на картине. Читатель начинает ощущать себя зрителем, визуализируя изображение через слова. Одним из ярких примеров использования прямого экфрасиса является стихотворение "Starry Night" Энн Секстон, в котором она описывает картину Винсента Ван Гога "Звездная ночь" (рис. 1).

Рисунок 1 – Ван Гог, «Звёздная ночь»

Starry night

«That does not keep me from having a terrible need of – shall I say the word – religion. Then I go out at night to paint the stars». Vincent Van Gogh in a letter to his brother.

The town does not exist
except where one black-haired tree slips
up like a drowned woman into the hot sky.
The town is silent. The night boils with eleven stars.
Oh starry starry night! This is how
I want to die.
It moves. They are all alive.
Even the moon bulges in its orange irons
to push children, like a god, from its eye.
The old unseen serpent swallows up the stars.
Oh starry starry night! This is how
I want to die:
into that rushing beast of the night,
sucked up by that great dragon, to split
from my life with no flag,
no belly,
no cry.» [Ann Sexton 2025, эл ресурс]

«Звездная ночь» начинается с эпиграфа, а именно – с цитаты из одного из многочисленных писем художника Винсента Ван Гога к его любимому брату Тео. В этом письме художник пишет, что в моменты, когда он испытывает страшную потребность в религии (вероятно, что здесь идет речь о потребности в вере в Бога), он выходит ночью писать звезды. Данная цитата указывает на то, что в стихотворении нашла отражение не только одна из картин художника, но его жизнь в целом, то мучительное чувство одиночества, которое он испытывал на протяжении многих лет. Как известно, Винсент Ван Гог страдал от тяжелой психической болезни, подолгу находясь в тяжелом и угнетенном состоянии. Поиск «религии» в красоте природы и искусстве был для художника одним из тех способов, с помощью которых он пытался найти смысл жизни и утешение.

Несмотря на то, что в стихотворении нет определенной схемы рифмовки, поэтессе при помощи многочисленных метафор и ярких эмоциональных образов удается воссоздать композицию и атмосферу гениальной картины Винсента Ван Гога. Фраза «*one black-haired tree slips up like a drowned woman into the hot sky»* (в переводе на русский язык – одно черноволосое дерево скользит вверх, как утопленница, в горячее небо) создает яркий и неожиданный словесный образ дерева, нанесенный широкими мазками кисти, который легко угадывается читателем.

Поэтесса не только описывает композицию, сюжетные элементы и символы, присутствующие на картине, но и вводит в текст те эмоциональные переживания, которые, возможно, испытывал художник в момент создания шедевра. В предложении «*The night boils with eleven stars*» Использование глагола «boil» свидетельствует о колоссальной степени эмоционального напряжения или внутреннего «жара», который как будто в скором времени может достигнуть своей критической точки и выплеснутся наружу. Можно предположить, что эмоциональное состояние самой Энн Сэкстон в момент написания стихотворения было тоже не очень простым, что обрело форму столь мастерского переплетения ее личных переживаний с более широкими философскими темами жизни, смерти и одиночества.

Энн Секстон не ограничивается простым словесным воспроизведением картины как визуального объекта, но как бы расширяет ее образы, наполняя их новым смыслом. Удивительно и метафорично описание движения звезд на небе как старой незримой змеи, поглощающей звезды на небе – «*The old unseen serpent swallows up the stars».* Не случайным кажется и употребление существительного *«serpent»* с хорошо известной библейской этимологией «змея искусителя», который находится в постоянном поиске жертвы.

Обманчивое очарование и безмятежность звездной ночи полностью сменяются гнетущей атмосферой неопределенности и первобытного страха, чему способствует появление целой группы могущественных древних существ на небосводе – «*the old unseen serpent», «rushing beast of the night»*, «*that great dragon», «the moon bulges in its orange irons …. like a god»*, способных поглотить не только звезды, но и самого наблюдателя. Ощущение беспомощности перед таким огромным и опасным звездным небом еще сильнее усугубляет тяжелые

эмоциональные переживания, что приводит к повторяющимся мыслям о смерти – «*This is how I want to die*». Столь сильное желание смерти может быть свидетельством внутренней борьбы, ощущением гнетущей безысходности и большого страха перед будущим, которые сопровождали Винсента Ван Гога на его жизненном пути.

Благодаря столь мастерскому использованию полного экфрасиса в стихотворении «Starry night» Энн Секстон удается создать многослойное произведение. Поскольку она не только дает детальное словесное описание композиции картины, но расширяет ее более глубокой интерпретацией через добавления очень ярких и многомерных метафорических образов, отражающих переплетение личных переживаний с более широкими философскими темами, что позволяет читателю ощущать себя еще и зрителем, визуализируя изображение через слова.

Литература:

Берар, Е. Экфрасис в русской литературе XX века [Текст] / Е. Берар // Экфрасис в русской литературе. Сборник трудов Лозаннского симпозиума. – Москва: МИК. – 2002. – С. 142-155.

Брагинская, Н.В. Экфрасис как тип текста (к проблеме структурной классификации) [Текст] / Н.В. Брагинская // Славянское и балканское языкознание. – М., 1977. – С. 259-283.

Ланн, Ж.-К. О разных аспектах экфрасиса у В. Хлебникова [Текст] / Ж.-К. Ланн // Экфрасис в русской литературе. Сборник трудов Лозаннского симпозиума. – Москва: МИК, 2002. – С. 71-86.

Яценко, Е.В. «Любите живопись, поэты…»: Экфрасис как художественно мировоззренческая модель [Текст] / Е.В. Яценко // Вопросы философии. – 2001. – № 11. – С. 47-57.

Saxton, A. Starry night [Электронный ресурс] / A. Saxton. – Режим доступа: https://www.poetryfoundation.org/poems/42565/the-starry-night "Starry Night" Ann Sexton/ Poetry Magazine/ May 2025

Недашковская А.А.
Белорусский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела

ДОКУМЕНТ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ: БЕЛОРУССКИЙ ПОДХОД

Ключевые слова: документ; документоведение; национальная идентичность; белорусская культура.

Keywords: document; document science; national identity; Belarusian culture.

Разбирая феномен документа как элемента культуры, невозможно обойти стороной его исключительную многослойность, которая проявляется в разнообразии функций, ролей и значений, присущих документу в культурном контексте. Каждый аспект этого сложного феномена оказывает непосредственное влияние на процессы сохранения социального и исторического наследия, трансляции фундаментальных культурных ценностей,

а также формирования коллективной и национальной идентичности. Документ, являясь не только носителем зафиксированной информации, но и важным звеном социальной коммуникации, воплощает в себе культурные символы, отражает особенности определенных исторических эпох и передает принципы, способствующие формированию мировоззренческих парадигм общества.

С позиций документоведения документ может быть рассмотрен как объект, интегрирующий разнообразные аспекты человеческой деятельности: информационные, коммуникативные, когнитивные, символические и культурные. Он выступает не только как фиксатор фактов или событий, но и как активный агент культурного процесса, влияющий на сохранение исторической памяти, поддержание преемственности поколений и формирование культурного диалога. В этом контексте чрезвычайно важно исследовать документ не только с точки зрения его практической или управленческой функции, но и как носителя символического значения, способного интерпретировать культурные процессы. Несмотря на это, многие аспекты культурной сущности документа остаются недостаточно изученными, что особенно актуально для белорусской научной традиции. Исследование данных вопросов предоставляет перспективы для дальнейшего развития теоретических основ и практических подходов к изучению документа [Лукина 2010].

Актуальность анализа документа как феномена культуры в белорусском контексте обусловлена необходимостью комплексного междисциплинарного подхода, включающего элементы культурологии, философии, истории и социологии. Белорусская научная школа, развиваясь в диалоге с европейскими и постсоветскими исследовательскими традициями, сталкивается с задачей переосмысления документа как объекта, одновременно представляющего культурное наследие и функциональный элемент социальной коммуникации. Уникальность белорусского подхода к изучению документа заключается в сочетании прикладных аспектов документоведения, таких как разработка нормативно-методического обеспечения, с философскими размышлениями о его культурной природе. Данное интегративное видение подчеркивает необходимость углубления теоретической базы, включая изучение символического значения документа и его роли в структурировании культурной памяти [Двоеносова 2011].

В условиях современной глобализации и цифровизации культурное значение документа приобретает новые грани, что требует пересмотра существующих теоретических подходов. Например, анализ цифровых документов и их роли в сохранении и передаче культурных ценностей становится все более актуальным. В белорусской научной традиции разработка моделей осмысления цифрового документа как феномена культуры может не только обогатить теоретическую базу, но и предоставить конкретные решения для практического применения, такие как создание цифровых архивов или платформ для популяризации национального культурного наследия. Такой подход открывает широкие перспективы для сотрудничества между исследователями, культурными учреждениями и техническими специалистами.

Кроме того, важнейшей задачей белорусской науки является рассмотрение документа как элемента формирования культурного сознания в образовательной среде. Включение документа в образовательные программы как инструмента для осмысления культурных процессов способствует развитию у молодежи более глубокого понимания национального наследия и его связи с глобальной культурой. Это усиливает связь между поколениями, позволяет не только сохранять историческую память, но и переосмысливать ее в условиях меняющегося социального контекста. Таким образом, документ выступает не только как объект научного анализа, но и как культурный артефакт, способный формировать будущие культурные парадигмы [Селиверстов 2009].

Современные исследования в белорусской школе документоведения в значительной степени фокусируются на прикладных аспектах документа, что приводит к необходимости расширения научной парадигмы за счет внедрения междисциплинарных методов. Документ как свидетельство человеческой деятельности и одновременно продукт социального взаимодействия требует более сложного анализа, объединяющего его исторические, культурные и символические функции. Такой подход позволит не только расширить рамки теоретических исследований, но и укрепить международный авторитет белорусской науки, благодаря новому осмыслению роли документа в культуре.

Объединение национального контекста с глобальными гуманитарными концепциями создает предпосылки для углубленного изучения документа, в котором его функции, статус и культурное значение становятся основой для расширения границ документоведения. Анализ документа сквозь призму белорусского культурного наследия позволяет рассматривать его как неотъемлемую часть коллективной памяти, символ национальной идентичности и фактор, влияющий на формирование устойчивой культурной парадигмы. В данном контексте осмысление документа как элемента культуры и объекта научного анализа открывает новые горизонты для разработки интегративной теории документа, способной охватить все многообразие его научных и культурных характеристик.

Социальный и культурный контексты, в которых создается и функционирует документ, напрямую влияют на его содержание и структуру. Каждый документ, независимо от его функциональной направленности, становится не только свидетельством своей эпохи, но и инструментом культурной рефлексии. Его содержательная составляющая фиксирует особенности социального устройства, морально-нравственные установки и культурные приоритеты, характерные для времени его создания. В этом смысле документ можно рассматривать как зеркало, отражающее все уровни социальной организации, включая ее изменения, вызванные трансформацией эпохи. Белорусская перспектива исследования документа позволяет актуализировать его значимость как элемента культурного наследия, способного укреплять коллективную идентичность и обеспечивать устойчивую связь между историей и современностью [Двоеносова 2010].

Документ в белорусском контексте приобретает особое значение благодаря сочетанию национальных подходов и междисциплинарных исследований, которые раскрывают его уникальные культурные черты, что не только повышает значимость белорусской школы документоведения в международном научном сообществе, но и подчеркивает необходимость сохранения и популяризации национального документального наследия. Исследование документа как элемента культуры открывает новые перспективы для формирования комплексного подхода к изучению его функций, статуса и значения, что делает эту тему ключевой в развитии гуманитарной науки.

Особый акцент в белорусском понимании документа как культурного феномена делается на его роль в сохранении культурного наследия. Национальные архивы и специализированные проекты, такие как «Партизаны Беларуси», иллюстрируют современные практики цифровизации и популяризации документального наследия. В рамках данного проекта осуществляется масштабное оцифровывание архивных данных о партизанах, осуществлявших свою деятельность на территории Беларуси, что не только позволяет сохранить уникальные документы для последующих поколений, но и делает их доступными для исследователей, потомков и широкой аудитории. Эти документы, включая наградные листы, учетные карточки и биографические сведения, становятся не просто источниками информации, но и частью культурной памяти, подчеркивающей героизм и жертвенность белорусского народа в годы Второй мировой войны.

Документ в белорусском контексте выполняет не только инструментальную, но и символическую функцию. Он выступает как инструмент культурных практик, связывая поколения через сохранение и передачу ключевых элементов национальной идентичности. Такие документы, как архивные материалы о партизанском движении, являются примером того, как исторические источники трансформируются в символы коллективной памяти, формируя у общества чувство сопричастности к своему историческому и культурному наследию. Кроме того, документооборот в Беларуси, объединяя элементы нормативности и символизма, отражает уникальную связь между функциональностью документа и его культурной миссией.

Сохранение исторических документов приобретает не только научное, но и общественное значение, так как они служат основой для национального самосознания. Белорусская традиция ведения документации создает прочный фундамент для переосмысления культурных процессов через призму архивных данных. Данный подход особенно актуален в условиях возрастающего внимания к наследию Второй мировой войны, которое становится важным элементом идентичности не только белорусского общества, но и широкой международной аудитории. Доступность архивных документов способствует укреплению международного научного сотрудничества и обмену опытом в сохранении исторической памяти.

Современные вызовы глобализации и цифровизации акцентируют внимание на необходимости разработки новых методов работы с документами

как объектами культурного наследия. Создание цифровых платформ для хранения и анализа документов дает возможность расширить их доступность, обеспечить долговечность и популяризировать белорусское документальное наследие. Одновременно такие технологии позволяют более глубоко интегрировать культурные исследования с современными технологическими возможностями, расширяя как научный, так и общественный кругозор.

Таким образом, документ, рассматриваемый через призму белорусского подхода, становится ключевым элементом национального наследия. Он не только фиксирует информацию, но и формирует пространство культурной рефлексии, позволяя осмысливать прошлое, определять настоящее и проектировать будущее. Белорусская специфика изучения документа как явления культуры укрепляет позицию документоведения как самостоятельной науки, а также подчеркивает значимость документального наследия для формирования национального самосознания и сохранения культурных традиций.

В современном мире понятие «документальность» стало объектом активного переосмысления в различных научных дисциплинах, включая документоведение. Оно охватывает не только процесс фиксации информации, но и ее соответствие реальности, обоснованность и точность, что подчеркивается как в гуманитарных, так и в технических подходах. В рамках проведенных дискуссий, в том числе на международных круглых столах, таких как встреча в Высшей школе экономики в 2009 году, понятие документальности ассоциируется не только с физической фиксацией фактов, но и с их репрезентацией в культурном и социальном контексте. Тем не менее, введенные термины, такие как «документальность», часто испытывают трудности интерпретации ввиду отсутствия единого категориального аппарата в документоведческой среде, что ставит перед исследователями задачу теоретической проработки.

С развитием цифровых технологий вопросы документирования обрели новое измерение. Проблема сохранности и аутентичности электронных документов стала центральной для современной науки о документе. В цифровую эпоху перед документационными системами возникают вызовы, связанные с обеспечением долговечности электронных носителей, стандартизацией форматов и техник оцифровки, а также сохранением оригинальности и юридической силы документов. В условиях значительного увеличения объема создаваемых данных появляется риск утраты ключевых культурных артефактов и памяти, если подходы к документированию не будут должным образом адаптированы. Современные разработки, направленные на решение этих задач, должны учитывать не только технические аспекты, но и сущностные документы как культурного явления [Гайдученко 2010].

Беларусь занимает особое место в глобальном диалоге о документальности, предлагая свои подходы к адаптации традиционных методов к современным вызовам. Программа «Память мира», разработанная ЮНЕСКО, а также национальные проекты, такие как оцифровка архивов и

создание интерактивных баз данных по типу «Партизаны Беларуси», ярко иллюстрируют успехи в области сохранения документального наследия. Оцифрованные данные, включающие скан-копии наградных листов, характеристик и других архивных материалов, не только обеспечивают сохранность исторически значимых документов, но и позволяют активизировать гуманитарные исследования, вовлекая широкую аудиторию в изучение культурного наследия.

Особое значение приобретает исследование феномена документальности в контексте интеграции культурных и цифровых технологий. Интерактивные выставки, посвященные белорусскому документальному наследию, становятся не только пространством сохранения национальной памяти, но и эффективным средством ее трансляции новым поколениям. Такие проекты, как открытая публикация архивных изданий о войне, способствуют популяризации исторических документов за пределами академического сообщества, создавая основы для культурного диалога между странами. Это свидетельствует о том, что документальность выходит за рамки научных дебатов и становится важным компонентом культурной политики [Шпилевская 2004].

Еще одной значимой областью исследования является изучение документальности в образовательной среде. Включение изучения документа в учебные программы не только гуманитарных, но и технических дисциплин формирует у студентов понимание значимости документа как ключевого элемента культуры. Обсуждение аспектов подлинности и символического значения документа позволяет учащимся осознать их влияние на формирование социальной и культурной идентичности. Такой подход открывает новые перспективы для междисциплинарного взаимодействия и демонстрирует актуальность изучения документальности в самых разных образовательных и исследовательских контекстах.

Таким образом, документальность в современном мире требует от документоведения выработки новых, междисциплинарных подходов к ее изучению. Включение белорусского опыта в международный дискурс способствует углублению теоретической базы дисциплины. Совмещение традиционных документоведческих методов с инновационными технологиями позволяет не только сохранить культурное наследие, но и интегрировать его в глобальную повестку. В итоге, документальность обретает не только техническое, но и культурное измерение, обеспечивая сохранение ценностей и исторической памяти.

Взаимодействие науки и практики в рамках белорусского документоведения является важным элементом, определяющим динамику развития документоведения как самостоятельной научной дисциплины. Научные и образовательные институты Республики Беларусь играют ключевую роль в изучении документов как культурного феномена, формируя концептуальные подходы и активно продвигая идею документа как важного компонента национального наследия. В этом контексте особое значение приобретает программа публикации материалов Национального архивного

фонда Республики Беларусь «Архивная Беларусика», представляющая собой один из наиболее ярких примеров успешного взаимодействия теоретических разработок и практической реализации научных идей. Основная цель программы заключается в археографической обработке и публикации исторических документов, охватывающих периоды от средневековья до новейшей истории, что позволяет рассматривать ее как уникальный инструмент сохранения и популяризации культурного наследия.

Основными участниками программы «Архивная Беларусика» являются Белорусский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела (БелНИИДАД), а также архивные учреждения, активно взаимодействующие с музеями, библиотеками и университетами. Совместная работа этих организаций обеспечила создание единой методологической базы для археографической обработки и публикации документов, что стало важным этапом в развитии белорусской школы документоведения. Археографические публикации, выполняемые в рамках данной программы, не только способствуют сохранению исторических свидетельств, но и расширяют возможности исследователей и широкой аудитории для доступа к документальному наследию, что подчеркивает значимость интеграции научных знаний в практическую деятельность, укрепляя позиции документоведения как ключевого направления гуманитарной науки.

Особенностью белорусского подхода к развитию документоведения остается ориентация на практическое применение результатов исследований. Архивные материалы используются не только для сохранения исторической памяти, но и для активного вовлечения в научные и образовательные процессы. Университеты и научные учреждения Беларуси активно внедряют разработки в области документоведения в учебные программы, что способствует подготовке профессиональных кадров, способных решать задачи управления документацией и анализа ее культурного значения. Взаимодействие теории и практики позволяет сочетать глубокое осмысление сущности документа как культурного феномена с конкретными прикладными задачами в административной и архивной сферах [Воеводина 2013].

Важным направлением развития белорусской школы документоведения является усиление роли нормативно-правовых основ управления документацией. С учетом значимости документов для выполнения правовых, административных и культурных функций научные учреждения страны активно работают над стандартизацией процессов документооборота, разрабатывая рекомендации и методики для внедрения в практику. Управленческий подход к документу обеспечивает эффективное функционирование государственных и частных организаций, поднимая уровень профессионализации отрасли и формируя устойчивую нормативную базу.

Не менее важным является развитие цифровых технологий, которые позволяют оцифровывать архивные документы и обеспечивать их длительное хранение и доступность. Данное направление становится все более актуальным в условиях информационной глобализации, предоставляя исследователям и

широкой аудитории уникальные возможности для взаимодействия с культурным наследием. Цифровизация архивных фондов, включающая создание онлайн-ресурсов и интерактивных платформ, способствует популяризации национальной истории и культуры, укрепляя связь между поколениями и создавая основу для международного научного сотрудничества.

В перспективе белорусскому документоведению предстоит решить ряд ключевых задач, связанных с углублением прикладных исследований и повышением роли документоведения в управленческой и культурной сферах. Особое внимание должно быть уделено расширению стандартов обработки и хранения документов, а также их адаптации к современным вызовам, а также усилению значения документа как источника информации и инструмента управления, способного играть центральную роль в сохранении исторического, правового и культурного наследия.

Рассматриваемый как культурный и управленческий феномен, документ продолжает оставаться фундаментальной категорией гуманитарной науки. Его изучение в белорусском контексте открывает новые перспективы для анализа исторических процессов, национальной идентичности и международного сотрудничества. Итогом этого подхода становится укрепление позиций документоведения как самостоятельной дисциплины, которая соединяет научные знания, образовательные инициативы и практическую деятельность, предоставляя мощный инструмент для решения задач современного общества.

Литература:

Воеводина, Л.П. Статус документа в культуре (к методологии документоведения) / Л.П. Воеводина // Учен. зап. Тавричес. Нац. ун-та им. В.И. Вернадского. Сер. «Философия. Культурология. Политологи. Социология». – 2013. – Т. 24 (65). No 3. – С. 88-92. – Режим доступа: http:// sn-philcultpolsoc.crimea.edu/arhiv/2013/uch_24_3filosof/010_voev.pdf

Гайдученко, Т.Н. Документ как феномен культуры / Т.Н. Гайдученко / Проблемы формирования культурной компетентности личности: Коллектив. моногр. / Сост. и науч. ред. проф. Л.В. Карцева. Казань: РИЦ «Школа», 2010. – С. 20-23.

Двоеносова, Г.А. Категории философии в научном познании документа / Г.А. Двоеносова // Отечественные архивы. – 2011. – No 1. – С. 8-16.

Двоеносова, Г.А. Новый взгляд на теорию документа / Г.А. Двоеносова / Документ. Архив. История. Современность: Материалы III Всеросс. науч.-практ.конф. Екатеринбург, 21-22 окт. 2010 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. – С. 331-335.

Лукина, Н.П. Социокультурная роль документа в коммуникативном пространстве информационного общества / Н.П. Лукина // Документ как социокультурный феномен: Сб. материалов 6-й Всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. Участием, Томск. – 2009. – С. 7-15;

Селиверстов, В. «Круглый стол» «Статус документа в современной культуре: теоретические проблемы и российские практики» (Москва, 14 апреля 2009 г.) / В. Селиверстов // Журнальный зал. НЛО. – 2009. – No 99. – Режим доступа: http:// magazines.russ.ru/nlo/2009/99/se41.html

Шпилевская, И.Н. Эволюция дефиниции термина «документ» и система функций документа / И.Н. Шпилевская / Документация в информационном обществе: парадигмы XXI века: Докл. и сообщ. на X Междунар. науч.-практ. конф. 25-26 нояб. 2003 г. / Росархив, ВНИИДАД. М., 2004. – С. 299-302.

Столярова А.Н.
ГУО «Средняя школа №9 г. Мозыря»,
Республика Беларусь

УСПЕШНЫЙ УСПЕХ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

Ключевые слова: фразеология, неологизм, феномен успеха, тавтология, коннотация, социолингвистика.

Keywords: phraseology, neologism, phenomenon of success, tautology, connotation, sociolinguistics.

Обновление языка является свидетельством его жизнеспособности, его приспособленности к новым, меняющимся условиям существования, адаптации к требованиям, предъявляемым к языку новой социальной средой. По мнению С. И. Алаторцевой, «слова несут на себе печать времени. Неологизмы демонстрируют это особенно очевидно. Даже недолго живущие номинации ярко характеризуют тот или иной период в истории языка и общества» [Алаторцева 1999: 32]. Помимо новых слов язык пополняется и устойчивыми образными выражениями, фразеологическими неологизмами. «Торжествующий языковой вкус с его стремлением к свежей выразительности, к обновлению во что бы то ни стало влечет за собой резкий рост вариативности средств выражения, заставляет опробовать самые различные способы и приемы вербальнокоммуникативного творчества. Это действие обнаруживается на всех ярусах и уровнях, особенно сильно в словообразовании и фразообразовании …» [Костомаров 2015: 37]. Новые фразеологизмы сочетают в себе и экспрессию, и новизну восприятия привычных образов, и вариативность семантики с коннотативными элементами.

По определению В.М. Мокиенко, «фразеологические неологизмы – это не зарегистрированные толковыми словарями современных литературных языков устойчивые экспрессивные обороты, которые либо созданы заново, либо актуализированы в новых социальных условиях, либо образованы трансформацией известных прежде паремий, крылатых слов и фразем, а также сочетания, заимствованные из других языков» [Мокиенко 2002: 66]. Мы остановимся на анализе фразеологического неологизма *успешный успех*, который, по нашему мнению, является метким отражением духа современного общества потребления.

Появление и последующий рост популярности фразеологизма *успешный успех* датируется сентябрем 2016 г. По настоящее время данная единица остается актуальной, причем пик употребляемости приходится на декабрь 2024 г. (по статистике GoogleTrends с 01.01.2004 по 04.05.2025, рис. 1)

Феномену успеха в современном обществе уделяется внимание социологов, психологов, философов, лингвистов и др. Рассматриваются критерии успеха, которые в большинстве случаев оказываются навязанными извне, определяются с позиций материального потребления: «в основе нашей цивилизации лежит

удовлетворение малоосмысленных, но постоянно растущих потребностей, которые складываются под непосредственным влиянием современного производства и при этом стимулируются социальными, культурными, психологическими средствами [Кузьменко 2013: 63]. *Успешный успех* – это соответствие красивой картинке из социальных сетей: «машина, мебель, украшения, одежда становятся знаками личного успеха, конкретный товар – «имиджевой вещью», символом стиля жизни, эталоном жизненной состоятельности, самоутверждения и самореализации, возможностью приобщиться к той или иной социальной группе, передать окружающим информацию о реальном или желаемом статусе его обладателя» [Кузьменко 2017: 180].

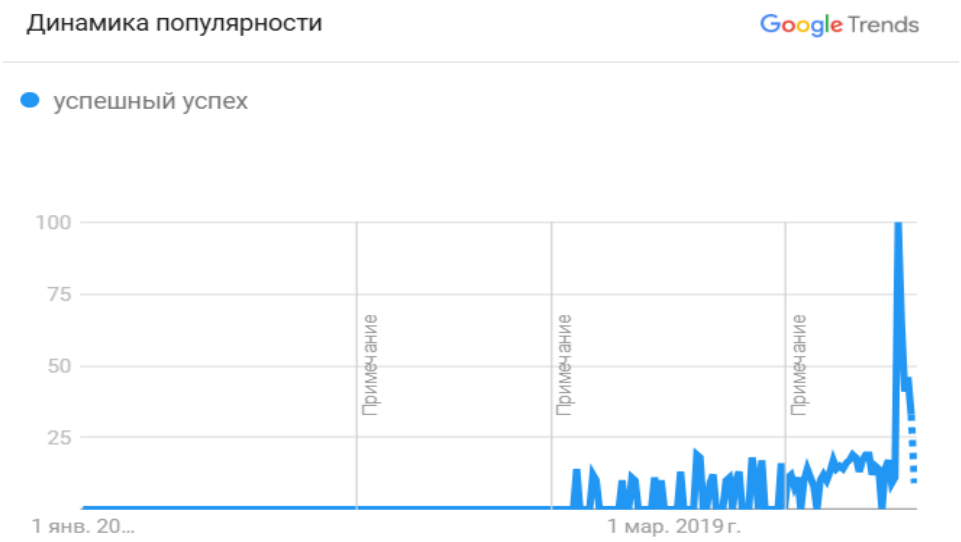

Рис.1 – Динамика популярности фразеологизма *успешный успех*

Как выглядит ***успешный успех****? Крутые парни создают суперкорпорации и достигают долларового изобилия, а потом постоянно тусуются во всех списках богачей и новостях* (Онлайнер, 02.09.2022).

*В эпоху Instagram и концертных туров Тейлор Свифт легко увлечься идеей «****успешного успеха****», который, разумеется, измеряется количеством заработанных миллионов и построенных особняков* (Онлайнер, 31.01.2024).

Анализируемый фразеологизм основан на тавтологии, употреблении в пределах одного словосочетания однокоренных лексем. Однако здесь тавтология – не речевая ошибка, а целенаправленное нарушение языковой нормы для создания экспрессивности. Во фразеологизме *успешный успех* объединяется значение достижения высот во всех сферах деятельности с коннотацией нереальности, ненадежности, неприятия, недоверия, с долей критики и даже сарказма:

Соцсети транслируют нам идею ***успешного успеха****. Люди просыпаются, занимаются йогой, готовят полезный завтрак, потом кормят всю семью, едут на работу. Вечером – тренажерный зал или встречи с друзьями. Ужин,*

медитация перед сном. ***Эта идеальная картинка, где люди практически не отдыхают, не имеет ничего общего с реальностью*** (Онлайнер, 29.09.23).

*Плюс давящий со всех сторон «**успешный успех**» и его общепринятые стандарты типа квартиры, машины (что там дальше по списку?)* (Онлайнер, 20.04.25).

Успешный успех, как видно из приведенных примеров, – это чаще всего не про реальные будни большинства населения, это частный случай, транслируемый как образец для подражания. И хотя люди понимают, что за образом благополучия может скрываться много негативного, сравнение себя с внешним обликом успешности приводит многих к недовольству собой, неприятию своих достижений. Фразеологизм *успешный успех* в основе своей несет скорее отрицательную оценку, поскольку всегда подразумевает сравнение с теми, кто не так успешен, зависимость от мнения окружающих.

*Сейчас ведь из каждого утюга говорят об «**успешном успехе**» и «мотивационной мотивации». На самом деле на нас очень большое влияние оказывают соцсети. Мы проводим в них много времени. **А соцсети – это такая обманка, потому что никто не пишет «я в депрессии», «мне плохо, помогите»*** (Онлайнер, 29.12.2018).

Вместе с тем, важно понимать, что *успешный успех* – это зеркало состояния нашего общества в текущем моменте, ведь «язык живет во времени (имеется в виду не абстрактное время, а общество определенной эпохи), но и время отражается в языке» [Валгина 2003: 4].

Данная единица ценна своей семантической нагруженностью. Как пишет Н. Ф. Алефиренко, «потенциально актуальное с точки зрения коммуникации чувственное переживание обычно нуждается не столько в объективной и беспристрастной номинации, сколько в экспрессивно-образном обозначении, которое передавало бы ценностно-смысловые отношения к ней человека» [Алефиренко 2009: 223]. Данным требованиям соответствует фразеологизм как единица косвенной номинации. *Успешный успех* – это не только характеристика состояния успешности и его атрибутов, но и сложная система оценочных отношений данного состояния; это отражение ценностных ориентаций изучаемого социума в совокупности с многогранными дополнительными смыслами, присущими данному фразеологизму как образной единице. *Успешный успех* – единица весьма противоречивая. Денотативный ее аспект крайне позитивен: успех – это хорошо, а усиленный однокоренным прилагательным он интенсифицируется в разы. Однако с точки зрения означаемого, сигнификата, осложненного коннотативными компонентами, речь идет скорее о нежелательных явлениях, последствиях, осложнениях успешности.

На наш взгляд, анализируемый фразеологизм – явление не только и не столько лингвистическое, сколько социокультурное, позволяющее увидеть срез общества на данном этапе его развития.

Литература

Алаторцева, С. И. Проблемы неологии и русская неография : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 [Текст] / С. И. Алаторцева / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. – СПб., 1999. – 40 с.

Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и паремиология : учеб. пособие / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семененко / М. : Флинта : Наука, 2009. – 343 с.

Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке : учеб. пособие для студентов вузов [Текст] / Н. С. Валгина / М. : Логос, 2003. – 303 с.

Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа [Текст] / В. Г. Костомаров. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб. : Златоуст, 2015. – 320 с.

Кузьменко, Е. О. Консьюмеризм как специфический способ социализации [Текст] / Е.О. Кузьменко // Культура, искусство, образование: проблемы и перспективы развития : материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Смоленск, 2013. – С. 63-66.

Кузьменко, Е. О. Успешность как феномен современного массового общества и проявление нового уровня стандартизации культурных образцов [Эл. ресурс] / Е.О. Кузьменко. – Режим доступа: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/52673/1/iurp-2017-165-21.pdf

Мокиенко, В.М. Проблемы европейской фразеологической неологики [Текст] / В.М. Мокиенко // Słowo. Tekst. Czas – VI. Nowa frazeologia w nowej Europie. Słowo. Text. Czas VI. Materiały VI Międzynarodowej Konferencji Naukowej. – Szczecin, 6-7 września. Greifswald, 2001. – Szczecin: Komisja Frazeologii słowiańskiej Międzynarodowego Komitetu slawistów – Uniwersytet Szeciński, Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2002.

Толстолуцкая Я.Р.
Алтайский государственный педагогический университет

ЗООМОРФНАЯ И КОЛОРАТИВНАЯ МЕТАФОРЫ В СОСТАВЕ ДВУХСЛОЖНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С КОМПОНЕНТОМ *-HEARTED*

Ключевые слова: метафора, метафорическая модель, зоонимы, колоративы, орфографическая вариантность.

Keywords: metaphore, metaphoric model, zoonyms, coloratives, spelling variation.

С развитием когнитивной лингвистики возрос интерес к метафоре как средству концептуализации человеком действительности. В настоящее время метафора рассматривается в науке как сложное и важное явление. Это подтверждают и слова В. В. Петрова: «Результаты последних исследований позволяют предположить, что метафора активно участвует в формировании личностной модели мира, играет крайне важную роль в интеграции вербальной и чувственно-образной систем человека, а также является ключевым элементом категоризации языка, мышления и восприятия» [Петров 1990:135-146]. Л. Л. Нелюбин приводит следующее определение метафоры в своем толковом

переводческом словаре: «Метафора – это языковой феномен, которому соответствует некая модель действительности, определяемая мышлением человека и влияющая на выбор альтернатив в процессе принятия решений» [Нелюбин 2003:91].

Зооморфная и колоративная метафоры присущи английскому языку, как и многим другим языкам, поскольку процесс жизнедеятельности человека тесно связан с поведением животных и цветообозначением предметов. Изучением метафор занимались такие исследователи, как Н. Д. Арутюнова, Т. С. Вершинина, А. Ю. Перескокова, В. Н. Телия, А. П. Чудинов, В. Н. Ярцева. Мотивирующий признак анализируемых единиц основан на визуальном сходстве соединенных в метафоре сущностей, и в таком случае выражен эксплицитно. В основе образования зооморфных и колоративных метафор лежат две модели – *N-hearted* и *Adj-hearted*. Рассмотрим данные метафоры более подробно.

Зооморфная и колоративная метафоры в составе двухсложных прилагательных с компонентом *-hearted*

Зоонимы отражают национально-культурные особенности определенного народа, обычаи и нравы, верования и предания. Этот пласт лексики рассматривается как часть национальной языковой картины мира и как хранилище особой информации об отношении людей к окружающему миру.

С давних пор человек и животные находятся в тесном взаимодействии друг с другом: люди использовали животных не только в бытовых целях, но и сравнивали себя с ними, пытаясь понять свое поведение и поведение других людей. Таким образом, мотивирующим признаком первой группы лексических единиц является сходство с поведением животных. Цель таких метафор заключается в том, чтобы «приписать человеку некоторые признаки, которые почти всегда имеют оценочный смысл, т. к. перенос на человека признаков животных подразумевает оценочные коннотации» [Вольф 1988:52-64].

Возникновение ассоциативной связи между человеком и животным создает концептуальную метафору. Данный вид метафоры переносит признаки, выделяемые в оценочной деятельности в образах животных на поведенческие признаки людей. В лингвистике подобный тип зооморфной метафоры известен давно. Например, во фразеологии: «хитрый как лиса», «дуться как мышь на крупу», «как слон в посудной лавке» и другие.

Не все характеристики животных одинаково востребованы в метафорах данного типа: большая часть слов выражает такое состояние человека, как трусость, малодушие. Например: *chicken-hearted, cow-hearted, hare-hearted, hen-hearted, pigeon-hearted, rabbit-hearted.* Практически все лексемы синонимичны и в русском языке соответствуют прилагательному «трусливый».

Встречаются также лексемы, выражающие и другие состояния человека: *fox-hearted (бессердечный, злой), lion-hearted (храбрый, доблестный), dog-hearted (бесчеловечный, жестокий).* В картине мира русского человека образ собаки может иметь как отрицательную, так и положительную оценку. Например, собака может ассоциироваться с преданным другом, членом семьи.

Это находит свое отражение в лексическом строе речи, например, «собачья верность» или «собака – друг человека». Однако в английской языковой картине мира, это слово имеет преимущественно отрицательную оценку*: "a dull dog", "to die like a dog"* и другие.

Рассматривая колоративные метафоры, стоит упомянуть, что сейчас невозможно представить жизнь современного человека без цветового восприятия, поскольку от него зависит как наше эмоциональное состояние, так и физическое. Более того, цветовое восприятие может вызывать эстетическое удовольствие или наоборот [Василевич 2005: 216]. В культуре цвет является неким символом: определенная информация о каких-то явлениях, процессах, предметах, которым присущи конкретные цветовые оттенки, объединяется в некий образ. Именно на основе этого образа складывается символ [Власова 2016: 56-59].

В зависимости от ситуации и от культуры символ может менять свое значение, однако он всегда понятен. Например, в России белый цвет является символом чистоты и невинности, в Китае и Японии этот цвет символизирует траур на похоронах. Во многих культурах присутствует сочетание белого, красного и черного. Данная триада символизирует жизненные этапы: «рождение – жизнь – смерть».

В основном символика цвета основывается на противопоставлении теплых и холодных цветов. Такая оппозиция возникла из-за ассоциации с «теплыми» и «холодными» предметами окружающего мира.

Данная группа слов мотивирована цветовыми признаками или колоративами – «цветовыми лексемами во всем комплексе их значений, включая в объем этого понятия прилагательные со значением цвета и их дериваты» [Исмаилова 2013: 163-168]. В нашей статье мы рассматриваем эти лексемы в переносном значении в составе метафор. Например: *black-hearted (с черным, злым сердцем), dark-hearted (жестокий), golden-hearted (золотой души), white-hearted (добросердечный).*

Некоторые цветовые обозначения, входящих в состав прилагательных, получили свое переносное значение на основе тех прототипов, которые с давних времен вызывает тот или иной цвет в сознании человека. Так, *black* связывается с темнотой, грязью; *golden* – с идеей большой ценности; *white* – с добром.

Для большей части сложных прилагательных характерна **орфографическая вариантность.** Так, можно выделить три варианта написания слов с компонентом *–hearted: дефисное, слитное, раздельное.* Данная вариантность является избыточной, т. к. не имеет ни семантической, ни стилистической нагрузки. В качестве примера приведем прилагательное *black-hearted* в разных вариантах оформления:

(1) *I've been a bad,* ***black-hearted*** *man, but this woman, dead as she is, is more to me than you ever were, or are, or can be. I would have married her, if I'd never seen your beautiful face! And I wish I had married her!'* (British National Corpus URL).

(2) *One of the two Dictators – the crafty, cold-blooded,* ***blackhearted*** *Italian, who had thought to gain an Empire on the cheap by stabbing fallen France in the back – got into trouble* (Reverso Context URL).

(3) *These are good hearted and* ***black hearted*** *people – both – all fighting each other to run the geopolitical scenario* (Reverso Context URL).

Во всех трех предложениях прилагательное *black-hearted* дает отрицательную характеристику людям: *disposed to doing or wishing evil.* Предпочтение отдается дефисному написанию, как наиболее традиционному.

Данные прилагательные не часто встречаются в речи носителей английского языка. В словаре Collins Online Dictionary сделана соответствующая пометка, касающаяся частоты употребления данных лексических единиц: used rarely. Это можно объяснить тем, что данные слова, как и ряд других, имеющих в своем составе элемент *–hearted*, характерны для литературно-художественного дискурса**.** Лексические единицы подобного типа выполняют оценочную функцию в конкретном произведении. Это способствует формированию у читателя различных чувств и эмоций.

Проанализированные примеры двухсложных прилагательных свидетельствуют о том, что метафорический перенос осуществляется от области известных поведенческих признаков животных и цветообозначения определенных предметов к абстрактным сущностям. В данной статье анализируется только часть зооморфных и колоративных метафор, которые служат основой для выделения моделей *N-hearted* и *Adj-hearted*. Таким образом, метафора является механизмом осмысления абстрактных явлений и сущностей через известное и обычное.

Литература:

Василевич, А.П. Цвет и названия цвета в русском языке [Текст] / А. П. Василевич, С. Н. Кузнецова, С. С. Мищенко ; под общ. ред. А. П. Василевича. – Москва : URSS, 2005. – 216 с.

Власова, Е.А. Лингвосоциокультурный аспект цветообозначений (на примере цветообозначений белый – white, черный – black, красный – red) [Текст] / Е. А. Власова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – С. 56-59.

Исмаилова, К.Н. Теория цвета и этнокультурологическое восприятие цветов [Текст] / К. Н. Исмаилова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2013. – № 1. – С. 163-168.

Метафора в языке и тексте [Текст] / В. Г. Гак, В. Н. Телия, Е. М. Вольф [и др.]; Академия наук СССР, Институт языкознания. – Москва : Наука, 1988. – 176 с.

Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь [Текст] / Л. Л. Нелюбин. – Москва: Флинта: Наука, 2003. – 318 с.

Петров, В.В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу / В. В. Петров // Вопросы языкознания. – 1990. – № 3. – С. 135-146.

Список источников практического материала

British National Corpus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.englishcorpora.org/bnc/x.asp.

Reverso [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://context.reverso.net/перевод/.

Уженцева А.С.
Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова

КОММУНИКАТИВНАЯ ТОНАЛЬНОСТЬ *vs* МУЗЫКАЛЬНАЯ ТОНАЛЬНОСТЬ: К ОПИСАНИЮ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА

Ключевые слова: коммуникативная тональность, тональная стратегия говорящего, интерпретация реципиента, типы тональности общения.

Keywords: communication tonality, tonal strategy of the speaker, tonality, interpretation, types of tonality.

В последние десятилетия многие отечественные лингвисты, занимающиеся исследованиями в области прагматики общения, обращаются к изучению коммуникативной тональности. Термин *тональность* пришел в лингвистику из музыкальной сферы и, как и называемый им феномен, не является новым для науки о языке. В начале XX в. в одном из первых исследований по стилистике В.В. Виноградов ввел термин «основной тон автора» и поставил в зависимость от него главный стилистический слой текста [Виноградов 1980: 76], заложив таким образом традицию рассматривать тональность как текстовую категорию. В современных исследованиях она рассматривается не только как категория текста (Т.В. Матвеева), но и как субъективная модальность (Т.О. Багдасарян), модусная категория (С.Е. Тупикова) и категория дискурса (А.Г. Баранов). В нашем исследовании вслед за В.И. Карасиком мы трактуем коммуникативную тональность как эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения [Карасик 2009: 304] и хотим обратиться к истокам этого явления, музыкальной сфере, чтобы рассмотреть коммуникативную тональность в сопоставлении с музыкальной тональностью и, таким образом, получить более полное представление об этом лингвистическом феномене.

Тональность связана с операцией кодирования информации, т.е. с процессом объективации смыслов посредством элементов системы знаков: нот или слов. При этом тональность как музыкальная, так и коммуникативная не является характеристикой единиц абстрактного семиотического кода, она выступает важной характеристикой продукта, получаемого в результате функционирования знаков системы. Так, каждая из семи нот, посредством которых создаются все музыкальные произведения, имеет значение, но не имеет тональности. Нота как основной строительный блок любой композиции несет информацию о высоте и длительности звука, и только при объединении с другими музыкальными знаками создает мелодический текст, характеризующийся тональностью. Тональность общения объективируется при речевом взаимодействии коммуникантов и как неотъемлемый компонент любого диалога влияет на восприятие сообщения в целом. Являясь

своеобразным ключом к тому, как информация должна быть понята и оценена, коммуникативная тональность представляет собой важный компонент итогового смысла высказывания и часто определяет суть его содержания. Иллюстрацией этому может служить разная тональная окраска одной и той же фразы *Что Вы говорите*. Эта фраза, произнесенная нейтрально, объективирует запрос на повторение информации. При произнесении с возмущением, она демонстрирует несогласие с собеседником, нежелание продолжать диалог. Ирония как проявление шутливой тональности в этой фразе показывает пренебрежение к информации или говорящему. Так разные типы коммуникативной тональности позволяют актуализировать различные смыслы, вкладываемые говорящим в разные по тональности, но идентичные по плану выражения высказывания. В этом есть принципиальное отличие коммуникативной тональности и музыкальной тональности, которая при модуляции, переходе нотного текста в другую тональность и смене фиксирующих его знаков, нот, не меняет сути мелодического рисунка, и музыкальный фрагмент вне зависимости от смены тоники при сохранении лада воспринимается идентично.

В общении тональность неограниченно вариативна. Так, А.Г. Баранов, определяя тональность, говорит о том, что она представлена набором таких «симптомов» как ироничный, шутливый, официальный, конфликтный, агрессивный, алармистский, оптимистический, мажорный, минорный, политкорректный, доверительный и т.д., и оставляет этот гетерогенный список открытым [Баранов 2015: 49]. В отличие от музыкальной тональности, имеющей лимитированное количество видов, ограниченное фиксированным набором комбинаций тоники и лада, тональность общения настолько разнообразна, что сложно привести полный список всех ее типов. Так, Е.Л. Фрейдина, рассматривая тональность как явление прагматико-дискурсивного плана, разделяет тональность общения на функциональную и межличностную. Функциональная тональность связана с коммуникативными задачами говорящего и включает те языковые средства, которые используются в определенной ситуации для определенной цели… для обучения, убеждения, рекламы, развлечения [Фрейдина 2015: 283]. Межличностная тональность, по ее мнению, отражает отношения между участниками дискурса, оцениваемые по шкалам «официальные – неофициальные», «доброжелательные – недоброжелательные», «вежливые – невежливые», «кооперативные – конфликтные» и т.д. [там же]. В.И. Карасик выделяет типы тональности как разновидности эмоционально-стилевого формата, в котором происходит взаимодействие коммуникантов, и называет информативную, фатическую, статусную, шутливую, торжественную, идеологическую, фасцинативную, гипотетическую, агрессивную, изотерическую, манипулятивную и менторскую типы коммуникативной тональности [Карасик 2007: 82-83]. Т.О. Багдасарян рассматривает модельные тональности речевых жанров. Она говорит о том, что, следуя сложившимся в данном социуме нормам поведения (в том числе и речевого), а также в результате их многократного повторения, коммуникант

знает, что *просьбу* следует произносить “вежливо” и “заинтересованно”, а *угроза* должна звучать “серьезно”, “сердито”, “угрожающе” [Багдасарян 2002: 242]. Так, она выделяет 36 «чистых» видов тональности и множество тональных оттенков [Багдасарян 2000: 16-17]. Отметим, что сами авторы рассмотренных типологий признают приведенные ими списки разновидностей коммуникативной тональности открытыми, что представляет собой перспективы для дальнейших исследований в этой области.

Музыкальная тональность и коммуникативная тональность ориентирована на слушающего и воздействует на него. Так, восприятие целостного музыкального фрагмента оказывает влияние на эмоциональную сферу человека, который, воспринимая различные сочетание тонов и полутонов, трансформирует их в собственные чувственные переживания. Инструментальные или вокальные партии, написанные в миноре, настраивают слушателя на лирический лад, расслабляют и успокаивают или вызывают такие эмоции, как грусть или печаль. Мажорный лад тональности гармонизирует эмоциональный фон человека, а в сочетании с определенным ритмическим рисунком придает бодрость и оптимизм. Транслируемая автором сообщения коммуникативная тональность также предполагает воздействие на реципиента и предопределяет его предсказуемую речевую и поведенческую реакцию: например, взрыв смеха при использовании шутливой тональности или обиду при объективации конфликтной тональности. Однако адекватность этой реакции будет зависеть от субъективной интерпретации адресата. Следуя за мыслью А.А. Потебни о том, что нельзя передать человеку свои мысли, можно только пробудить его собственные [Потебня 1999: 152], отметим, что восприятие тональной стратегии автора как ключа к сути сообщения обусловлено коммуникативной компетенцией, социокультурной принадлежностью и даже настроением реципиента и может не совпадать с установкой автора, что может привести к коммуникативной неудаче. В качестве иллюстрации приведем пример того, как незнание некоторых ритуальных особенностей, сопровождающих предложение о замужестве в другой культуре, и неверная интерпретация символических аспектов чуть не расстроила свадьбу в наших знакомых:

Британский бизнес-тренер Майкл Бенг решил сделать предложение своей русской девушке Асе и, согласно канонам своей культурной традиции, символично преподнес ей 12 красных роз со словами: You know what I mean. Каково было его удивление, когда она, пересчитав цветы, вернула их со словами: There are 12 of them! Он решил, что, понимая символическое значение такого подарка, она отвергаем его предложение, а она, исходя из того, что нечетное количество цветов в русской культуре дарят только по траурным поводам, суеверно не захотела принимать в подарок букет с нечетным количеством цветов.

Таким образом, невербально актуализированная в данном примере ритуальная тональная импликация адресанта не была правильно интерпретирована адресатом, и коммуникация была неуспешна. Данный

пример является одновременно и иллюстрацией культурной маркированности коммуникативной тональности. Так, несовпадение культурного фона коммуникантов в описанной ситуации не позволило слушающему адекватно воспринять транслируемые смыслы.

Коммуникативная и музыкальная тональность связаны общностью описывающего их языка. Многие музыкальные термины заимствованы из музыкального дискурса и перенесены в сферу лингвистики. Так, М.А.К. Халлидей заложил традицию использовать музыкальные термины *регистр* и *ключ*, говоря об общении в целом и о тональности в частности, и эти термины частотны в более поздних исследованиях, посвящённых тональности общения. Говоря о тональности речевых жанрах В.В. Дементьев выделяет *диссонансные* и *унисонные тональности*, Т.В. Матвеева говорит о существовании *мажорной* и *минорной* тональности общения при эмоционально-окрашенном изложении информации. В отечественной лингвистике можно встретить образные определения тональности, основанные на метафорическом использовании музыкальных терминов. Так, Н.А. Рядовых называет тональность *внутренним камертоном текста, задающим общее звучание с помощью выбора определенных стилистических средств.* Таким образом, терминологический аппарат, используемый для описания коммуникативной тональности, характеризуется известной долей интердискурсивности, источником которой является музыкальная сфера.

Музыкальность коммуникативной тональности проявляется при рассмотрении способов ее объективации. Такие просодические средства как интонация, тон, ударение, ритм, мелодика речи, паузация, придающие речи эмоционально-экспрессивную окраску традиционно рассматриваются как инструменты репрезентации тональности общения. Так, увеличение громкости голоса в сочетании с рваным ритмическим рисунком и характерной паузацией может свидетельствовать о конфликтной коммуникативной тональности. Ритм, паузы, ударение также используются как средства оформления музыкального текста, однако они не служат для репрезентации музыкальной тональности, являющейся сочетанием лада и тоники. Также следует отметить, что коммуникативная тональность может быть представлена не только названными способами, но и целым комплексом лингвистических (фонетических, морфологических, лексических, синтаксических) и экстралингвистических средств, описание которых представляет собой тему для отдельного исследования.

Взгляд на коммуникативную тональность через призму музыкального явления позволяет выявить значимые характеристики этого лингвистического феномена. Являясь непременным атрибутом любого диалога, а также частью финального смысла высказывания, коммуникативная тональность представляет собой своеобразный ключ к пониманию информации, имеющий принципиальное значение для понимания сути сообщения. Коммуникативная тональность как эмоционально-стилевой формат общения характеризуется наличием большого количества вариантов, а также имеет гетерогенный

комплекс языковых и неязыковых средств объективации. Терминологическая база, используемая для описания коммуникативной тональности в научных текстах, содержит значительное число заимствований из музыкального дискурса. Коммуникативная тональность обеспечивает успешность общения при условии адекватной интерпретации слушающим тональной стратегии говорящего.

Литература:

Багдасарян, Т.О. Тональный компонент модальности в коммуникации : на материале английского и русского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Т. О. Багдасарян. – Краснодар, 2000. – 22 с.

Багдасарян, Т.О. Тональность как компонент модели речевого жанра [Текст] / Т.О. Багдасарян// Жанры речи: сборник научных статей. – Саратов, 2002. – Вып. 3. – С. 240-245.

Баранов, А.Г. Речевой жанр в системе дискурсивных структур [Текст] / А.Г. Баранов // Медиалингвистика. – 2015. – № 2(8). – С. 47-57.

Виноградов, В.В. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума [Текст] / В.В. Виноградов // О языке художественной прозы: Избранные труды. – М., 1980.

Дементьев, В.В. Цепочки речежанровой системности: лексикализация и грамматикализация звеньев [Электронный ресурс] / В.В. Дементьев. – Режим доступа: https://ruslang.ru/doc/trudy/vol20/Dementjev.pdf

Матвеева, Т.В. Тональность текста [Текст] / Т.В. Матвеева // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник. Красноярск: Сиб. фед. ун-т. 2014. – С. 692-694.

Карасик, В.И. Языковые ключи. [Текст] / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2009.

Карасик, В. И. Коммуникативная тональность [Текст] / В.И. Карасик // Жанры речи. – 2007. – Вып.5. Жанр и культура. – С. 81-94.

Потебня, А.А. Мысль и язык [Текст] / А.А. Потебня. – М.: Лабиринт, 1999.

Рядовых, Н.А. Экспликация категории тональности в текстах виртуального жанра [Текст] / Н.А. Рядовых // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2022. – Том 1. – №4. – С. 203-207.

Фрейдина, Е.Л. Тональность речевого общения и ее просодические маркеры [Текст] / Е.Л Фрейдина // Преподаватель XXI век. – 2015. – № 1. – С. 282-289.

Halliday, M.A.K. Language as Social Semiotic: the Social Interpretation as Language and Meaning / M.A.K. Halliday. – London: Edward, Arnold, 1978.

Абухова И.Ю.
Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова

РАЗВИТИЕ «МЯГКИХ НАВЫКОВ» СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Ключевые слова: мягкие навыки, жесткие навыки, коммуникация, критическое мышление, креативное мышление, внеучебная деятельность.

Keywords: soft skills, hard skills, communicating, critical thinking, creative thinking, extracurricular activities.

В современном цифровом мире, в котором технологические инновации и цифровая трансформация стремительно развиваются, технические вузы занимают важное место в процессе подготовки молодых специалистов, которые могли бы результативно справляться с задачами, которые ставит перед ними современная индустрия. Но в современном мире узкая специализация и только технические знания и навыки уже не дают гарантий того, что молодой специалист будет иметь успех на рынке труда.

В условиях стремительного развития рынка труда вузы должны готовить будущих специалистов, которые будут способны успешно работать при быстро меняющихся условиях жизни и при непрерывно растущем потоке новой информации. Задача вузов заключается в том, чтобы подготовить таких специалистов, которые могли бы стать достойными конкурентами на рынке труда, уметь достигать поставленной цели и результативно выполнять свою работу, невзирая на уровень развития экономики и особенности профессиональной деятельности. Но надо отметить, что в современном мире, чтобы стать востребованным специалистом на рынке труда, помимо профессиональных, технических навыков hard skills («жестких навыков») развитие soft skills («мягких навыков») становится жизненно необходимым.

В наше время непрерывного новаторства нужны люди творческие, активные, предприимчивые. Чтобы стать конкурентно способными и для успешной адаптации к постоянно меняющимся требованиям рынка, молодые специалисты должны уметь не только эффективно осуществлять свою профессиональную деятельность, но и уметь генерировать новые идеи, выполнять их критический анализ, прогнозировать цели. А также быть способны четко, ясно и понятно выражать их. Уметь находить и обрабатывать нужную информацию. Молодой специалист XXI века должен быть открытым ко всему новому и обладать такими «мягкими навыками» как командные, публичные, способностью к коммуникации, лидерству, дипломатии, выстраиванию отношений, уметь работать в команде. Он должен обладать критическим и креативным мышлением и стремиться самосовершенствоваться. Узкая специализация выпускника и акцент на профессиональных знаниях в

наше время не обеспечивают ему успех на рынке труда. Поэтому «мягкие навыки» в наше время стали неотъемлемой частью профессиональной подготовки будущего специалиста. Они помогают молодому специалисту не просто работать с 9 до 17, а строить карьеру. По результатам последних исследований 85% профессионального успеха зависит от «мягких навыков».

Не имея должных «мягких навыков», молодому специалисту трудно будет добиться профессиональных успехов. Американский психолог и журналист Дэниел Гоулман в своей книге «Эмоциональное лидерство: Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта» пишет, что результативность любого специалиста в его профессиональной деятельности зависит непосредственно от уровня развития «мягких навыков». Эти навыки и отличают успешных специалистов от неуспешных, эффективные организации от неэффективных [Гоулман 2008]. А русский социолог и психолог П.О. Гриффин выделил набор навыков, которыми должны обладать специалисты в любой области и в любой стране. Этот набор состоит из 4 К: Креативное мышление (Creative thinking), Коллаборация (Collaborating), Коммуникация (Communicating), Критическое мышление (Critical thinking) [Skills for Social Progress 2015].

Некоторые ученые считают, что мягкие навыки можно разделить четыре группы:

- базовые коммуникативные: навыки, которые помогают четко выразить свою мысль, делать доклады перед публикой, вести переговоры и т.п.;
- навыки self-management – это навыки самоуправления, самомотивации и т.п.;
- управленческие навыки – навыки, которые мотивируют специалиста к деятельности, помогают спланировать эту деятельность, организовать ее и контролировать;
- навыки эффективного мышления – это системное, критическое, логическое, креативное и другие виды мышления, которые помогают управлять процессами в голове, вырабатывать и принимать решения [McMillan, эл.ресурс].

Таким образом, можно сказать, что «мягкие навыки» – это комплексное понятие, которое состоит из ряда умений, таких как мыслительные, коммуникативные и управленческие и различных навыков, которые помогут молодому специалисту в достижении профессионального успеха.

В высших учебных заведениях в современных учебных программах такие гуманитарные дисциплины как иностранный язык, история, философия, командная работа и лидерство, коммуникации в сфере бизнеса помогают развивать «мягкие навыки» будущих специалистов. Однако есть еще одна сфера, которая помогает развивать эти навыки: внеучебная деятельность студентов.

Отличный способ предоставить студентам ВУЗов и колледжей возможность для развития «мягких навыков» – различные внеурочные мероприятия. Внеурочная среда современного вуза включает в себя достаточно много категорий деятельности: социально значимая деятельность, управленческая деятельность, культурная деятельность, научно-

исследовательская деятельность [Нагорная 2021]. Участвуя в различных мероприятиях, студенты примеряют на себя различные роли и сценарии и получают отзывы от своих сокурсников. Так, например, в АлтГТУ проходят лекции-тренинги для Школы Актива, где студенты совершенствуют навыки коммуникации и умения вести переговоры. На занятиях для старост молодые люди «прокачивают» умения анализировать свои мысли и принимать лучшее для себя решение в трудной ситуации.

Одним из видов важной социально-значимой деятельности в АлтГТУ является тьюторство. Тьюторство было введено в АлтГТУ более 10 лет назад и выросло в популярное волонтерское движение. Модель тьюторства АлтГТУ представляет собой систему поддержки студентов в течение первого года обучения в университете их старшими товарищами. Чтобы стать волонтером в качестве тьютора, студенты старших курсов проходят специальный тренинг «Школа тьютора» чтобы быть готовыми к решению различных возможных вопросов и проблем, которые возникают у студентов-первокурсников.

К каждой группе первокурсников прикрепляется один-два тьютора. В первый день нового учебного года тьюторы встречаются со студентами первого курса, знакомятся с ними и проводят их по корпусам и студгородку ВУЗа, показывая, где находится деканат, кафедры, столовая, спортивный манеж, общежития и т.п. Затем каждый тьютор проводит со своей группой мероприятие под названием «Ледокол», которое помогает первокурсникам поближе познакомиться друг с другом и создать комфортную атмосферу в группе. В течение первых недель тьюторы объясняют первокурсникам организационную структуру АлтГТУ, сопровождают их по всему университету, чтобы помочь найти необходимые аудитории, отвечают на их многочисленные вопросы, много беседуют с ними и помогают справиться со стрессом и психологическим напряжением. После шести учебных недель в университете проходит аттестация, и тьюторы анализируют академические результаты студентов своей подопечной группы. После этого тьютор проводит беседы с теми студентами, чьи успехи в учебе были плохие. Так же тьюторы помогают первокурсникам в подготовке и проведении нескольких культурных мероприятий, которые ежегодно организуются для студентов первого курса в АлтГТУ. Все эти мероприятия требуют от тьюторов демонстрации различных «мягких навыков».

Помогая первокурсникам, тьюторы имеют хороший шанс расширить границы своих умений и развить навыки общения, командной работы и лидерства. Эти навыки часто плохо развиты у молодых специалистов технических направлений, однако они жизненно важны для развития успешной карьеры. Другие важные «мягкие навыки», которые развиваются у тьюторов при работе со студентами-первокурсниками: стрессоустойчивость, управление временем, умение решать проблемы, творчество и сочувствие.

Таким образом, можно сделать вывод, что «мягкие навыки» играют огромную роль для адаптации студентов в вузе и для их профессионального развития. Они являются весомым дополнением к техническим компетенциям

выпускников и являются органической составляющей успеха молодого специалиста.

Литература:

Гоулман, Д. Эмоциональное лидерство: искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта [Текст] / Д. Гоулман, Р Бояцис, Э. Макки. – М.: Альпина Паблишер, 2012. – 301 с.

Нагорная, А.Г. Студенческий пресс-центр как инструмент развития гибких навыков (soft skills) у студентов в воспитательном пространстве технического вуза [Текст] / А.Г. Нагорная, Н.П. Стародворцева Н.П. // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – №9 (111). – Часть 3. – С. 42-47.

McMillan, J. Enhancing college student's critical thinking: A review of studies [Текст] / McMillan J. / Research in Higher Education – 1987. – 29 p.

Skills for Social Progress: The Power of Social and Emotional Skills OECD. Skills Studies, 2015. OECD Publishing. [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://www.oecd.org/en/publications/skills-for-social-progress_9789264226159-en.html

Агафонова Е.А.,Масачева И.А.
Алтайский государственный технический университет им. И.И.Ползунова

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ

Ключевые слова: тенденции развития, педагогическая наука, образовательный процесс, информационные технологии, практические навыки, компетенция.

Keywords: development trends, pedagogical science, educational process, information technology, practical skills, competence.

Современные инженерно-технические вузы играют ключевую роль в подготовке специалистов, способных успешно работать в условиях быстро меняющегося технологического мира и изменения потребностей рынка труда. В связи с этим, педагогическая наука должна адаптироваться к новым вызовам и требованиям, которые диктует время. Соответственно, образовательные учреждения вынуждены пересматривать свои подходы к обучению и воспитанию будущих специалистов. Рассмотрим основные тенденции, которые определяют развитие педагогической науки в условиях современных инженерно-технических вузов.

Цифровизация образовательного процесса – самая, с нашей точки зрения, значимая тенденция. С ростом возможностей информационных технологий, они все больше интегрируются в образовательный процесс, и принцип "умного" обучения становится все более актуальным. Использование виртуальной реальности, симуляторов и онлайн-платформ для проектного обучения позволяет студентам не только усваивать теоретический материал, но

и получать практические навыки в условиях, приближенных к реальным [Полевода 2022]. Это способствует формированию высоких практических навыков и компетенций, необходимых для работы в инженерной сфере.

Внедрение онлайн-курсов, платформ для дистанционного обучения и цифровых инструментов для взаимодействия между студентами и преподавателями меняет традиционные методы обучения. Педагогическая наука в этом контексте фокусируется на разработке эффективных методик применения технологий, а также на обучении преподавателей использованию этих инструментов. Еще педагогическая наука исследует, как наилучшим образом интегрировать эти технологии в учебный процесс, сохраняя при этом высокие стандарты качества образования.

Также современные образовательные технологии позволяют перейти от традиционного подхода к обучению к более персонализированным методам. Это означает, что в процессе обучения учитываются индивидуальные потребности и предпочтения студентов. Педагогическая наука разрабатывает гибкие образовательные модели, которые позволяют сочетать различные стили обучения, интересы и карьерные цели студентов, что способствует более глубокому усвоению материала и повышению мотивации к обучению. Они могут включать в себя адаптивные курсы, индивидуальные учебные планы и дополнительные ресурсы, которые подстраиваются под уровень знаний и темпы усвоения материала каждого студента. Такой подход мотивирует обучающихся брать на себя ответственность за свое образование и стимулирует их к самостоятельной работе.

Ориентируясь на формирование практических навыков и умений, компетентностный подход в обучении становится все более актуальным. Он акцентирует внимание на формировании у студентов ключевых компетенций, таких как аналитическое мышление, умение работать в команде и способность к самообучению. В инженерно-технических вузах акцент делается на подготовку специалистов, способных работать в условиях реального производства. Это требует от педагогической науки новых методик оценки и формирования компетенций, включая использование кейс-методов, симуляций и стажировок.

Еще одной неотъемлемой частью обучения в инженерно-технических вузах становится проектный метод. Студенты работают над реальными проектами, что способствует развитию практических навыков, критического мышления, креативности и способности к командной работе. Данный подход также позволяет связывать теоретические знания с практическими задачами, делая процесс обучения более увлекательным и продуктивным. Педагогическая наука разрабатывает новые подходы к организации проектного обучения, включая создание межвузовских и междисциплинарных проектов, которые позволяют студентам взаимодействовать с представителями различных областей.

Следует отметить, что инженерно-технические вузы все чаще используют мультимодальные форматы, комбинируя разные способы подачи материала:

лекции, семинары, практические занятия, лабораторные работы и дистанционное обучение, а также предполагает использование инновационных технологий: IT-решений, виртуальной реальности и нейросетей. Это создает гибкие условия для обучения студентов с учетом их предпочтений и выбором стиля обучения. Мультимодальные форматы помогают удерживать внимание студентов, повысить уровень их вовлечения в учебный процесс и улучшить качество усвоения обучающимися новой информации.

Следует также отметить, что в современном мире жесткие технические навыки, хотя и остаются важными, уже не достаточны для успешной карьеры инженера. Умения работать в команде, навыки коммуникации, лидерства и критического мышления, так называемые soft skills, становятся все более востребованными. Педагогическая наука в инженерно-технических вузах акцентирует внимание на развитии этих soft skills, интегрируя соответствующие практики, например, ролевые игры, дебаты, симуляции переговоров, в учебный процесс. Все это помогает развивать навыки общения, решения проблем и принятия решений, навыки управления временем и приоритетами.

И, конечно, технические проблемы очень часто требуют междисциплинарных решений. Инженеры должны обладать не только техническими знаниями, но и навыками в области управления, экономики, экологии и социальных наук. Поэтому педагогическая наука в инженерно-технических вузах использует в образовательном процессе междисциплинарный подход. В этом контексте разрабатываются программы, которые соединяют различные дисциплины, обеспечивая целостное понимание проблем и задач, внедряются курсы, объединяющие знания из разных областей: инженерии, экономики, информационных технологий, менеджмента и даже гуманитарных наук. Это способствует формированию комплексного подхода к решению задач и позволяет студентам стать более универсальными специалистами.

Нельзя не отметить тот факт, что современные инженерно-технические вузы все чаще обращают внимание на вопросы устойчивого развития и социальной ответственности [Измайлова 2021]. Педагогическая наука занимается вопросом, как интегрировать эти темы в учебные программы, формируя у студентов готовность действовать и жить в быстро меняющихся условиях, участвовать в планировании социального развития, учиться предвидеть последствия предпринимаемых действий, понимать их роль в решении глобальных экономических, социальных и экологических проблем.

В заключение хотелось бы отметить, что тенденции развития педагогической науки в современных инженерно-технических вузах отражают изменения в обществе, потребности экономики, а также требования к современному образованию в условиях быстро меняющегося мира. Интеграция новых технологий, персонализированный и компетентностный подход, междисциплинарность и внимание к вопросам устойчивого развития, а также акцент на развитии не только технических, но и мягких навыков становятся

основными направлениями, определяющими будущее образовательного процесса. Эффективная реализация этих тенденций обязательно будет способствовать повышению качества образования и успешной адаптации выпускников к вызовам XXI века.

Литература:

Полевода, И.И. Технологии виртуальной и дополненной реальности в образовательном процессе / И.И. Полевода, А.И. Иваницкий и др. // Вестник Университета гражданской защиты МЧС Беларуси. – 2022. – Т.6, №1. – С. 119-121

Измайлова, М.А. Социальная ответственность и устойчивое развитие: меняющаяся миссия высшей школы / М.А. Измайлова // Журнал МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2021. – Т.12, №4. – С. 370-383

Васильев С.Ф.
Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова

КАК НУЖНО ПРЕПОДАВАТЬ КУРС «ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ»?

Ключевые слова: основы российской государственности, Россия, Русская идея, российская цивилизация, патриотизм

Keywords: foundations of Russian statehood, Russia, Russian idea, Russian civilization, patriotism.

По нашему мнению, в настоящем своем виде курс «Основы российской государственности» недостаточно продуман, поэтому не может вполне реализовать заявленную цель. [Письмо Министерства 2023] В нем, на наш взгляд, отсутствует необходимый стержень. Курс пока представляет собой эклектический набор сведений из различных социогуманитарных дисциплин. При чтении различных учебных пособий по данному предмету возникает ощущение чрезмерной субъективности и произвольности в формировании содержания и способах подачи учебного материала. Например, вопрос о самых значимых достижениях российской цивилизации и «героях» решается каждым автором пособия по своему усмотрению.

Для того, чтобы курс ОРГ приобрел черты системности и цельности, на наш взгляд, нужно следовать нескольким общим принципам.

При формулировке стержня курса ОРГ нужно исходить из той военной и геополитической обстановки, в которой очутилась наша страна в результате СВО. СВО – это не просто конфликт с Украиной, это конфликт с коллективным Западом. И поражение в этом конфликте чревато утратой национальной независимости и катастрофой для нашей цивилизации. Между тем, многие авторы пособий обходят тему СВО. Но ведь без СВО не возникла бы необходимость в самом курсе ОРГ. Исходя из этого, акцент должен быть сделан на *осознании* российской цивилизацией самой себя, своей всемирно-

исторической роли и на *отношениях* нашей цивилизации с западной цивилизацией. Материал курса должен помочь студентам осознать *особенность* нашей цивилизации, дать необходимые знания для осмысления российской социальной реальности в ее исторической динамике.

Россия существует как особый социальный организм. Этот организм проходил различные исторические периоды, войны, революции, трансформации. Но при всех различиях разных эпох единство, преемственность нашей культуры и цивилизации не должны быть утеряны. Поэтому считаем целесообразным делать акцент на том *общем*, что объединяет различные периоды истории: период Российской империи, советской России и постсоветского периода развития России. К сожалению, пока в массовом сознании преобладает конфликтный подход при осмыслении истории России. Сторонники РИ поливают грязью СССР. Сторонники СССР отвечают тем же и подвергают уничтожающей критике постсоветский период развития России. И так далее и тому подобное. Нам же представляется, что необходимо сосредоточиться на положительных чертах, достижениях каждого периода, имея в виду целесообразность гармоничного синтеза достижений всех эпох бытия России. Это соответствует задаче дисциплины: «представить историю России в ее непрерывном цивилизационном измерении».

Представляется, что при определении содержательной начинки курса следует исходить из принципа «знающего патриотизма»: *что должен знать студент-патриот*, человек, который испытывает искреннюю любовь к родине и стремится сделать что-то в ее благо. Знания об обществе вообще и российском обществе, в частности, для патриота абсолютно необходимы.

Патриотическая направленность курса несомненна. Однако следует познакомить студентов с различными формами патриотизма. Квасной патриотизм тоже ведь имеет место быть. Отсюда актуально различение истинного и ложного патриотизма. В патриотизме важна как сторона чувства, так и сторона разума. Патриотизм, прежде всего, есть чувство любви к родине. Само чувство иррационально, до конца не рационализируемо. Но все же можно его как-то поддержать, направить в разумное русло. Для этого, как нам представляется, нужно ознакомить студентов с достижениями российской цивилизации. Причем активно вовлечь самих студентов этот процесс. На практических занятиях студенты с удовольствием делают сообщения с презентациями по достижениям российской культуры в областях науки и техники, искусства и литературы, дипломатии и государственного строительства. Что касается положения современной России, то для большей объективности, и для того, чтобы вызвать большее доверие у слушателей курса считаем целесообразным использование видеоматериалов, в которых оценку положения дел в современной России дают иностранцы.

Для того, чтобы не впасть в квасной патриотизм, целесообразно также проведение дискуссий по отдельным историческим деятелям, вызывающим споры. Это такие фигуры, как Александр Невский, Иван Грозный, Петр 1, Сталин и пр. Следует отметить, что по деятелям культуры гораздо меньше

разброса в оценках. Как правило, их деятельность оценивается однозначно положительно. Неясным остается ответ на вопрос о том, считать ли героями российской цивилизации святых и праведников, церковных деятелей, революционеров, деятелей Белого движения. В оценке их деятельности может проявляться различие и даже антагонизм разных мировоззренческих подходов.

Таким образом, любовь к родине должна быть поддержана, обоснована *знаниями* о достижениях ученых, изобретателей, писателей, художников и пр. России. В данном отношении пока знания первокурсников довольно скудны. Просто необходимо устранить пробел в их знаниях. Опыт показывает, что целесообразно дать студентам небольшой план для их работы и указать заслуживающие доверия источники информации.

Чтобы студенты *почувствовали*, что значит для них родина, целесообразно, как нам представляется, использовать следующий прием. Нужно побудить студентов проделать следующий мысленный эксперимент. Студент должен представить ситуацию, при которой он родился и вырос в другой стране, а не в России. При этом он должен ответить на вопрос: остался бы он, в таком случае, той же самой личностью? Данный мысленный эксперимент, фактически прием иммерсивности, позволяет студенту лучше осознать, что означает родная страна для его личности, индивидуальности.

Расхожим стереотипом среди молодежи является фраза: «Я люблю свою страну, но ненавижу государство». Нужно сделать так, чтобы студенты задумались, что было бы с нашей страной, если бы не было нашего государства? Этот прием помогает осознать ценность государства, национальной независимости. Он помогает отмежеваться от примитивных анархистских настроений, которые не раз приводили нашу страну к кризисам. Наше государство, как и любое другое, имеет свои недостатки, но это не повод для его тотального разрушения. Государство необходимо улучшать, лечить, помогать ему в делах, которые идут на пользу обществу. В то же время нужно бороться и с болезнями государства: бюрократизмом, коррупцией, некомпетентностью, «кумовством» и пр.

Патриотизм должен быть зрячим, разумным. В данном разрезе необходим объективный подход как к истории России, так и к современному положению России. Студент должен осознавать недостатки и проблемы нашего общества, знать, какие меры предпринимаются для решения проблем. Может быть, он сможет предложить какой-то свой вариант их решения. Следует содействовать вовлеченности студентов в процесс осмысления и решения проблем нашего общества, чтобы они почувствовали свою причастность к проблемам нашей страны. Важно, чтобы они почувствовали серьезность этих проблем, поняли, что их нельзя решить волюнтаристски, по-быстрому, не считаясь со сложившимися конкретно-историческими условиями. Нам представляется, что в данном отношении может помочь работа студентов с национальными проектами.

В блоке «Россия как страна» нам представляется целесообразным обозначить не только природные богатства России, ее экономический и

технологический потенциал, но также и человеческое ее богатство, богатство культуры. Россия – великая культурная держава, и это обстоятельство должно быть доведено до студентов. В этом мы солидарны с С. Г. Волобуевым [Волобуев 2024].

Центральной частью курса мы считаем второй блок, который нужно объединить с третьим. Но здесь как раз много непроясненного и запутанного. Не совсем ясно, что означает «русская идея в академическом плане». Чаадаева и славянофилов, например, вряд и можно назвать академическими учеными. Данная характеристика больше подходит к цивилизационную подходу, но он выделен почему-то отдельно. Не прояснены как следует отношения между русской идеей, мировоззрением, ценностями и особенностями русского национального характера [Касьянова 2003]. Спорам западников и славянофилов уделено недостаточное внимание. Но ведь предмет спора и сегодня очень актуален.

Нам представляется, что главной темой курса должны быть тема «Русской идеи» [Русская идея 1992]. В данной теме мы предлагаем рассмотреть *самосознание* и *самопознание* российской цивилизации, понимая под этим, как понимание народом своего своеобразия и своей миссии в мире, так и официальную идеологию государства, а также и взгляды различных мыслителей по данному вопросу. Это позволяет более правильно выделить этапы развития российской государственности, ведь они тесно связаны с духовным складом эпохи. Например, советскую эпоху не понять, если не брать в расчет коммунистическую идеологию, коммунистическую веру советского общества. Такое самосознание цивилизации можно назвать «взглядом изнутри».

Необходим также и «взгляд извне» – рассмотрение нашей цивилизации со стороны других цивилизаций. Взгляды сторонников цивилизационного подхода (за исключением Н. Я. Данилевского) представляют собой попытку познать российскую цивилизацию извне, с позиций другой цивилизации – западной.

Стремление найти общее мировоззрение для всей российской цивилизации, с одной стороны, правомерно, поскольку в цивилизации должно быть какое-то духовное ядро, скрепляющее данную цивилизацию, на всем протяжении ее существования. С другой стороны, такое стремление наталкивается на трудность, связанную с резкими различиями российского общества в различные исторические эпохи. Если, например, в дореволюционной России преобладало религиозное мировоззрение, и даже философия носила, по преимуществу, религиозно-философский характер, то в советский период мы видим доминирование материалистического и атеистического мировоззрения. В современную эпоху, несмотря на реверансы в сторону традиционных религий, большинство граждан остается не воцерковленным. Можно ли считать их мировоззрение религиозным? В чем же тогда заключается *общее* мировоззрение российской цивилизации, которое должно проявить себя во все периоды российской истории? Это вопрос,

требующий серьезного исследования. Подобная трудность касается не только российской цивилизации. Питирим Сорокин выделял 3 фазы развития мировоззрения Запада, которые значительно отличаются друг от друга. Но это фазы развития одной и той же цивилизации. Что же делает Запад Западом во все эти эпохи?

Составители программ и учебников, как нам представляется, при рассмотрении мировоззрения российской цивилизации игнорируют онтологию как основу мировоззрения, а также отношение человека к природе. Студентам предлагается мировоззрение, усеченное до социальной реальности, с сохранением, правда, антропологии. Но антропология без онтологии теряет мировоззренческий характер. По вопросу ценностей российской цивилизации наиболее приемлема, на наш взгляд, их трактовка А. В. Ивановым [Иванов 2024].

Считаем необходимым одну лекцию посвятить христианской религии. К сожалению, студенты, в большинстве своем, имеют очень мало знаний по данному вопросу. А ведь без знания основ христианства не понять «Русскую идею», особенности российской цивилизации. Такие теоретики цивилизационного подхода, как А. Тойнби и С. Хантингтон относят Россию к «православной цивилизации». Поэтому и для понимания цивилизационного подхода, применительно к России, необходимо знание и христианства вообще, и православия, в частности [Неделяева2023]. В лекции нужно раскрыть основы вероучения христианства, христианскую антропологию, этику христианства. Также нужно показать различие между православием, католицизмом и протестантизмом. Рассказать о протестантской трудовой этике, которую либералы пытались внедрить в России. Необходимо рассказать студентам историю отношений церкви и государства в России: о симфонии властей, о стяжателях и нестяжателях, расколе, подчинении церкви государству в Российской империи, преследованиях церкви при Советской власти. Опросы студентов показали, что лекция о христианстве запомнилась им больше остальных лекций курса.

Считаем, что нужно выделить одну лекцию на тему «Политические идеологии современности». Студент-патриот должен уметь ориентироваться в мире идеологий, знать основные идеи и принципы и занимать по отношению к ним обдуманную, обоснованную позицию.

«Мало делать добро, надо еще делать его хорошо». Безусловно, чтобы быть настоящим патриотом, нужно иметь много знаний. Это знания и о социальной реальности вообще, и знания о России как конкретном социальном организме. В этой связи представляется необходимым познакомить студентов с материалом социальной философии и теоретической социологии. Мы предлагаем ввести такую тему лекции, как «Социальные аспекты российской государственности». В рамках данной лекции нужно рассмотреть понятие общества, социальные институты, сферы общественной жизни, социальную структуру, этнические общности и их виды. Все эти понятия следует применить к анализу российского общества.

В программе курса, на наш взгляд, недостаточное внимание уделено формационному подходу. К сожалению, и в школе учащиеся не получают достаточных знаний в этом отношении. Считаем целесообразным не только рассказать о формационном подходе, но и выделить в качестве отдельного вопроса программы вопрос о капиталистической общественной формации, поскольку именно она господствует в современном мире. Целесообразно рассказать о фазах развития капитализма, о колониализме, о глобализации. Полезно также познакомить учащихся с различными видами капитализма. Разными исследователями выделяются капитализм ядра и периферии, ортокапитализм и инфракапитализм, «блатной» капитализм, бюрократический капитализм и др. Необходимо рассмотреть феномен глобализации [Семенов 2013]. Безусловно, нужно рассказать о специфике российского капитализма. Целесообразно, как нам представляется, рассмотреть формационную историю России. Такой феномен как «второе издание крепостничества» также заслуживает внимания [Сказкин 1958].

На лекции по основам государственного строя РФ целесообразно познакомить студентов с различными вариантами государственного устройства (сам принцип всеобщего избирательного права некоторыми ставится под сомнение), со случаями спорных законопроектов, вызывавших дискуссии в обществе, поговорить о пределах права.

Первое практическое занятие мы посвящаем введению в курс дела, общему обзору курса. Кроме того на этом занятии студенты пишут феноменологическое задание по проблеме родины, используя феноменологический метод для прояснения своего отношения к своей стране. На этом же занятии студенты проходят тест политических ориентаций. На последнем практическом занятии они также проходят подобный тест. Это позволяет отследить изменения в убеждениях учащихся за время прохождения курса и в какой-то мере определить эффективность его воздействия на сознание учащихся.

Последующие несколько практических занятий мы посвятили рассмотрению достижений российской цивилизации в различных областях человеческого творчества. Сначала мы рассматриваем достижения Российской империи, далее – достижения СССР и затем – достижения постсоветской демократической России. Студенты делают сообщения с использованием презентаций. Опыт показывает, что нужно все-таки как-то ориентировать студентов по теме их выступления, подбирать подходящие солидные материалы. В интернете, к сожалению, масса низкокачественной информации, а студенты нередко принимают ее за истину.

Еще одно практическое занятие необходимо, на наш взгляд, посвятить достижениям русских эмигрантов, выходцев из России, а также достижениям и выдающимся людям нашего региона.

Выделение такого количества практик на обзор достижений и «героев» российской цивилизации считаем важным и оправданным. Учащиеся должны узнать и *почувствовать*, насколько велико наше культурное наследие,

фундамент, на который может опираться Россия в ее прогрессивном развитии. Желательно, чтобы такой вывод сделали сами студенты.

При рассмотрении дел выдающихся деятелей российской истории целесообразно проводить дискуссии по спорным фигурам. Участники дискуссии готовятся к определенному занятию, подбирая соответствующую аргументацию. Победителя дискуссии определяет группа. Победа отражается в повышении рейтинга.

Необходимо практическое занятие и по христианству и православию. Через доклады по определенным темам до учащихся доводится информация о роли православной религии в политической истории России, её влияние на русскую культуру и менталитет русского народа.

Два занятия посвящаются проблематике «Русской идеи», ценностям российской цивилизации, особенностям русского национального характера. Оно проходит тоже в виде докладов и их обсуждений.

Отдельное практическое занятие необходимо, на наш взгляд, выделить для рассмотрения советской цивилизации. Здесь целесообразно как прослушивание студентами докладов, так и общая дискуссия по теме между «советчиками» и «антисоветчиками». Предметом дискуссии, на наш взгляд, лучше сделать «эпоху Брежнева» – эпоху так называемого «развитого социализма». Но не возбраняется и обсуждение и более ранних этапов бытия советской государственности.

Также отдельное практическое занятие, на наш взгляд, следует посвятить рассмотрению западной цивилизации – как ее истории, так и ее современного состояния. При этом нужно бороться, как нам представляется, с двумя крайностями. С одной стороны, следует провести «десакрализацию» Запада. Пока что в нашем общественном сознании не преодолена ориентация на западные ценности, бездумное подражание Западу, стремление любой ценой выглядеть хорошо в глазах Запада. Для объективности нужно показать и темные, сомнительные черты западной цивилизации и истории Запада. С другой стороны, не нужно увлекаться тотальным отрицанием Запада, ведь, безусловно, там было создано немало общечеловеческих ценностей и достижений. Нужно формировать в студентах умение объективно, рационально, селективно подходить к продуктам западной цивилизации.

Нужно довести до сознания студентов, что при заимствовании западных достижений необходимо учитывать реалии именно нашей, российской цивилизации, нашей истории, нашей психологии. Нельзя бездумно пересаживать на нашу почву западные институты и технологии. Это может привести к обратному эффекту – не к синтезу лучших достижений Запада и России, а к «негативной конвергенции». В качестве удачного примера соединения достижений современной технической цивилизации и традиционной культуры можно рассматривать пример послевоенной Японии. Студенты охотно делают доклад по этой теме.

Кроме того, необходимо провести различие между *использованием* достижений западной цивилизации и *подчинением* Западу. У некоторых

студентов, да и не только студентов, происходит отождествление этих понятий. Но ведь использование западных достижений в какой-либо области и подчинение нашего государства западным государствам в ущерб интересам нашей страны – это же совсем разные вещи.

Считаем, что необходимо провести отдельное занятие по политическим идеологиям. Студенты, как правило, неграмотны, в данном вопросе. Сегодня принято ругать либералов, но кто такие либералы, большинству студентов неизвестно. Можно провести дискуссии по тому же либерализму или анархизму, или по какой-то другой идеологии. Целесообразно довести до студентов информацию о фашистской идеологии. Показать примеры украинского фашизма. Это будет способствовать лучшему пониманию студентами необходимости СВО.

На практическом занятии по основам конституционного строя России считаем целесообразным провести деловую игру в политические партии и парламентские выборы. Студенты составляют программу «партии», придумывают ее символику и девиз. Каждая «партия» выступает перед группой, излагая свою позицию и отвечая на вопросы. Затем проводятся дебаты между «партиями». И в конце занятия – «выборы». «Счетная комиссия» подсчитывает голоса за каждую партию и объявляет итоги выборов. Охотно на такую форму работы идут студенты с подготовкой выше среднего. Опыт показывает, что в «программах партий» нередко учитываются те знания, которые учащиеся получили на предыдущих практических и лекционных занятиях курса. Так, например, в программе одной «партии» был предусмотрен пункт для борьбы с распространением идеологии потребительства. Этой проблеме был посвящен доклад на одном из предыдущих практических занятиях.

Несколько практических занятий необходимо посвятить рассмотрению национальных проектов. При подготовке к выступлению по национальному проекту студенты узнают о тех проблемах, на решение которых он направлен, о мерах, которые предпринимает наше государство для решения данных проблем. Повышенная оценка ставится работам тех студентов, которые помимо раскрытия содержания национального проекта, рассказывают еще и о проблемах, с которыми сталкивается реализация проекта и способах решения этих проблем. Студенты могут предложить какие-то свои идеи в данном ключе.

При рассмотрении вызовов, стоящих перед нашей цивилизацией необходимо подробно рассмотреть и военную угрозу. Это сегодня актуально, как никогда. Студенты должны быть в курсе этой угрозы. Важно также указать опасность аномии общества [Кара-Мурза 2013].

При рассмотрении сценариев развития России нужно, по нашему мнению, уделить внимание не только купированию угроз для нашей страны, но и тому, что может предложить наша страна-цивилизация для решения мировых проблем, исходя из своего особенного мировоззрения. В таком плане разумный консерватизм, защита традиционных ценностей приобретают черты национальной идеи. Защита человека от посягательств на его природу против

всяческих искажений ее, постчеловечества [Фукуяма 2004], трансгуманизма [Кутырев 2010] и пр. является составной частью миссии России в мире. Ведь миссия страны – это не просто ее борьба за свое сохранение. Миссия – это то, что должна дать страна миру.

В принципе, было бы лучше поменять соотношение лекций и практических занятий. Лекций лучше следует сделать побольше, чтобы дать студентам больше знаний. Тогда можно было бы одну-две лекции посвятить ознакомлению студентов с приемами и методами вражеской пропаганды и способами противодействия им. Чтобы они не стали жертвами идеологической, психологической и информационной войны против нашей страны. А практик, на наш взгляд, достаточно восьми.

По нашему мнению, если переработать курс на основе упомянутых в статье принципов и идей, то он приобретет большую цельность, стройность и логичность.

Литература

Волобуев, С. Г. Шаг вперед, два шага назад? О проблемах научно-методического и учебно-методического обеспечения курса «Основы российской государственности» [Текст] / С. Г. Волобуев // Журнал Института Наследия. – 2024. – № 2/37. – С.12-21.

Иванов, А. В. Российская цивилизация и ее ценности : учебное пособие [Электронный ресурс] / А. В. Иванов. – Режим доступа: e.lanbook.com/book/422126

Кара-Мурза, С. Г. Аномия в России: причины и проявления [Текст] / С. Г. Кара-Мурза / М.: Научный эксперт, 2013. – 264 с.

Касьянова, К. О русском национальном характере [Текст] / К. Касьянова. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. – 560 с.

Кутырев, В.А. Философия трансгуманизма: Учебно-методическое пособие. [Текст] / В.А. Кутырев. – Нижний Новгород: Нижегородский университет, 2010. – 85 с.

Наделяева, Е. П. Методы формирования основ православного сознания у студентов технических вузов (на примере учебно-методического комплекса «Основы российской государственности») [Текст] / Е. П. Наделяева // Вестник ПСТГУ. Серия 4: Педагогика. Психология. – 2023. – Вып. 71. – С. 68-78.

Письмо Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 21 апреля 2023 г. № МН-11/1516-ПК [Электронный ресурс] // FGOSVO.ru. – Режим доступа: https://fgosvo.ru/uploadfiles/method/Ps_MON_MN_11_1516_PK_21042023.pdf

*Русская идея (*Сборник) [Текст] / Сост. и авт. вступ. статьи: М.А.Маслин. – М.: Республика, 1992. – 496 с.

Семенов, Ю.И. Философия истории. Общая теория исторического процесса [Текст] / Ю. И. Семенов. – М.: Академический Проект; Трикста, 2013. – 615 с.

Сказкин, С. Д. Основные проблемы так называемого «второго издания крепостничества» в средней и восточной Европе. [Текст] / С. Д. Сказкин // Вопросы историю – 1958. – № 2. – С. 96-119.

Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции [Текст] / Ф. Фукуяма. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 349 с.

Голуенко Т.А.
Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова
Трубникова О.А.
Алтайский государственный университет

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ГИБРИДНОГО И СМЕШАННОГО ОБУЧЕНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Ключевые слова: гибридное обучение, смешанное обучение, образование, цифровые технологии, учебный процесс, учебный курс.

Keywords: hybrid learning, blended learning, education, digital technologies, learning process, training course.

В настоящее время одним из актуальных и перспективных направлений в сфере образования является применение различных инновационных методов, позволяющих учащимся переход на дистанционное обучение, открывающее широкие возможности, как для преподавателей, так и для обучающихся. Очень часто, говоря о цифровизации образования и переходе на дистанционный формат обучения, применяют понятия «гибридное» и «смешанное» обучение. Как правило, имеется в виду, что эти формы сочетают в себе очное обучение и дистанционное обучение. Многие преподаватели отождествляют эти понятия, зачастую не видя существующих между ними различий. Однако для успешного применения данных форм обучения необходимо разобраться в их особенностях.

Понятие смешанного обучения появляется еще в конце 1990-х гг., хотя первоначально оно не имело четкого определения. В 2006 г. вышел «Справочник смешанного обучения», где давалось «чёткое определение смешанного обучения как комбинации обучения лицом к лицу с обучением, управляемым компьютером» [Андреева, эл. ресурс]. Другими словами, смешанное обучение сочетает элементы традиционного обучения и обучения с применением компьютерных технологий, онлайн-обучения, а студенты совмещают самостоятельное изучение материала онлайн с работой в аудитории с преподавателем. Современные компьютерные технологии, создание различных электронных и онлайн-курсов открывают много новых возможностей для смешанного обучения, однако при этом ведущей формой остается традиционное обучение. Информационные технологии в данном контексте призваны улучшать традиционное обучение, обогащать его, дополняя традиционные формы взаимодействия и коммуникации. Также информационные технологии облегчают студентам выполнение различных задач, повышают их вовлеченность в учебный процесс. Таким образом, использование традиционного формата обучения с применением компьютерных технологий призвано повысить эффективность учебного процесса, разнообразить его и сделать более простым и доступным для восприятия обучающимися.

Особенностями смешанного обучения, по мнению некоторых исследователей, является то, что «для обеспечения эффективного процесса смешанного обучения необходимо сосредоточиться на образовательных целях, а не на технологии. После определения основных целей необходимо выбрать наиболее подходящие информационные и коммуникационные технологии для улучшения процесса обучения» [Лапина, эл. ресурс]. Другими словами, смешанное обучение предполагает тесное взаимодействие традиционного аудиторного обучения с опорой на электронное обучение, призванное с помощью цифровых технологий упростить учебный процесс, сделать его более качественным, доступным и разнообразным.

Итак, подводя итоги, можно сказать, что смешанное обучение строится на основе сочетания традиционного обучения (например, аудиторная лекция или семинар) и электронного обучения (например, онлайн-обучение). При этом в смешанном режиме обучения все обучающиеся последовательно сменяют виды деятельности, то есть меняют один режим обучения на другой, к примеру, после прослушивания лекционного материала в аудитории выполняют какие-то задания по теме онлайн или просматривают видео по теме.

Рассмотрим особенности гибридного обучения и его основные отличия от смешанного. При гибридном обучении граница между очными участниками учебного процесса и онлайн-участниками фактически стирается, то есть и те, и другие участники проходят обучение одновременно. Ряд исследователей под гибридным обучением подразумевают формат, при котором преподаватель находится в аудитории с частью студентов, а другая часть присоединяется к занятиям онлайн, в результате чего обеспечивается взаимодействие между очными и онлайн-участниками. Для преподавателя сложность гибридного обучения по сравнению со смешанным заключается в том, что в данном случае нужно работать сразу с двумя аудиториями, в то время как смешанное обучение позволяет переключаться между онлайн и офлайн форматами. То есть гибридное обучение предполагает сочетание нескольких форматов обучения. Как правило, при гибридном обучении преподаватель находится в аудитории и взаимодействует с частью студентов, которые находятся в том же учебном пространстве, и со студентами, которые находятся в режиме онлайн-подключения. Для такого взаимодействия необходима специально оборудованная аудитория, техническое оснащение, которое позволит реализовать подобный метод работы. В свою очередь, можно определить несколько форматов гибридного обучения, выделяемых на основе присутствия обучающихся, такие как контактный формат (очное общение с обучающимися); онлайн-формат (дистанционное взаимодействие с обучающимися, которые не смогли присутствовать очно); онлайн-формат в режиме слушателей (дистанционное подключение обучаемых других форм обучения для получения дополнительной информации).

Несмотря на то, что гибридная и смешанная формы обучения имеют много общих черт, имеется ряд отличий, на которые нужно обратить внимание. Ряд авторов сходятся во мнении по поводу того, что нельзя ставить знак

равенства между этими двумя формами обучения. «Термины «гибридное обучение» и «смешанное обучение» не являются синонимами, т.к. в гибридном обучении присутствует оптимальное сочетание образовательных технологий, а в смешанном – обязательное сочетание технологий традиционного и онлайн-обучения» [Нагаева, эл.ресурс].

Если сравнивать смешанное и гибридное обучение, то можно выделить несколько существенных отличий. Цифровые технологии при смешанном обучении широко используются, но при этом основной упор делается на традиционные методы обучения, а электронное обучение лишь дополняет традиционное, то есть доля цифровых элементов при обучении меньше, чем традиционных. В гибридной форме, наоборот, находит место более широкое применение электронного обучения, как правило, оно занимает большую долю в обучении по сравнению с традиционным. Отсюда и проведение занятий на основе гибридного обучения требует не просто классической аудитории, оснащенной компьютером, а специально оборудованной гибридной аудитории для создания цифровой образовательной среды. Методика работы при смешанном формате обучения предполагает лишь размещение дополнительных учебных материалов на онлайн-платформах для самостоятельного изучения студентами в свободное время, а при гибридном обучении преподаватель должен владеть специализированной методикой проведения занятия и постоянно совершенствовать свои знания в области применения цифровых технологий. Безусловно, и гибридное, и смешанное обучение требуют от преподавателей постоянного расширения своего мастерства в плане умения донести материал до обучающихся как при помощи традиционных методик, так и с помощью применения цифровых технологий, однако сложность гибридного обучения состоит в том, чтобы одновременно уметь работать сразу с двумя аудиториями, как очной, так и онлайн, а смешанное обучение дает возможность последовательного переключения между онлайн- и очным форматами.

В целом, и в смешанной, и в гибридной формах обучения можно выделить определенные преимущества. В смешанной форме к ним можно отнести более широкие возможности для личного контакта, наличия обратной связи, командной работы, то есть непосредственного контакта с аудиторией. В гибридной форме больше возможностей для независимости, самостоятельном погружении в тему, индивидуальном темпе обучения, в большей информационной грамотности. Однако несмотря на плюсы и минусы, использование смешанного и гибридного обучения на основе информационных технологий позволит расширить применение новых форм, методов и приемов в образовательном процессе, и, следовательно, повысить эффективность современного образования.

В настоящее время практически все высшие учебные заведения в России уже активно применяют информационные технологии для организации учебного процесса. Применение LMC как вида программного обеспечения и системы управления обучением характерно для всех вузов [Архивы LMC, эл. ресурс]. Смешанное обучение эффективно организовывать на основе

имеющегося в вузе указанного программного обеспечения, т.к. это позволяет не только организовать получение учебного материала в онлайн-формате, но и управлять процессом обучения и контролировать результаты такого обучения, а также получать обратную связь от обучающихся. LMS расшифровывается как Learning Management System, в переводе – система управления обучением. Основные задачи, которые решают LMS, перечислены в аббревиатуре: Learning – организация обучения; Management – управление обучением; System – объединение в систему [Шестак, эл. ресурс]. Причем каждый вуз, используя программное обеспечение, старается извлечь наибольший эффект от организации обучения, расширить возможности доступа для обучающихся к получению прежде всего учебной информации в свободном режиме, предоставить возможности создания интерактивного учебного контента. На примере двух платформ, применяемых в Алтайском государственном техническом университете им. И.И. Ползунова (АлтГТУ) и Алтайском государственном университете (АлтГУ), покажем, как вузы используют возможности LMC и организуют смешанное обучение.

Так, например, создание учебных курсов в LMC АлтГТУ возможно на основе шаблона РПД по соответствующей дисциплине, что очень удобно для преподавателя и исключает несоответствие содержания курса требованиям уже утверждённой и прошедшей верификацию РПД. Актуализация учебной литературы и доступ к учебникам из самого курса тоже очень эффективно позволяет использовать возможности библиотечной среды вуза и экономит время как для преподавателей, так и для студентов в поиске необходимой специальной литературы. Наличие на платформе открытых курсов и доступ к ним позволяют расширить возможности обучения студентов в смешанном формате, что прежде всего касается курсов, прошедших экспертизу. Лекционные занятия по таким курсам могут быть переведены в дистанционный формат, а практические занятия проводятся аудиторно. В свою очередь, дистанционное обучение позволяет студентам проходить курс в свободном графике, без привязки к учебной группе, что способствует выработке навыков организации своего времени обучающимися.

Причем в LMC АлтГТУ имеются как открытые, так и закрытые курсы, доступ к которым возможен только при присоединении учебной группы самим преподавателем, создававшим курс, что тоже может быть очень удобно для организации учебной работы с конкретным курсом и группой. Среди открытых курсов («курсов с открытой регистрацией») также существуют два вида: курсы «мгновенного доступа» и курсы, требующие подтверждения участия администратора («курсы с регистрацией»), что подтверждает гибкость в управлении обучением (в управлении контентом, аккаунтами, анализом усвоения материала и др.) [Открытые курсы LMC АлтГТУ, эл.ресурс].

В Алтайском государственном университете в системе Moodle также постоянно совершенствуется работа не только с учебными курсами, созданными на платформе (например, встраивание в курс материалов ЭБС «Юрайт»), но и предоставляются другие возможности электронного обучения.

Не так давно появились возможности автоматизировать процесс создания комплекса лекционных материалов на платформе с помощью Конструктора «AI управление лекциями» и возможность обучения программированию [Цифровой университет АлтГУ, эл. ресурс]. В вузе также имеются аудитории, оснащенные системой гибридного обучения АКТРУ [АКТРУ-образовательные технологии, эл.ресурс], в которых можно записывать лекции, в том числе вести занятия и записывать лекции в режиме видеоконференции, но, в отличие от смешанного обучения, гибридное обучение в вузе не применятся в полной мере. Лекции, записанные в таких аудиториях, выгружаются в LMC вуза и также могут использоваться для организации смешанного обучения. Что касается собственно смешанного обучения, то, например, в Юридическом институте его выбирают студенты очно-заочной формы обучения. В таком случае по заявлению студентов и на основании приказа директора ЮИ лекционные занятия переводятся в онлайн-формат (в расписании указывается – «дистанционно-асинхронно»), а практические занятия проводятся очно.

Следует также остановиться на правовом аспекте применения смешанного и гибридного обучения. Поскольку обе формы предполагают использование дистанционных образовательных технологий, то ясно, что использовать такие технологии могут все вузы согласно ст. 16 Закона об образовании [ФЗ от 29.12.2012]. А вот практическая реализация смешанного и гибридного обучения требует соблюдения тех условий, которые установлены законодательством, в частности, наличия в вузе условий для функционирования электронной информационно-образовательной среды, включающей в себя информационные технологии, технические средства, электронные информационные ресурсы, электронные образовательные ресурсы, которые содержат электронные учебно-методические материалы, а также включающей в себя государственные информационные системы (см. п.3 ст. 16 Закона об образовании).

Полагаем, что применение смешанного обучения в настоящее время для некоторых вузов и колледжей будет являться более доступным, чем применение гибридного, внедрение которого требует более широкого технического оснащения и высокого профессионализма преподавателей. Кроме того, следует учитывать уровень образования, направления подготовки, профессии, специальности, по которым происходит обучение. Так, например, при реализации образовательных программ среднего профессионального образования применение электронного обучения в смешанном формате, на наш взгляд, должно быть сведено к минимуму, с точки зрения отсутствия у студентов навыков самостоятельной организации учебного времени, либо должно быть организовано несколько иначе (например, с более пристальным контролем со стороны преподавателя) по отношению к студентам, осваивающим образовательные программы высшего образования.

В системе высшего и среднего профессионального образования не так давно произошли некоторые изменения, затрагивающие вопросы применения дистанционных технологий. Так, в феврале текущего года были внесены

изменения в ст. 82 Закона об образовании, определяющую особенности подготовки медиков и фармацевтов в части установления запрета по применению дистанционного или электронного формата обучения студентов-медиков и фармацевтов как в вузах, так и в колледжах, в том числе при получении дополнительного профессионального образования (переподготовка и повышение квалификации). Таким образом, вместо внедрения смешанного или гибридного обучения медицинским вузам придется расширять клиническую базу (структурные подразделения образовательных и научных организаций в медицинских организациях), что, несомненно, также потребует больших затрат. Такие нововведения направлены, с одной стороны, на улучшение подготовки медицинских работников и, с другой стороны, на предотвращение, недопущение ухудшения качества оказываемой медицинской помощи. Полагаем, что способы и объемы применения дистанционного обучения и практической подготовки по отдельным медицинским и фармацевтическим специальностям будут еще уточняться Минздравом России.

Таким образом, рассматривая некоторые аспекты применения смешанного и гибридного обучения в России в высших учебных заведениях и колледжах (этот аспект был затронут, т.к. некоторые колледжи функционируют при вузах и используют их программное обеспечение), приходим к выводу, что в настоящее время широкое применение в сфере подготовки специалистов разных профилей получила организация смешанного обучения, однако нельзя однозначно сказать, какая форма обучения более развита, т.к. применение той или иной формы зависит от конкретных условий и целей образовательного процесса, а также от технических, материальных и иных возможностей самого учебного заведения. Несомненно, что дальнейшее развитие и применение как смешанной, так и гибридной форм обучения в сфере образования является необратимым.

Литература:

Андреева, Н.В. Шаг школы в смешанное обучение [Электронный ресурс] / Н.В. Андреева, Л.В. Рождественская, Б.Б. Ярмахов. – Москва, 2016. – Режим доступа: https://ags29.narod.ru/pages/obrazovanie/proekt/shag_shkoly.pdf

АКТРУ – образовательные технологии АКТРУ [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://pro-integration.ru/prointegration-awards/proekty-2024/aktru/

Архивы LMC – Moodle.su. Все об электронном образовании [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://moodle.su/lms/

Лапина, И.В. Смешанное и гибридное обучение: отличительные признаки реализации в вузе. / И.В. Лапина, О.В. Воронушкина [Электронный ресурс] // Мир науки, культуры, образования. – 2024. – №4. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/smeshannoe-i-gibridnoe-obuchenie-otlichitelnye-priznaki-realizatsii-v-vuze

Нагаева, И.А. Гибридное обучение как потенциал современного образовательного процесса [Электронный ресурс] / И.А. Нагаева // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2022. – №3. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/gibridnoe-obuchenie-kak-potentsial-sovremennogo-obrazovatelnogo-protsessa

Открытые курсы LMC АлтГТУ [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://portal.altstu.ru/nodexx/w96/r/astu/lms/public-kurs?session=5063851353025

Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 28.02.2025) Об образовании в Российской Федерации (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2025) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://sudact.ru/

Цифровой университет АлтГУ [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://edu.asu.ru/

Шестак, К. Знакомимся с LMC и как выбирать платформу для своей компании [Электронный ресурс] / К. Шестак– Режим доступа: https://skillbox.ru/media/management /znakomimsya-s-lms-chto-oni-umeyut-i-kak-vybrat-platformu-dlya-svoey-kompanii/#stk-1

Хусаинов Б.М.,
Казахстанский университет инновационных
и телекоммуникационных систем
Кусаинов Х.Х.
Актюбинский региональный университет им. К. Жубанова

ИННОВАЦИОННАЯ AGILE ТЕХНОЛОГИЯ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Ключевые слова: инновации, технология, матрица, исполнители, критерии, оценка.

Keywords: innovation, technology, matrix, performers, criteria, evaluation.

В современном мире инновационные технологии в высшей школе направлены на максимальное обеспечение полноценного развития личности студента, что в конечном итоге приводит к повышению качества образования в Республике Казахстан.

В современной научной разработке наибольшей популярностью пользуется целое семейство технологий Agile, с английского языка слово переводится как «гибкий» и «проворный».

В течение 1990-х годов ряд легких методов разработки программного обеспечения развивался в ответ на преобладающие тяжелые методы, которые критики называли чрезмерно регулируемыми.

На сегодняшний день к Agile технологии относятся следующие методы: начиная с 1991 года, идет быстрая разработка приложений RAD, с 1996 года прорывная технология Crystal Clear и экстремальное программирование XP, а также с 1997 года распространяется функционально-ориентированная разработка программ.

В феврале 2001 года в штате Юта в США был выпущен «Манифест Agile разработки программного обеспечения», который был одобрен и подписан представителями методологий: экстремального программирования XP, способа Crystal Clear, разработки DSDM, технологии Feature driven development, приложения Adaptive software development и высокотехнологичного метода Pragmatic Programming. Гибкая технология разработки использовалась многими компаниями и до принятия манифеста, однако вхождение Agile-разработки в массы произошло именно после этого события [Мартин 2021: 305].

В связи с этим, в глобальном быстроизменяющемся мире правительствами и общественностью уделяется большое внимание актуальным вопросам, связанным с применением в образовательном процессе высших учебных заведений инновационных проектных технологий. При этом в Государственной программе развития образования Республики Казахстан указано, что целью образовательных реформ является адаптация системы образования к новой социально-экономической среде, что образование необходимо понимать как экономические инвестиции, а не просто как затраты на социальные нужды.

Объективный опыт образовательной деятельности в развитых странах мира, таких как Финляндия, Сингапур и Великобритания, наглядно демонстрирует, что финансовые инвестиции в человеческий капитал путем применения инновационных проектных технологий обучения крайне необходимы правительствам для создания технически прогрессивной и производительной рабочей силы, которая может адаптироваться в быстроизменяющемся мире [Highsmith 2022: 278].

Так, на кафедре «Экологии и безопасности жизнедеятельности» Казахстанского университета инновационных и телекоммуникационных систем накоплен многолетний опыт организации и проведения деловых игр по различным инновационным методам. Хотелось бы отметить, что инновационная Agile технология в развитии современного гуманитарного научного знания была применена в 2020-2024 гг. на практических занятиях по дисциплине «Экологический менеджмент» со студентами специальности «Экология».

При этом во время организации и проведения на практических занятиях Agile технологии все студенты в академических группах были разделены на равные по успеваемости и оценочному рейтингу игровые команды по 5-6 человек в каждой. Поэтому креативные команды студентов, максимально слаженно работали в течение 15 учебных недель над своими проектами на тему: «Создание инноваций на предприятии по переработке мусора».

По авторитетному мнению отечественных и зарубежных ученых, проектное обучение реализуется в форме свободно избираемой, индивидуальной или групповой деятельности, выполняющей функцию профессиональной пробы изученного теоретического и практического материала, студенты выполняют проектную работу с соблюдением определенных требований и в конечном итоге, обязательной защитой проекта [Исимбаев 2023: 12].

Установлено, что в университетской среде для повышения качества образовательных услуг необходимо хорошее знание матрицы участия исполнителей в Agile технологии с целью организации проектных работ с указанием этапов, сроков, видов работ и ответственных за результат. Так, например, на информационный этап проектом выделяются первые две недели учебы, при этом студенты выполняют следующие виды работ: планирование действий, изучение учебной, научной и методической литературы, электронных

источников. В этот период назначаются люди, ответственные за выполнение необходимых работ, которыми являются собственно руководитель проекта, Agile мастер и команда студентов.

Далее на теоретический этап выделяются третья и четвертая недели учебы, при этом студенты выполняют следующие виды работ: мониторинг и сбор статистических баз данных по Agile технологии. При этом собственно сами команды студентов полностью назначаются быть людьми, ответственными за добросовестное личное выполнение запланированных работ.

После этого на конструктивный этап выделяются пятая и шестая недели учебы, при этом студенты выполняют следующие виды работ: проверка литературной информации и статистических баз данных. Во время данного этапа обязательно назначаются ответственные, которые внимательно следят за выполнением работ, ими являются Agile мастер и команда студентов.

На аналитический этап выделяются недели с 7 по 9, при этом студенты выполняют следующие виды работ: использование экономических расчетов производственных ресурсов. Это очень сложный промежуток времени, поэтому назначается собственно команда студентов быть самим ответственными за выполнение текущих работ.

На синтетический этап выделяются недели с 10 по 12, при этом студенты выполняют следующие виды работ: консолидация информации, данных и ресурсов, выводы и предложения. Синтез требует высокой интеллектуальной нагрузки от участников деловой игры, поэтому ответственными за выполнение являются Agile мастер и команда студентов.

Преимущественно на рефлексивный этап выделяются недели 13-15, при этом студенты выполняют следующие виды работ: подведение итогов и организация публичной защиты проектов.

Стадия завершения деловой игры – это высокомобильный этап, в связи с этим ответственными за выполнение являются руководитель проекта, Agile мастер и команда студентов.

Установлено, что аналитический и синтетический этапы проектных работ требуют от студенческих команд тщательного мониторинга, слаженных действий и большего количества ценного учебного времени, поэтому необходимо выделение не 3 недель, как обычно, а дополнительно предоставить по 1 неделе каждому из них, с целью повышения качества образовательных услуг.

Качество подготовки и принятия эффективных управленческих решений зависит от коммуникативных способностей человека, которые проявляются в коллективном общении – это умение правильно слушать, понимать людей, оказывать на них влияние, устанавливать с ними хорошие личные и деловые отношения [Мурзалинова 2021: 9].

Поэтому, оценивая знания и компетенции студентов для эффективного повышения качества образовательных услуг, необходимо определить важные

критерии оценки исполнителей инновационного проекта, что будет способствовать обоснованному выводу из результатов деловой игры.

В связи с этим, межличностные компетенции студентов обучающихся по традиционной или базовой технологии отмечены в числителе, а студентов обучающихся по Agile технологии указаны в знаменателе и рассчитаны по следующим критериям оценки:

A. Критическое осмысление игровой ситуации и научно-обоснованная самокритика каждого участника, при этом параметры оценки составили соответственно 1/3 балла.

B. Навыки групповой работы каждого студента независимо от его роли внутри команды инновационного проекта, при этом параметры оценки составили соответственно 1/2 балла.

C. Умение каждого студента выражать свои собственные чувства к проекту и соответствующие производственные отношения, при этом параметры оценки составили соответственно 1/1 балла.

Инструментальные компетенции студентов обучающихся по базовой технологии в числителе и по Agile технологии в знаменателе рассчитаны по следующим критериям оценки:

D. Методологические способности студентов в правильном принятии управленческих и производственных решений, при этом параметры оценки составили соответственно 2/2 балла.

E. Технологические умения каждого участника деловой игры по управлению текущей информацией, при этом параметры оценки составили соответственно 1/1 балла.

F. Когнитивные способности студентов рационально использовать собственные инновационные идеи в будущей работе, при этом параметры оценки составили соответственно 1/3 балла.

Системные компетенции студентов, обучающихся по базовой технологии в числителе и по Agile технологии в знаменателе рассчитаны по следующим критериям оценки:

K. Способность каждого участника инновационного проекта планировать и, по возможности, конструировать новое, при этом параметры оценки составили соответственно 1/1 балла.

L. Оценивать соответствующее место каждого отдельного компонента в сложной системе производства, при этом параметры оценки составили соответственно 1/3 балла.

M. Самостоятельное сочетание студентами всех аспектов понимания проблемы, отношения к проекту и научного знания, при этом параметры оценки составили соответственно 2/2 балла.

В конечном итоге, общие суммарные параметры оценки проекта рассматриваются, как сумма баллов студентов обучающихся по базовой технологии в числителе, по Agile технологии в знаменателе и составили соответственно 11/18 баллов.

Таким образом, достигнуто существенное превышение на 7 баллов компетенций студентов обучающихся по Agile технологии по сравнению со студентами базовой технологии. В конечном итоге, студенты, обучающиеся по методу Agile технологии, во время проведения деловой игры показали максимально возможный результат – 18 баллов, что полностью отображает высокий уровень подготовки будущих специалистов и получения различных компетенций. И, наоборот, студенты, получающие знания по традиционной системе с использованием базовой технологии набрали всего лишь 11 баллов, были менее мобильны в своих действиях на практических занятиях, в связи с этим коммуникации между студентами налажены были хуже в командной работе.

В заключение хотелось бы отметить, что актуальные аспекты повышения качества образовательных услуг с помощью инновационной Agile технологии в развитии современного гуманитарного научного знания позволяют в значительной степени совершенствовать компетентную подготовку будущих специалистов высшей квалификации.

Литература:

Исимбаев, Е.Т. Обновление содержания образования как необходимый элемент достижения качества образовательного процесса // Менеджмент в образовании. – 2023. – №1. – С. 11-13

Мурзалинова, А.Ж. Функциональное сотрудничество в педагогическом сообществе: управленческий аспект // Менеджмент в образовании. – 2021. – №1. – С. 8-10

Мартин, Р.С. Быстрая разработка программ. Принципы, примеры, практика / Р.С. Мартин, Д.В. Ньюкирк, Р.С. Косс. / Agile software development. Principles, Patterns, and Practices. – Вильямс, 2014. – 752 с.

Highsmith, James A. Agile Software Development Ecosystems [Text] / J.A. Highsmith. – Addison-Wesley Professional, 2022. – 358 p.

Рыгалова М.В.
Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова

ОБ ОПЫТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ» СТУДЕНТАМ ТЕХНИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ

Ключевые слова: Основы российской государственности, Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, опыт преподавания, социогуманитарные дисциплины, технические направления подготовки, гражданская идентичность.

Keywords: Fundamentals of Russian statehood, Polzunov Altai State Technical University, teaching experience, social and humanitarian disciplines, technical areas of training, civil identity.

Курс «Основы российской государственности» был введен в российские вузы в качестве обязательной учебной дисциплины и преподается на первом курсе, в первом семестре. Введение новой дисциплины осуществлено на основании Указа Президента Российской Федерации № 809 от 9 ноября 2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно нравственных ценностей» [О направлении…, эл. ресурс].

Поскольку дисциплина преподается совсем недавно, оценивать перспективы достижения целей в крупных масштабах пока рано, но целесообразно обобщить приобретенный опыт преподавания для дальнейшего совершенствования курса.

Целью курса «Основы российской государственности» является формирование у студентов системы знаний, навыков и компетенций, связанных с осознанием своей принадлежности к российской истории, обществу, а также ценностей, норм, в том числе патриотизма, гражданственности, духовно-нравственных основ личности [Основы… 2023].

Как можно увидеть в опубликованных работах по опыту реализации дисциплины и отдельных его тематических блоков с начала введения курса (с сентября 2023 г.) в качестве основной причины называется сложившаяся международная ситуация, обострение отношений с Западом, необходимость России подчеркнуть свою самобытность, отличительность от Запада. Подчеркивается, что в условиях вызовов, с которыми столкнулась наша страна, важно сохранять национальную идентичность и культурное многообразие российского общества.

Однако это можно считать скорее весомым поводом. А необходимость введения дисциплины с подобным содержанием вполне оправдана и целесообразна в связи с тем, что после распада СССР рухнула складывающаяся десятилетиями идеология. Можно согласиться с мнением А. Ф. Никитина, что «российское образование значительно опоздало с введением данного курса, призванного заполнить не только пробелы в студенческих знаниях, но и сформировавшийся в последние десятилетия в системе образования своеобразный идейный и духовный вакуум» [Никитин 2023: 17].

В ситуации, когда информация безгранична, не фильтруется и не контролируется, воспринимается часто без какой-либо критики в связи с еще не до конца сформированным сознанием личности в подростковом, юношеском возрасте, важно уделять внимание воспитанию чувства идентичности, учиться понимать ценности российского общества, видеть их в контексте истории и в современной жизни. Прежде всего это касается, конечно, молодого поколения, которое больше других подвержено информационному влиянию и рискам, с ним связанным.

Как отмечают исследователи, по данным опросов, в сознании молодых россиян духовно-нравственная основа является неустойчивой, на первый план выходят материальные потребности, выраженные в финансах и карьерном росте, во вторую очередь – интересы общества, государства. А. А. Вилкова

обосновывает необходимость формирования образа российского государства среди молодежной аудитории 18–26 лет в связи с тем, что эта часть общества более подвержена формированию поверхностных или искаженных представлений о действительности, в том числе через СМИ, широкий доступ информации в сети Интернет. У молодежи низкое проявление гражданской активности в силу отсутствия понимания значения такого участия и возможностей влияния на общественную и политическую жизнь [Вилкова 2024]. Часто молодые люди черпают информацию из открытых источников, с разных сайтов, полностью доверяя ей, не мыслят критически. Им нравится «красивая жизнь», которую транслируют блогеры в социальных сетях, часто основанная совсем не на традиционных российских ценностях. По данным ВЦИОМ, 43 % респондентов в возрасте 18-24 лет не считают важным сохранение в стране традиционных моральных, национальных и религиозных ценностей [Результаты…, эл. ресурс]. Если не предпринимать соответствующие меры, эта цифра будет только расти. В этой связи необходимо уделять внимание формированию активной гражданской позиции, осознанию своей принадлежности к гражданскому обществу, формировать традиционные российские ценности, транслировать важность их понимания и проявления [Борзова 2024].

Дисциплина «Основы российской государственности» способствует формированию у студентов чувства причастности к истории и культуре своей страны, гордость за ее достижения, стремление приумножать ее богатство и могущество, а также развивать у студентов активную гражданскую позицию. Это осуществляется поступательно, через отдельные разделы и темы, которые связаны между собой.

Учебная дисциплина предусматривает несколько блоков, охватывающих различные социогуманитарные дисциплины: изучение особенностей административно-территориального положения России, российского государства как цивилизации, возникновение государственности, его культурное и историческое многообразие, традиционные ценности, а также вызовы, с которыми сталкивается страна.

Исходя из целей дисциплины, преподаватели отмечают, что основные задачи ее лежат в сфере воспитания студентов, формирования у них четких мировоззренческих установок и традиционных ценностей, чувства гражданственности [Лебедев 2024, Борзова 2023]. В. В. Зубов отмечает, что введение курса обусловлено духовно-нравственными предпосылками более, чем просветительскими [Зубов 2024: 92]. Курс, прежде всего, направлен на формирование самосознания гражданина страны [Волков 2024: 62]. Однако В. Ф. Стенина отмечает, что процесс образования и воспитания, когда это касается гуманитарных дисциплин, тесно переплетается [Стенина 2024: 60].

Поскольку «Основы российской государственности» является дисциплиной межпредметной, при ее изучении с разных сторон рассматриваются те или иные явления, события в комплексе – с точки зрения географии, истории, экономики, философии, политологии. Таким образом у

студентов формируется целостное, системное представление о развитии российского государства. А параллельно с образовательными процессами происходит просвещение и воспитание.

Однако преподавание дисциплины осложняется тем, что до сих пор многие студенты технических направлений подготовки воспринимают социально-гуманитарные дисциплины как ненужную нагрузку, которая не будет полезна им в будущей профессиональной деятельности [Борзова 2024: 43]. Вместе с тем, гуманитарная подготовка позволяет личности развиваться, совершенствовать качества интеллекта, формировать духовно-нравственные основания личности, к чему в том числе призвана дисциплина «Основы российской государственности. При изучении дисциплины студентами Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова не было встречено критических высказываний студентов по поводу ненужности дисциплины, хотя отдельные студенты прямо задавали вопрос о необходимости курса. После более подробного разъяснения целей и задач дисциплины, а также уже в ходе ее изучения, по мере роста интереса к материалу, такие вопросы не возникали.

Когда курс вводился в систему образования, предполагалось, что учебные заведения получат возможность адаптации методических рекомендаций Министерства науки и высшего образования [Зубов 2024: 92]. Эти же идеи транслируют кураторы и преподаватели курсов в рамках повышений квалификации, семинаров, круглых столов. Таким образом, в зависимости от направлений подготовки (гуманитарные, естественнонаучные, технические) преподаватели могут регулировать уровень сложности при подаче информации, степень подробности отдельных тем, учитывать специфику направлений (например, для технических направлений подготовки в теме «Герои России» нами более подробно рассматривались примеры героев, внесших значительный вклад в развитие технической мысли, науку и практику в сфере технологий).

Распространенной практикой многих преподавателей являются опросы студентов по итогам изучения дисциплины «Основы российской государственности» для понимания отношения к ее введения студентами, а также с целью совершенствования ее преподавания, повышения заинтересованности студентов в познании материала [Зарубина 2024, Лукушин 2024, Галимуллина 2024, Иерусалимский 2024, Лебедев 2025].

Нами также был проведен опрос студентов после изучения курса, в декабре 2024 г. В опросе приняли участие студенты Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова, в количестве 175 человек двух факультетов: информационных технологий и энергомашиностроения. Студентам было предложено оценить содержание дисциплины, выразить свое отношение к курсу, высказать предложения по совершенствованию дисциплины.

На вопрос «Имели ли Вы представление о содержании дисциплины?» 42,3 % ответили «Да, но приблизительно», 27,4 % «Да, вполне», 15,4 % – «Приблизительно», 14,9 % – «Нет, ничего не знал». Таким образом, более

половины студентов имели полное или частичное представление о той дисциплине, которую им предстояло изучать. Многие связывают «Основы российской государственности» со школьными «Разговорами о важном», подчеркивают некоторую их преемственность, углубление некоторых тем в рамках курса ВУЗа.

Более 80 % студентов оценили полезность теоретического материала, который выдавался в ходе изучения курса, примерно такое же количество признали важным дополнение к лекциям видеоматериалов с сайта всероссийского общества «Знание», которые рекомендованы для освоения курса.

На вопрос о том, какие формы занятий предпочтительны для освоения курса, большинство студентов – 37,7 % ответили, что их привлекает работа в микрогруппах, 20,6 % – семинары и дискуссии, 16 % студентов предпочли индивидуальную работу, в том числе творческую (эссе, презентации, доклады), 25,7 % студентов отметили, что важны и интересны все формы работы.

Здесь стоит отметить, что в статье Ю. Ю. Иерусалимского и А. В. Поповой отмечается формат микрогрупп, как наиболее эффективный, в том числе по причине того, что студенты мало знакомы друг с другом, в рабочем процессе у них есть возможность лучше узнать другу друга [Иерусалимский 2024]. Студенты Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова также отметили эту причину. Среди других причин предпочтения микрогрупп они назвали возможность распределения объема материала при подготовке и обмен мнениями, идеями относительно дискуссионных тем и вопросов.

На занятиях со студентами нами применялись как традиционные формы работы (семинары, подготовка докладов, презентаций), так и интерактивные методы (пресс-конференция в рамках изучения темы «Герои России», деловая игра при изучении структуры органов власти и их функций, форсайт-сессия при анализе вызовов и угроз, с которыми сталкивается Россия).

При изучении разделов дисциплины кроме исторического контекста мы рассматривали факты, события, явления на конкретных примерах, в том числе современных. Тема, посвященная традиционным ценностям, рассматривалась на примерах литературных произведений, а также на примерах, которые каждый может встретить в современном обществе. По такой же схеме рассматривалась тема, посвященная ценностным константам. Важность обращения к современным примерам отмечается Ю. Ю. Иерусалимским и А. В. Поповой [Иерусалимский 2024]. В ходе занятий студенты отмечали, что поиск примеров в современных реалиях дает большее понимания того, как можно применять изучаемый материал.

Отдельные темы требовали от студентов погружения в историю своей семьи. Например, при изучении темы «Испытания и победы России» и «Герои страны, герои народа» и традиционных ценностей, студентам необходимо было обратиться к истории своей семьи (составить родословную, герб семьи, а также познакомиться с семейными легендами и традициями). Кроме того, отдельно

рассматривались вопросы семьи в контексте истории (влияние исторических событий, испытаний на семью, отдельных ее членов). Здесь чаще всего студенты рассказывали об участниках Великой Отечественной войны. Однако можно было услышать и другие истории: о раскулачивании, репрессировании, переходном этапе после распада СССР, дефолте 1998 г. и проч.

На открытый вопрос «Что в курсе было самым ценным и полезным?» студенты чаще всего отмечали возможность дискуссий и высказывание своего мнения, возможность публичных выступлений и получение опыта в этом, работу в микрогруппах, различные формы работы на практических занятиях, комплексный подход к истории России, а также изучение тем с привлечением материала по истории Алтайского края. Стоит отметить, что на практических занятиях мы стремились к тому, чтобы студенты не просто транслировали материал, но и обосновывали факты, исходя из контекстных знаний и знаний, получаемых в ходе освоения курса, а также высказывали свою точку зрения, обязательно аргументируя ее.

Также среди прочих ответов на вопрос о ценности и полезности курса студенты назвали: «Изучение ценностных констант», «Изучение цивилизационного подхода», «Изучение духовных ценностей», «Знакомство с органами региональной власти», «Знания об устройстве политики РФ», «Интересный опыт дискуссий на практических занятиях», «Обсуждение актуальных тем и проблем», «Задания, связанные с семьей».

На вопрос «Как вы относитесь к введению курса «Основы российской государственности» в программы ВУЗов?» 42,3 % студентов ответили «Скорее положительно», 31,4 % «Положительно», 18,3 % – «Скорее отрицательно», 8 % – «Отрицательно». Таким образом, видим, что почти 74 % к введению курса относятся позитивно, однако почти четверть выразили негативное отношение. Однако в течение семестра при изучении курса студентов, явно настроенных против изучения дисциплины или отдельных тем, не было. И такой высокий процент скорее является закономерным ответом на введение еще одной гуманитарной дисциплины студентам-инженерам, которые не всегда понимают системность в получении высшего образования, пользу гуманитарного цикла, особенно на первом курсе.

Обобщив небольшой опыт преподавания дисциплины «Основы российской государственности» (в 2024 г.) студентам технических направлений подготовки, можем сделать следующие выводы:

- студенты Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова положительно отнеслись к введению дисциплины в учебные планы и активно работали на занятиях (80 % студентов оценили свой вклад в освоение дисциплины как «Усердно» и «Очень усердно»), этот процент вполне подтверждается положительными результатами по итогам изучения курса: дифференцированный зачет с оценками «хорошо» и «отлично» получили более 80 % студентов).

- студенты в целом отметили пользу от изучаемого курса, многие темы и вопросы вызвали интерес. Например, подробное изучение органов власти, в

том числе региональных; национальные проекты и государственные программы, реализуемые в России и в Алтайском крае; традиционные ценности и их отражение в современном обществе. Пожалуй, наибольшую заинтересованность и творческий подход студенты проявили при подготовке заданий, связанных с историей семьи (родословная и герб семьи). Примерно половина студентов отметили, что ранее они не интересовались родословной (дальше бабушек и дедушек информацию не знали) и задание побудило в них интерес к тому, чтобы подробнее узнать о своих корнях. Практически все студенты бережно и красиво оформили родословное древо и красочный герб. Это подчеркивает важность для них семьи как ценности.

- студентов привлекают разные методы работы на практических занятиях. Однако изначальный уровень их подготовленности (школьные знания, начитанность, широта кругозора, наличие или отсутствие критического мышления) и подготовка к конкретной теме существенно влияют на проведения занятия вне зависимости от методов работы преподавателя. Например, большинство групп положительно оценили метод пресс-конференции, уделили большое внимание подготовке и интересной, часто творческой презентации материала. Однако в группах, где студенты с обобщенным рейтингом ниже среднего, к этому заданию они подготовились неудовлетворительно, что говорит об их незаинтересованности.

- преподавание курса нуждается в постоянном совершенствовании, в том числе с опорой на мнение студентов относительно того, что им было полезно и что было/могло быть интересно, но, конечно, без отхода от основной цели и задач курса, которые поставлены перед преподавателями, его читающими.

Литература:

Борзова, Т. А. Дисциплина «Основы российской государственности» как базовый воспитательный потенциал образовательного процесса современной высшей школы [Текст] / Т. А. Борзова // Мир науки, культуры, образования. – 2024. – № 3. – С. 42-45.

Борзова, Т. А. Возвращение к истокам: о подходах к преподаванию курса «Основы российской государственности» [Текст] / Т. А. Борзова // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 4. – С. 138-142.

Вилкова, А. А. Теоретико-методологические основания изучения процесса восприятия студенческой молодежью мировоззренческих курсов вузов (на примере курса «Основы российской государственности») [Текст] / А. А. Вилкова // Общество: политика, экономика, право. – 2024. – № 3. – С. 87-93.

Волков, В. В. О некоторых аспектах изучения темы «Россия: испытания и герои» в рамках дисциплины «Основы российской государственности» [Текст] / В. В. Волков, М. В. Марьева // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2024. – Том 16. – № 2. – С. 60-68.

Галимуллина, Н. М. Внедрение дисциплины «Основы российской государственности» в образовательный процесс высший школы: восприятие обучающимися и методика преподавания [Текст] / Н. М. Галимуллина, О. А. Вагаева // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2024. – № 4. – С. 235-250.

Зарубина, Е. В. Основы российской государственности как учебная дисциплина [Текст] / Е. В. Зарубина, Л. А. Журавлева, М. М. Симачкова, Л. М. Стахеева, И. П. Чупина // Образование и право. – 2024. – № 10. – С. 370-375.

Зубов, В. В. Идейные основы преподавания курса «основы российской государственности» в высших учебных заведениях [Текст] / В. В. Зубов // Власть. – 2024. – № 6. – С.90-95.

Иерусалимский, Ю. Ю. Значение традиционных ценностей в преподавании курса «Основы российской государственности» [Текст] / Ю. Ю. Иерусалимский, А. В. Попова // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. – 2024. – № 1. – С. 35-46.

Лебедев, С. В. «Основы Российской государственности»: итоги первого опыта преподавания будущим художникам традиционных художественных промыслов [Текст] / С. В. Лебедев // Традиционное прикладное искусство и образование. – 2025. – № 1. – С. 184-194.

Лебедев, С. В. Специфика преподавания основ российской государственности будущим художникам традиционных российских промыслов [Текст] / С. В. Лебедев // Традиционное прикладное искусство и образование. – 2024. – № 1. – С. 101-108.

Лукушин, В. А. Лучшие практики реализации курса «Основы российской государственности» (по материалам веб-сайтов университетов) [Текст] / В. А. Лукушин, А. Н. Асафов // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2024. – № 14 (6). – С. 30-38.

Никитин, А. Ф. Курс «Основы российской государственности» в высшей школе: проблемы и перспективы [Текст] / А. Ф. Никитин // Педагогический дизайн в образовании. Периодический сборник научных и методических материалов студентов, магистрантов и преподавателей. – Москва: МГПУ, 2023. – С. 16-23.

О направлении проекта концепции модуля 21.04.2023 г. № МН 11/1516-ПК: // Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fgosvo.ru/uploadfiles/method/Ps_MON_MN_11_1516_PK_21042023.pdf.

Основы российской государственности: практические рекомендации [Текст] / авт.-сост. В. М. Марасанова. – Ярославль: ОМЦ ЯрГУ им. Г. П. Демидова, 2023. – 40 с.

Результаты опроса ВЦИОМ россиян о жизненных целях ориентирах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-sovremennye-celi.

Стенина, В. Ф. Курс «Основы российской государственности» как пространство формирования мировоззренческой идентичности студентов ВУЗа [Текст] / В. Ф. Стенина // Основные проблемы и направления воспитательной работы в современном вузе. Материалы докладов VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием по воспитательной работе. – Барнаул: Издательство: Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, 2024. – С. 60-62.

G.V. Gikal
Altai State Technical University named after I.I. Polzunov

YOUTH IN THE POLITICAL PROCESS

Ключевые слова: молодежь, политическая социализация, политическое участие, политическая мобилизация, социально-политическая активность, инновационный потенциал.

Keywords: youth, political socialization, political participation, political mobilization, socio-political activity, innovative potential.

Youth represents a distinct socio-demographic group characterized by a high level of social mobility, adaptability, and innovative potential. The specific features of youth identity – marked by limited life experience, underdeveloped political attitudes, and evolving worldview orientations – make this group vulnerable to the influence of radical and extremist ideologies. An analysis of political processes over the past decade confirms that the political stability and competitiveness of a state directly depend on the effectiveness of youth policy implementation and the mechanisms of political socialization. Political regimes that are capable of creating favorable institutional conditions for youth self-realization, active participation in decision-making processes, and the formation of a talent pool gain significant strategic advantages in the international system.

Student and other segments of youth participate in both institutionalized and non-institutional forms of political engagement, including involvement in youth organizations, socio-political movements, direct action initiatives, as well as in political parties and electoral campaigns.

Digital media platforms – such as social networks, video hosting services, and instant messaging applications – serve as both arenas for political discourse and instruments of ideological influence. On one hand, they provide youth with unprecedented opportunities for self-expression, horizontal communication, and participation in decentralized civic initiatives that transcend traditional institutional boundaries. On the other hand, the fragmented and algorithmically curated nature of digital content fosters echo chambers, reinforces cognitive biases, and amplifies polarizing narratives that may hinder the development of balanced political judgments. Moreover, the anonymity and virality inherent in online interactions can contribute to the spread of misinformation, political trolling, and manipulative campaigning. In this context, digital platforms simultaneously function as catalysts for civic empowerment and as vectors of democratic erosion. Therefore, any effective and future-oriented youth policy must incorporate a comprehensive understanding of the digital communication environment. This includes the promotion of media literacy, critical digital skills, and responsible online behavior as core elements of political education. Furthermore, the state and civil society institutions should

collaborate to establish transparent, youth-friendly digital platforms that enable constructive dialogue, fact-based deliberation, and inclusive participation in governance processes.

A significant portion of youth remains politically passive, exhibiting signs of political apathy and alienation, which makes them susceptible to external political influence. In the context of a low level of political socialization and insufficient political awareness, such youth become targets of manipulative strategies employed by political actors seeking to shape public opinion or mobilize electoral support. This highlights the need to develop effective mechanisms of political education aimed at fostering a stable civic identity, cultivating critical political thinking, and encouraging political engagement among the younger generation.

In contemporary political discourse, youth is increasingly asserting its role as a significant actor in the political process. It functions not only as an object of state youth policy, but also as an autonomous subject of political activity, possessing potential power resources. This resource is manifested both in electoral support for political leaders and institutions of power, and in the ability to mobilize within the framework of protest and civic initiatives [Holland 2015: 21].

The particular interest of political elites and opinion leaders in youth is driven by its dual status: on the one hand, it serves as an important channel for reproducing the legitimacy of power; on the other, it acts as a source of social transformation and political innovation. In this context, youth is regarded as a bearer of social capital and political modernization, capable of shaping new formats of interaction between the state and society.

Empirical data and diagnostic observations indicate that students and young citizens do not form a unified politically active community but instead split into a number of socio-political subgroups, differing both in the degree of their involvement in political life and in the substantive content of their participation.

Firstly, a small but conceptually significant group of young citizens stands out, characterized by stable political views and an internally formed ideological position. They represent a potential talent pool for the formation of a professional political elite capable of performing managerial and representative functions in the future.

Secondly, the majority of youth consists of a conditionally apolitical or indifferent group, whose political participation is situational and reactive. These young people can be electorally mobilized only if certain political actors appeal to their life interests, value orientations, or socio-economic expectations. Their engagement in the political process requires targeted political communication tools and the use of emotional or value resonance techniques.

Given this differentiation, the need for the development and implementation of political technologies tailored to the segmentation of the youth audience becomes evident. On the one hand, universal mechanisms of political inclusion are relevant, aimed at increasing the overall level of political culture, fostering basic legal literacy, and developing civic responsibility [Михайленко 2025: 273]. On the other hand, it is necessary to introduce targeted political marketing and electoral management

technologies, focused on the specific characteristics of distinct youth subgroups, their media consumption, identity orientations, and socio-cultural codes.

In conclusion, within the framework of accelerating digitalization of political communication and the concurrent rise in socio-political risks, the youth demographic increasingly finds itself exposed to destructive ideological trends, information manipulation, and political marginalization. This vulnerability highlights the urgent necessity of designing and institutionalizing comprehensive, adaptive, and sustainable mechanisms of political inclusion. Such mechanisms must not only provide formal avenues for youth participation but also foster an environment conducive to the cultivation of political literacy, critical thinking, and civic responsibility. The creation of inclusive platforms for dialogue between young citizens and state institutions should be accompanied by educational and social initiatives that promote informed political engagement and protect against ideological radicalization. It is essential to move beyond the simplistic assessment of youth engagement through quantitative metrics – such as event attendance or the number of youth organizations supported by the state – and adopt a more nuanced, qualitative approach. The development of leadership potential, political agency, and strategic thinking among youth should be considered key indicators of the long-term success of state youth policy. Moreover, the state must recognize the dual role of youth as both beneficiaries and co-creators of public policy. Their innovative thinking, adaptability, and responsiveness to global trends position them as a vital driving force in shaping modern governance models. Besides, investing in youth should not be perceived solely as a social obligation but rather as a strategic imperative for political stability, national competitiveness, and sustainable development. The extent to which a state succeeds in unlocking the full potential of its younger generation will increasingly determine its capacity to navigate complex global challenges and maintain a resilient and forward-looking political system.

References:

Михайленко, О.М. Сетевой взгляд на политические отношения в современных коммуникациях [Текст] / О.М. Михайленко // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – №2. – С. 264-278.

Holland, J. Youth Values and Transitions to Adulthood: An empirical investigation. – London South Bank University, 2015. – 54 p.

Инговатов В.Ю.
Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова

СПЕЦИФИКА РАЦИОНАЛЬНОСТИ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

Ключевые слова: рациональность, наука, социально-гуманитарное знание, эпистемология, истинность, объективность.

Keywords: rationality, science, social and humanitarian knowledge, epistemology, truth, objectivity.

Место и статус рациональности в социально-гуманитарном знании имеют, на наш взгляд, весомое эвристическое значение. В определенной степени уже постановка этого вопроса затрагивает весь корпус развития гуманитарных наук. Не случайно, в современном философском дискурсе продолжается не только активное осмысление специфики рациональности, но и предлагаются разные методологические подходы к разрешению сложившихся проблем в области эпистемологии в целом, а социально-гуманитарного знания – в частности.

Отметим несколько важных особенностей, которые определяют устоявшиеся здесь научные подходы. Прежде всего, следует указать, что идея о социальной и исторической обусловленности социально-гуманитарного мышления имеет глубокие корни. Убеждение в способности разума давать достоверные ответы на метафизические вопросы длительное время оставалось непоколебимым в европейском самосознании и сформировало целую традицию новоевропейского рационализма. Начиная с Аристотеля, большинство западных философов обязательно указывали на главенствующую роль нормативных установлений в мышлении, считая собственно «чистым» мышлением только то, где познавательные структуры инвариантны и воспроизводятся всегда в неизменном виде. Можно констатировать, что европейский рационализм обязательно наделяет человеческий разум эксклюзивным правом на познание бытия и самого человека. Что касается рациональности, то она понимается, прежде всего, как метод познания действительности, который основывается на разуме. В этом контексте научное познание понималось (и понимается) как процесс получения достоверных знаний о мире, истинность которых проверяется и доказывается человеческой практикой [Степин 1974: 7]. Такой подход для дифинитивного определения рациональности вполне обоснованно принято считать классическим.

Однако культ разума, поднятый на щит всей минувшей историей европейской науки, претерпевает сейчас существенные трансформации. Так, помимо чисто рациональных (и традиционных для науки) практик о своих эпистемологических претензиях активно заявляют постметафизические и даже эзотерические и паранаучные направления. Мышление уже не провозглашается как результат деятельности всеобщего разума, творящего и отображающего мир. Подобную методологическую неопределённость важно учитывать для выяснения специфики рационального и иррационального в общем научном знании, в том числе – социально-гуманитарном. Это подчеркивает тот факт, что понятие науки относится к «бесконечным» – пока существует научное познание, будет продолжаться и уточнение самого понятия научной рациональности. Не случайно Л. Витгенштейн называл его «семейным». Речь идет о том, что «видя порознь членов некоторой семьи, мы можем не догадываться об их родственных отношениях; но как только они собираются вместе, сравнивая их друг с другом, мы сразу замечаем, что они похожи. Тот, кто сталкивается поочередно с физикой, лингвистикой, социологией, эстетикой, психологией, историей и т.д., вряд ли увидит их внутреннее родство. И только

если эти научные дисциплины будут собраны вместе… станет ясной их схожесть друг с другом» [Ивин 2005: 8].

Например, целое движение современной социальной мысли на Западе исходит из общего критического отношения к возможностям эпистемологии дать внятное обоснование социально-гуманитарного знания. Это движение, получившее название постмодернизма, продолжило критическую линию Ф. Ницше, Г. Маркузе, М. Фуко, представителей структурализма и феноменологии. Постмодернизм в принципе отвергает возможность любого глобального проекта, призванного реализовать сущностные силы человека. С этой точки зрения идеалы и ценности, завещанные западной культуре эпохой Просвещения, есть миф, хотя и претендующий на право иметь свой рациональный текст и даже обладание истиной. Идеология постмодернизма сознательно лишает мышление статуса высшего рационального начала, которое обладало универсальным правом творить метанарративы. И, поскольку провозглашается смерть классической рациональности, следовательно, начинают действовать «механизмы деконструкции» (Ж.-Ж. Деррида), которые реализуют уже свои локальные антирациональные дискурсы. Таким образом, в рамках современной эпистемологии происходит переосмысление специфики рационального и иррационального в науке.

Развитие гуманитарных, технических и прикладных исследований к концу XX столетия приводит к новой интеллектуальной ситуации. Остро ставится вопрос: «остаются ли *научные* практики чем-то исключительным по сравнению с иными видами и типами практик в том смысле, что в них по-прежнему господствуют универсальные эпистемические ценности, а «научные сингулярности» (научные школы, направления, исследовательские стратегии и программы), какими бы влияниями ни определялись их оценочные предпочтения, все же вынуждены признавать эти ценности как черты научного идеала?» [Порус 2021: 52]. Этот вопрос нельзя разрешить в отрыве от опыта, полученного в ходе экстраполяции традиционного естественно-научного подхода на изучение культуры, социальных явлений, сущности человека. Причем этот опыт лишь подчеркивает всю сложность в истолковании оппозиции «природа – социум» [Розин 2005: 365].

Тем не менее, задача о возможности достижения в современном науковедении некого единого понимания сущности и понятийной целостности рационального остается нерешенной. Признавая, что научная рациональность возникает как ответ на вопрошание человека о наличии в его познавательных способностях фундаментальных когнитивных возможностей, не проясненным остается проблема сущности рационального и его границ. В отечественной и зарубежной литературе мы обнаружим достаточно большой разброс мнений в этом вопросе. Б.Л. Яшин, например, пишет: «В современной философии и методологии появились исследования, в которых их авторы по тем или иным основаниям выделяют различные типы рациональности: научную и ненаучную, закрытую и открытую, разумную и рассудочную, универсальную и специальную, классическую, неклассическую и постнеклассическую» [Яшин

2015: 77]. Очевидно, что подобные типологии можно расширить и дальше, поскольку объективистски ориентированный тип мышления с необходимостью порождает иллюзии о возможности исключительно рационального постижения «Я» и мира. Более того, логическое развитие подобной мыслительной интенции приводит к сциентистскому или позитивистскому упрощению реальности бытия. В этом случае рациональным будет считаться все то, что соответствует законам формальной логики (законам мышления), имеет методологическое и теоретическое обоснование о предмете исследования. Такая трактовка рациональности также исходит из философского направления, основанного Р. Декартом и заложившим принципы сочетания во всех сегодняшних теориях познания когнитивного и рационального начал.

В чем же специфика социо-гуманитарного знания? Применимы ли к нему критерии истинности и объективности? Для естественно-научного подхода характерна единая точка зрения на изучаемый природный объект, которая также подкрепляется общепринятыми способами верификации. В социо-гуманитарном познании характер и бытийность исследуемого объекта имплицитно встроены в корпус идей, ценностей, методологий самого исследователя. Следовательно, возникает ситуация, когда допускается существование разных походов в изучении одного и того же объекта. В свою очередь, это «влечет разные варианты гуманитарного знания и теорий, объясняющих один и тот же эмпирический материал и факты» [Розин 2005: 366] .

Таким образом, именно ценности исследователя обуславливают специфику социо-гуманитарного знания, его «субъект-объектный» характер. Модальность, стандарты организации и структурного оформления, логико-методологические требования объективности и непротиворечивости – всё это обнаруживается в объекте изучение, но в такой форме, которая уже заложена в познающем субъекте. Не менее существенно влияние ценностей исследователя и на формы консолидации научных сообществ, на их совместную деятельность, корпоративные этические императивы, а также на способы профессионального общения и трансляции знаний. Наконец, уже внутринаучные ценности предписывают ученому определенную модель профессионального поведения и профессиональной ответственности за достоверность и качество научных результатов. Эти ценности составляют основу этоса науки как комплекса нормативных правил и предписаний, свободно принимаемых сообществом ученых.

Литература:

Ивин, А.А. Современная философия науки [Текст] / А.А. Ивин. – М.: Высш. шк., 2005. – 592 с.

Порус, В.Н. Историческая эпистемология – триггер реформы философии познания [Текст] / В.Н. Порус // Вопросы философии. – 2021. – № 5. – С. 47-57.

Розин В.М. Методология: становление и современное состояние. Учебное пособие [Текст] / В.М. Розин. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2005. – 414 с.

Степин, В.С. Методы научного познания [Текст] / В.С. Степин, А.Н. Елсуков. – Минск, «Вышэйшая школа», 1974. – 152 с.

Яшин, Б.Л. Рациональность и логическое мышление [Текст] / Б.Л. Яшин // Философская мысль. – 2015. – № 10. – С. 75-87.

Инноватов В.Ю., Стенина В.Ф.
Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КУРСА «ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ»

Ключевые слова: ценности, мировоззрение, цивилизация, «Основы российской государственности».

Keywords: values, worldview, civilization, «Fundamentals of Russian statehood».

Современные геополитические и цивилизационные вызовы обусловили запрос на защиту актуальных духовно-нравственных ценностей и сохранения культурного и исторического наследия народов России. Это определило закрепление на законодательном уровне в Указе Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» духовно-нравственных ценностей, сохранение и приумножение которых определяется стратегической целью национальной безопасности. Именно эти аксиологические установки названы основной для устойчивого развития российского государства и общества.

В Указе Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» основным условием позитивного сценария существования государства определяется системная и последовательная реализация «государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей» [Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, эл. ресурс]. Документ фиксирует также ориентацию на формирование личности, «воспитанной в духе уважения к традиционным ценностям, обладающей актуальными знаниями и умениями, способной реализовать свой потенциал в условиях современного общества» [Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, эл. ресурс].

В данном контексте введение в 2023 году в программы высшего образования России для всех направлений подготовки студентов обязательного курса «Основы российской государственности» (далее – ОРГ) является отражением и реализацией запроса государства и социума «на расширенную социально-гуманитарную подготовку обучающихся» [О направлении проекта концепции модуля, эл. ресурс]. Преподавание дисциплины на первом курсе всех направлений в системе высшего образования РФ осуществляется два учебных года, в течение которых опорно-методические центры по всей России регулярно проводили систему мероприятий для успешного включения дисциплины. Среди них можно отметить регулярные вебинары,

социологические опросы, выполняющие замеры актуальных проблем преподавания новой дисциплины.

По итогам двухлетней работы над курсом ОРГ стало складываться понимание его идейной и социально-аксиологической значимости. В АлтГТУ им. И.И. Ползунова были апробированы методические и методологические подходы, наработан опыт преподавания [Стенина 2024: 113-119]. Также осмысление практического освоения дисциплины, знаний и мировоззренческих принципов обнаруживается в работах преподавателей российских вузов [Шляпина 2023; Фидарова 2024]. В данном контексте перед профессорско-преподавательским составом, реализующим курс, ставятся задачи не только решать организационные и методические вопросы, но и определять мировоззренческие контуры в своей работе.

Научный руководитель проекта «ДНК России» А. В. Полосин подчеркивает идеологическую значимость курса и важность идейных принципов личности его преподавателя. В этом плане ключевыми факторами знания о себе, о мире, о целях и задачах, которые должна решать Российская Федерация, является цивилизационная и ценностная идентичность всех субъектов учебного процесса.

Проект «ДНК России» является попыткой объединить академическое сообщество для разрешения противоречий между задачами государственной политики в области просвещения и ложным мировоззренческим плюрализмом. Включение курса ОРГ в «ДНК России», а с 2025 года и в национальный проект «Молодежь и дети», свидетельствует о новых аксиологических и идеологических задачах дисциплины.

Как куратор проекта ОРГ А.В. Полосин утверждает: «Мы делаем акцент именно на цивилизационном характере курса, причем цивилизация понимается не в контексте линейно-стадиальной трактовки. Мы осознаем связанность мировоззрения с принимаемыми нормативно-правовыми решениями и цивилизационными факторами» [Полосин 2024: 134]. Таким образом, в рамках учебной дисциплины ОРГ важно понимать, что историко-смысловой выбор в судьбе России не должен подменяется какой-то иной, более частной проблемой: природной эволюцией евразийских этносов, информационно-каузальными шифрами, содержащимися в их генотипе, способностью к инновационным формам экономической деятельности и т.д. Все эти проблемы имеют немалый потенциал в объяснении цивилизационного бытия любого народа, но сведение вопроса о целостном духовно-историческом бытии России к вопросу о биологических или социальных детерминантах его становления ведет обществоведческую мысль в смысловой тупик.

Опыт показывает, что в преподавании курса ОРГ решается задача обоснования существования народа в истории как выражение смысла его уникальной экзистенции. Именно в ней обнаруживается единство мира феноменального, где народ создает свое государство как реализацию исторической миссии, и мира ноуменального, где он предстает как потенциально бесконечный замысел в существовании всего мира. А это уже и

есть тема судьбы народа и государства, сюжетные линии которых не укладываются в простые схемы географического или биологического детерминизма. Как писал русский философ В.С. Соловьев: «Бесполезный в глазах некоторых, слишком смелый по мнению других, этот вопрос в действительности является самым важным из всех для русского… и для всякого серьезно мыслящего человека. Я имею в виду вопрос о *смысле существования России* во всемирной истории» [Соловьев 1989: 219].

Представляется важным создание для обучающихся условий самостоятельного поиска примеров, которые бы отражали наличное присутствие традиционных ценностей как в различных событиях из истории России, так и в современной реальности. Это актуально, поскольку тема обустройства и исторического существования России с новой силой была поднята в отечественной мысли в ходе её цивилизационного столкновения с Западом. Наглядно оно проявилось в том числе с началом специальной военной операции. Русский культурный код подвергся испытаниям: его пытаются «взломать» или подвергнуть трансформации, в том числе через навязывание чуждых российскому историческому опыту вариантов, связанных с постановкой и разрешением национального вопроса. Это наглядно можно продемонстрировать обучающимся студентам в контексте практик сосуществования многих языков и народов в Российском государстве, наследующем общий евразийский проект [Аксюмов 2024: 136]. Особую остроту этой проблеме придаёт также и процесс глобализации, приобретший после распада Советского Союза форму тотальной вестернизации России.

Следует признать, что влияние на общество и особенно на молодежь процесса экстраполяции западных ценностей в России имел мировоззренческие последствия. А специальная военная операция на Украине со всей очевидностью подтвердила, что российскую цивилизацию Запад не только не признает как равную, но предпринимает всё, чтобы Россия потерпела стратегическое поражение. В таком цивилизационном столкновении России и Запада образование становится важнейшим ресурсом.

Для системы высшего образования некритическое заимствование западных практик имеет негативные последствия, поскольку на протяжении длительного времени в ней отсутствовали дисциплины, связанные с комплексным подходом к формированию у студентов государственно-ориентированного мировоззрения. Именно такая дисциплина, как ОРГ, направлена «на понимание и осознание России как государства-цивилизации, её культурных и исторических особенностей, формирование гражданской позиции и осмысление современных процессов как внутри страны, так и роли России на международной арене» [Иерусалимский 2024: 36].

Таким образом, можно утверждать, что аксиологические и цивилизационные предпосылки курса «Основы российской государственности» имеют весомую актуальность. Это обусловлено, среди прочего, современными политическими и социально-мировоззренческими вызовами и необходимостью

воспитания молодежи на основе традиционных ценностей и критического мышления.

Литература:

Аксюмов, Б.В. Цивилизационный дискурс в современной России и курс «Основы российской государственности» [Текст] / Б.В. Аксюмов // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 114-6. – С. 135-137.

Иерусалимский, Ю.Ю. Значение традиционных ценностей в преподавании курса «Основы российской государственности» [Текст] / Ю.Ю. Иерусалимский, А.В. Попова // Вестник государственного университета просвещения. Серия: исторические и политические науки. – 2024. – № 1. – С. 35-46.

О направлении проекта концепции модуля: письмо Министерства науки и высшего образования РФ № МН-11/1516-ПК от 21.04.2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wuz.informio.ru/files/directory/documents/2023/04/Ps_MON_MN_11_1516_PK_21042023.pdf

Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации № 809 от 09.11.2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502.

Полосин, А.В. Опыт преподавания курса «Основы российской государственности» в педагогических университетах» [Текст] / А.В. Полосин // Государственная ценностная политика в системе образования: мат. докладов II Всеросс. образовательного форума (МПГУ, 14-15 мая 2024 г.) / науч. ред. Н.Ю.Склярова. М.: МПГУ, 2024. – С. 131-135.

Соловьев, В.С. Русская идея [Текст] / В.С. Соловьев / Соч.: в 2 т. Т. 2. – М.: Правда, 1989. –С. 219-246.

Стенина, В.Ф. Русский мир и культурный код: о потенциале русского фольклора в преподавании курса «Основы российской государственности» [Электронный ресурс] / В.Ф. Стенина // Барулинские чтения: Научный альманах. Выпуск 4. Актуальные вопросы познания и образования: сборник научных статей / науч. ред. В. Ю. Инноватов; ред.-сост. И. В. Демин. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2024. – С.113-119. – Режим доступа: https://journal.altstu.ru/konf_2024/2024_1/136/.

Фидарова, К. К. Философско-мировоззренческие аспекты в рамках вузовского курса «Основы российской государственности» [Электронный ресурс] / К. К. Фидарова, С. В. Калабекова, М. Л. Кулова // Казачество. – 2024. – № 80(7). – С. 21-27. – Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=80459148.

Шляпина, С. Ф. Курс «Основы российской государственности» как способ сохранения исторической памяти [Электронный ресурс] / С. Ф. Шляпина, В. М. Помазкина, А. Д. Грязных // Мир Инноваций. – 2023. – № 4(27). – С. 111-118. – Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=67854374

Литвинова О.А.
Алтайский государственный технический
университет им. И.И. Ползунова

РЕФОРМА СОВЕТСКОГО СЕМЕЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Ключевые слова: семейное законодательство, фактический брак, семья, установление отцовства, Указ от 8 июля 1944 г., Великая Отечественная война.

Keywords: family legislation, unregistered marriage, family, establishment of paternity, Edict of July 8, 1944, Great Patriotic War.

Изучение темы реформирования законодательства на различных этапах развития государства значимо, поскольку позволяет выявить предпосылки, причины и закономерности происходивших изменений, определить специфику реализации правовых норм и тем самым приобрести исторический опыт. Проблема трансформации семейного законодательства в годы Великой Отечественной войны исследовалась представителями как юридической, так и исторической науки. Из работ последнего десятилетия хотелось бы упомянуть публикации С.С. Гостева [Гостев 2020], А.А. Дорской [Дорская 2016], А.А. Елисеевой [Елисеева 2015], М. Накачи [Накачи 2022], Л.В. Порватовой [Гостев 2020]. Между тем возникает необходимость еще раз обратиться к обозначенной тематике, применяя при этом подходы междисциплинарности.

Анализ любых реформ требует понимания содержания изучаемого явления до инициированных преобразований. В связи с этим считаем должным напомнить, что формирование отрасли семейного права состоялось в первые годы советской власти посредством принятия в РСФСР 16 сентября 1918 г. Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. Менее чем через десять лет этому кодифицированному закону пришел на смену другой: постановлением ВЦИК РСФСР от 19 ноября 1926 г. был прият Кодекс законов о браке, семье и опеке (далее – КЗоБСО), вступивший в силу с 1 января 1927 г.

Основные положения КЗоБСО, на которые следует обратить внимание в связи с последующим анализом реформирования семейного законодательства, заключались в следующем[1].

Во-первых, новый кодекс легализировал фактический брак, приравняв его к браку, зарегистрированному в органах ЗАГСа. Регистрация брака по сути дела стала носить уведомительный характер, хотя, как было указано в КЗоБСО, и являлась бесспорным доказательством наличия такового. Лица, фактически состоящие в брачных отношениях, были вправе официально их оформить, указав срок фактической совместной жизни.

[1] Здесь и далее доступ к используемым нормативным правовым актам осуществлялся автором через СПС КонсультантПлюс

Во-вторых, в соответствии с КЗоБСО процедура расторжения брака существенным образом была упрощена. Супруг, желающий расторгнуть брак, мог обратиться с соответствующим заявлением в письменной или устной форме в органы ЗАГСа. При отсутствии у заявителя документов, удостоверяющих регистрацию прекращаемого брака, достаточно было предоставить подписку о наличие брака с указанием времени и места его заключения с уведомлением, что он – заявитель – принимает на себя ответственность за правильность сообщаемых сведений. В случае, когда заявление о прекращении брака делалось одним из супругов, другому органами ЗАГСа направлялась копия записи о прекращении брака.

В-третьих, КЗоБСО в значительной степени защищал права матери и её ребенка. Женщина, не состоявшая в зарегистрированном браке, имела право в период беременности или после рождения ребенка подать в ораны ЗАГСа заявление с требованием об установления отцовства ребенка, указав имя, отчество, фамилию и местожительство отца. О поступившем заявлении орган ЗАГСа был обязан известить мужчину, указанного в качестве отца. Отсутствие возражений в течение месяца со стороны мужчины после получения им извещения рассматривалось как его согласие с установленным в административном порядке отцовством. Срок исковой давности для судебного оспаривания отцовства составлял одни год. Помимо административного порядка установления отцовства существовал судебный порядок. Если суд, куда обратилась женщина, признавал, что отцом её ребенка является лицо, указанное в заявлении, то выносилось соответствующее постановление, по которому на отца налагалась обязанность участвовать в расходах, связанных с беременностью, родами, рождением и содержанием ребенка.

В-четвертых, ряд статей КЗоБСО регулировал вопрос усыновления. В частности, усыновляемому могли быть присвоены фамилия усыновителя, а также, при наличии его (усыновляемого) согласия – отчество усыновителя. Усыновление детей, достигших десятилетнего возраста, без их согласия не допускалось.

Аналогичные брачно-семейные кодексы были приняты в других республиках СССР.

В середине 1930-х гг. содержание КЗоБСР подверглось редактированию. Это произошло в результате принятия постановления ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» (далее – Постановление 1936 г.). В семейное законодательство были введены изменения, целью которых было укрепление семьи и увеличение рождаемости.

Что касается мер по укреплению семьи, то из таковых следует упомянуть усложнение расторжения брака, поскольку для оформления развода в органах ЗАГСа необходимо было явиться обоим супругам. Кроме того, бракоразводный

процесс затруднялся повышением размера государственной пошлины (от 50 руб. за первый и до 300 руб. за третий и последующие разводы). Наконец, не могло не повлиять на решение супруга расторгнуть брак повышение суммы алиментов на содержание детей. Постановление 1936 г. устанавливало алиментные выплаты на одного ребенка ¼, на двух детей – ⅓, трех и более детей – ½ заработной платы ответчика. За неуплату алиментов вводилась уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до двух лет.

Большая же часть Постановления 1936 г. содержала нормы, реализация которых, по мнению советского государства, должна была привести к увеличению рождаемости. Заметим, что это были нормы как запрещающего, так и управомочивающего характера. Первые вводили недопустимость искусственного прерывания беременности, вторые – регламентировали процесс по открытию родильных домов, детских яслей и садов. При этом запрещающие нормы преподносились как социальное благо, предоставляемое государством советским женщинам, поскольку в Постановлении акцентировалось внимание на вредности абортов. Искусственное прерывание беременности допускалось лишь по медицинским показаниям, т.е. в тех случаях, когда продолжение беременности могло повлечь угрозу жизни женщины или серьёзный вред для её здоровья. Вместе с тем, социальная привлекательность вводимой меры обесценивалась карательной функцией вводимых норм – установлением уголовной ответственности для участников искусственного прерывания беременности. Уголовное наказание вводилось как за производство аборта, так и за понуждение к нему. Что касается беременных женщин, производящих аборт, то по отношению к ним государство поступало мягче: в качестве уголовного наказания устанавливалась лишь общественное порицание, а при повторном нарушении запрета – штраф до 300 рублей.

Таким образом, можно говорить, что еще до начала Великой Отечественной войны была запущена будущая реформа семейного законодательства, целью которой по формальным признакам становилось укрепление семьи, а по содержательной составляющей – повышение рождаемости, что в условиях ожидаемой войны было закономерно.

Безусловно, условия начавшейся Великой Отечественной войны, независимо от реализуемых в довоенное время изменений, не могли не повлиять на семейное законодательство, поскольку семьи военнослужащих и тружеников тыла объективно нуждались в помощи, равно как и дети, оставшиеся в военное время без попечения родителей. При этом высокие потери населения способствовали тому, что решение вопроса о повышении рождаемости было выведено на новый уровень. Заметим, что некоторые из принятых государством в 1941–1945 гг. нормативных правовых актов не входили в систему семейного законодательства, однако при этом косвенно влияли на семейные отношения. К таким актам относится указ Президиума Верховного Совета СССР «О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР» от 21 ноября 1941 г., в соответствии с которым с 1 октября 1941 г. устанавливался налог на одиноких и бездетных граждан. Налогом

облагались не имеющие детей мужчины и женщины в возрасте от 20 лет. Верхняя возрастная граница для налогоплательщиков была установлена в 50 лет для мужчин и 45 для женщин. Налог рассчитывался с учетом социальной категории лица и получаемого им дохода. С рабочих и служащих, а также с приравненных к ним по обложению подоходным налогом граждан, размер налога при месячном заработке до 150 руб. составлял 5 руб. в месяц, а при заработке свыше 150 руб. – 5% от дохода. Отдельно была выведена в качестве налогоплательщиков категория литераторов и работников искусства. Колхозники платили налог в твердой сумме – 100 руб. в год. Налог подлежал уплате равными долями в четыре срока в году. Ряд категорий граждан был освобожден от налога. Среди таковых были военнослужащие и соответственно их жены, учащиеся средних и высших учебных заведений до определенного возраста, пенсионеры, а также лица, которым в соответствии с медицинским заключением было противопоказано рождение детей.

Предполагалось, что ведение нового вида налога станет мерой, способствующей росту деторождения. Однако размер налога (в пределах 5% для городских жителей), а также исключение из числа налогоплательщиков такой значительной в условиях войны части населения, как военнослужащие, позволяет говорить о том, что вряд ли эта фискальная мера могла существенным образом повлиять на демографическую ситуацию.

Следующим законотворческим действием уже непосредственно в сфере семейного законодательства стало принятие акта, касающегося защиты прав детей. 23 января 1942 г. СНК СССР принял постановление «Об устройстве детей, оставшихся без родителей». Ответственность за проведение соответствующих мероприятий возлагалась персонально на председателей Совнаркомов как союзных, так и автономных республик, а также председателей исполкомов всех уровней. В связи с этим при исполкомах были образованы специальные комиссии по выявлению и устройству детей, оставшихся без родителей. В состав комиссий входили представители профсоюзов, ВЛКСМ, органов НКВД, народного образования и здравоохранения. В задачу органов НКВД входило выявление безнадзорных детей до 15 лет включительно, их размещение в приемниках-распределителях, а также оказание помощи родителям и родственникам в отыскании отставших от них детей. Несомненно, что именно условия войны, повлекшие оккупацию значительной части территории СССР, эвакуацию населения европейской части страны на восток, создали ситуацию, при которой дети зачастую оказывались если не сиротами, то потерянными своими родными. В связи с этим учет таких детей становился общегосударственной задачей.

В соответствии с постановлением «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» распределение детей из приемников-распределителей зависело от их возраста. Дети в возрасте до трех лет отправлялись в детские учреждения или на патронирование немедленно, дети от трех до четырнадцати лет пребывали в приемниках перед распределением в учреждения или в патронатную семью до двух недель. Дети старше четырнадцати лет

направлялись по разверстке на работу на предприятия промышленности или в сферу сельского хозяйства. В целях широкого развития патронирования детей патронатным семьям назначалось пособие в размере 50 руб. на одного ребенка.

Условия войны внесли некоторые корректировки и в институт усыновления. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об усыновлении» от 9 сентября 1943 г. по просьбе усыновителя вводилась возможность присвоения усыновляемому фамилии и отчества по имени усыновителя и возможность быть записанным в книге ЗАГСа в качестве родителя.

Кульминацией реформирования семейного законодательства в годы войны стало принятие Президиумом Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. указа «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия – звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”» (далее – Указ от 8 июля 1944 г.). Скрупулезный анализ процесса принятия этого правового документа предпринял М. Накачи [Накачи 2020], на публикацию которого, а также на открытые архивные материалы и сведения из современных справочно-правовых систем мы будем в дальнейшем ссылаться.

Указ от 8 июля 1944 г. продолжил начатую в довоенные годы реформу семейного законодательства, целью которой было увеличение деторождения. В годы Великой Отечественной войны в качестве инициатора укрепления семьи выступил Н.С. Хрущёв. 13 апреля 1944 г. он отправил В.М. Молотову проект будущего Указа от 8 июля 1944 г. и сопроводительные документы – письмо и справку «О мероприятиях по увеличению народонаселения СССР» [Накачи 2020: 37-38]. Н.С. Хрущёв считал, что на государственном уровне следовало закрепить меры денежного поощрения для матерей и независимо от половой принадлежности ввести ограничения, в том числе денежного характера, в отношении лиц, препятствующих увеличению народонаселения в стране.

Идеи Н.С. Хрущёва были доработаны В.М. Молотовым и Г.М. Маленковым и поданы И.В. Сталину в форме докладной записки, по своему содержанию представляющей утвержденный постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) проект Указа от 8 июля 1944 г. [Об увеличении государственной помощи беременным женщинам… 1944: 127]. Судя по докладной записке, В.М. Молотов и Г.М. Маленков уменьшили суммы выплат матерям, предлагавшиеся Н.С. Хрущёвым в качестве поощрительных мер. Однако в целом концепция Н.С. Хрущёва была реализована.

В преамбуле уже принятого Указа от 8 июля 1944 г. отмечалось, что забота о детях, матерях и укреплении семьи есть одна из важнейших задач советского государства. Именно поэтому следовало организовать оказание помощи семьям, оказавшимся в условиях войны в тяжелом материальном положении. Из введенных в семейное законодательство изменений следует упомянуть следующие.

В Указе от 8 июля 1944 г. воплотилась идея Н.С. Хрущёва о денежной помощи женщинам, имеющим трех, а, не как это было по Постановлению 1936 г., семерых детей. Женщина, родившая третьего ребенка, получала единовременное пособие в размере 400 руб. и в дальнейшем – ежемесячное пособие в сумме 80 руб. С рождением последующего ребенка размер как единовременного, так и ежемесячного пособия увеличивался. Матерям, имеющим десять детей, назначались ежемесячные выплаты в сумме 300 руб. и единовременные выплаты при рождении последующих детей – 5000 руб. Государственное пособие вводилось как для замужних и вдовых, так и для одиноких женщин. Такая социальная мера действовала до 1957 г. При назначении государственного пособия по многодетности учитывались также погибшие или без вести пропавшие на фронтах войны дети.

Введение двух степеней медали «Медаль материнства», трех степеней ордена «Материнская слава» и высшей степени отличия для женщины – «Мать-героиня» создавало по сути дела социальную иерархию, в основу которой было положено уважение к многодетной женщине.

По мнению Н.С. Хрущёва, меры по стимулированию рождаемости следовало реализовывать и среди одиноких (незамужних) женщин. Поэтому для женщин, не состоящих в браке, на содержание и воспитание детей, родившихся уже после издания Указа от 8 июля 1944 г., вводилось государственное пособие. Изначально его размер составлял 100 руб. в месяц на одного ребенка, 150 руб. и 200 руб. – на двух, на трех и более детей соответственно. В послевоенное время суммы денежных выплат были уменьшены. Понимая, что, несмотря на получение государственного пособия, матери будет сложно растить ребенка, в Указ от 8 июля 1944 г. было внесено положение о возможности одинокой матери поместить рожденного ею ребенка на воспитание в детское учреждение. Последнее обязано было принять ребенка на содержание полностью за государственный счет. В таком случае мать лишалась государственного пособия. В дальнейшем она имела право взять обратно своего ребенка с правом возобновления выплат от государства.

Указ от 8 июля 1944 г. предполагал проведение масштабных мероприятий по расширению сети детских дошкольных учреждений. Предусматривалась обязательная организация на предприятиях и в учреждениях с массовым применением женского труда детских яслей, детских садов, комнат для кормления грудных детей и комнат личной гигиены женщин.

По мнению Н.С. Хрущёва и других партийно-государственных деятелей, такие социальные меры должны были поднять рождаемость.

Вместе с тем Указ от 8 июля 1944 г. содержал нормы дискриминационного характера по отношению лицам, не имевшим рекомендуемое государством «минимальное» число детей. Так, увеличивался налог на холостяков, одиноких граждан, введенный в начале войны. Кроме того, был введен налог на лиц, имевших одного или двух детей. При отсутствии детей стал взиматься налог в размере 6% от их дохода, при наличии одного ребенка – 1%, при наличии двух детей – ½ %. Категория лиц, освобождаемых

от налога, расширилась. Теперь в нее помимо военнослужащих и учащихся стали попадать инвалиды I и II групп, а также граждане, у которых дети погибли или пропали без вести на фронте. Тем самым государство, реформируя законодательство, принимало во внимание ситуацию войны.

Наиболее значимым нововведением, с точки зрения уже послевоенного развития семейного законодательства, стали положения Указа от 8 июля 1944 г., нацеленные на укрепление института брака. Пятый раздел Указа, именовавшийся «Об изменениях в законах о браке, семье и опеке», упразднил фактический брак, признаваемый законами РСФСР и иных союзных республик. В соответствии с вводимыми изменениями, государством признавался только брак, зарегистрированный в органах ЗАГСа. В связи с этим лицам, стоявшим в фактических брачных отношениях, давалось право оформить эти отношения посредством государственной регистрации брака с указанием срока фактической совместной жизни.

Делегализируя фактический брак, Указ от 8 июля 1944 г. существенным образом усложнял процедуру расторжения зарегистрированного брака. Как уже отмечалось, шаги в этом направлении были сделаны еще Постановлением 1936 г. В соответствии с Указом от 8 июля 1944 г. расторжение брака происходило только в судебном порядке и в два этапа. Суд первой инстанции – народный суд – был обязан установить мотивы подачи заявления о расторжении брака и принять меры к примирению супругов. Для этого в суд вызывались оба супруга, а в случае необходимости – свидетели. В том случае, когда примирения супругов не происходило, инициатор расторжения брака был вправе обратиться в вышестоящий суд. Это мог быть областной, краевой, окружной, городской суд или Верховный суд союзной или автономной республики. Только эти суды имели право выносить решение о расторжении брака. Развод супругов приобрел публичный характер: вводилась обязательная публикация в местной газете объявления о возбуждении судебного производства о расторжении брака. Стоимость публикации должен был оплачивать супруг, подавший заявление. Кроме того, в очередной раз были увеличены судебные пошлины за бракоразводную процедуру.

В связи с аннулированием фактического брака актуальным становился вопрос об установлении отцовства ребенка, рожденного вне зарегистрированного брака. В соответствии со ст. 20–21 Указа от 8 июля 1944 г., незамужняя женщина больше не могла в судебном порядке требовать установления отцовства своего ребенка, а значит, она теряла право на получение алиментов на ребенка от его отца. При регистрации ребенка, мать которого не состояла в браке, в книге ЗАГСа ребенок записывается только по фамилии матери. Что касается отчества, то оно также давалось по указанию матери. Эти изменения затрагивали и случаи, когда ребенок рождался в фактическом браке, поскольку таковой в соответствии с рассматриваемым указом перестал признаваться государством.

Анализируя содержание Указа 8 июля 1944 г., важно отметить, что одна из его 32 статей – ст. 31 – касалась вопроса об абортах. Органам прокуратуры

вменялось в обязанность в соответствии с действующим законодательством привлекать к уголовной ответственности лиц, которые были признаны виновными не только в незаконном прерывании беременности и в понуждении женщин к таковому действию, но и в оскорблении и унижении достоинства женщины-матери, а также в злостном неплатеже алиментов на содержание детей. При этом важно отметить, что, несмотря на планы Н.С. Хрущёва ужесточить меры юридической ответственности для женщин, прервавших беременность, в частности, ввести для них лишение свободы, этого не было сделано.

Указ от 8 июля 1944 г. содержал положение, что Верховным Советам союзных республик следовало внести необходимые изменения в их законодательство. Таким образом, государственная политика по увеличению деторождения корректировала семейное законодательство не только РСФСР, но и других советских республик.

Закономерно, что Указ 8 июля 1944 г. повлек за собой принятие нормативных правовых актов, уточняющих или развивающих его положения. Так, уже 18 августа 1944 г. вышло постановление СНК СССР «Об утверждении Положения о порядке назначения и выплаты пособий многодетным и одиноким матерям», а 11 ноября 1944 г. был принят указ Президиума Верховного Совета СССР «О признании фактических брачных отношений в случае смерти или пропажи без вести на фронте одного из супругов». Поскольку требовалась конкретизация норм, касающихся правового положения внебрачных детей в части получения ими алиментов и государственных пособий, 14 марта 1945 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ «О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. в отношении детей, родители которых не состоят между собой в зарегистрированном браке». Этот указ вводил правила взыскания алиментов на содержание ребенка, родившегося вне официального брака до Указа от 8 июля 1944 г., а также устанавливал право этого ребенка на наследование имущества своего отца и право на получение государственных пособий в случае смерти отца-военнослужащего. При этом необходимым условием и для подачи иска об алиментах, и для получения государственного пособия была запись об отцовстве в книгах ЗАГСа.

В завершение статьи отметим, что формальное реформирование семейного законодательства в годы войны завершилось указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 апреля 1945 г. «Об изменениях Кодекса законов о браке, семье и опеке и Гражданского процессуального кодекса РСФСР», закрепившим введенные предшествующими нормативными правовыми актами изменения.

Подводя итоги по изложенному материалу, отметим, что историко-генетический и сравнительно-правовой методы исследования позволяют сделать вывод о том, что внесение изменений в семейное законодательство в годы Великой Отечественной войны можно объяснить как продолжением начатой в довоенное время государственной политики увеличения

деторождения, так и необходимостью решения в условиях войны задачи поддержки семьи. При этом значительная часть нормативных правовых актов, принятых советским государством, формально была направлена на социальную помощь женщинам, детям, семье, однако по своей сути – решала демографический вопрос, запрещая искусственное прерывание беременности, устанавливая государственные выплаты многодетным матерям и патронатным семьям. Показательно, что правовые акты, содержащие нормы семейного законодательства, могли иметь репрессивно-принудительное или дискриминационное содержание. Пример тому – запрет абортов, налоги на бездетных и малодетных лиц, усложненная процедура расторжения брака. Непосредственно направленной на укрепление семейных ценностей стала введенная Указом от 8 июля 1944 г. норма об обязательной государственной регистрации брака. Реализация этой нормы привела к тому, что законодательно были созданы условия для рождения детей в зарегистрированном браке, поскольку незамужние женщины теряли право на установление отцовства своего ребенка и получение алиментов. Вместе с тем, несмотря на то, что такие матери получали пособие на детей от государства, они не могли претендовать на выплаты для членов семей военнослужащих, так как отцовство их ребенка не было установлено. Таким образом, реформа семейного законодательства с точки зрения её социальных последствий носила противоречивый характер.

Литература:

Гостев, С.С. Особенности развития брачно-семейного права в годы Великой Отечественной войны [Текст] / С.С. Гостев, Л.В. Порватова // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 8. – С. 20-23.

Дорская, А.А. Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 г.: соотношение идеологической и юридической составляющих [Электронный ресурс] / А.А. Дорская // Universum Juris. – 2016. – № 2. – Режим доступа: https://www.universum-juris.org/?q=ru/node/25

Елисеев, А.А. Советское законодательство о браке и семье в годы Великой Отечественной войны [Текст] / А.А. Елисеев // Вестник Международного юридического института. – 2015. – № 3. – С. 14-19.

Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания "Мать-героиня" и учреждении ордена "Материнская слава" и медали "Медаль материнства": Докладная записка В.М. Молотова и Г.М. Маленкова И.В. Сталину [Текст] // Российский государственный архив социально-политической истории. (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 163. Д. 1410. Л. 127-128.

Накачи, М. Анализ пронаталистской семейной политики в СССР в 1940-х – 1960-х годах [текст] / М. Накачи // Демографическое обозрение. – 2022. –№ 9 (1). – С. 34-55.

Бобровская Н.А, Карпекин В.А.
Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова

О РОЛИ КИБЕРОБРАЗОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Ключевые слова: кибероообразование, информационная безопасность, киберугрозы, культура безопасности, цифровая грамотность.

Keywords: cyber education, information security, cyber threats, security culture, digital literacy.

Современное общество характеризуется стремительным развитием цифровых технологий, которые проникают во все сферы жизни. Однако вместе с преимуществами цифровизации возрастает и уровень киберугроз. Фишинг, вредоносное ПО, социальная инженерия и утечки данных становятся повседневной реальностью, требующей от пользователей высокого уровня осведомленности и навыков защиты [Касперский, эл. ресурс]. В этом контексте кибероообразование выступает ключевым инструментом формирования культуры информационной безопасности.

Кибероообразование представляет собой комплекс образовательных мероприятий, направленных на повышение цифровой грамотности и обучение методам защиты от киберугроз. Оно включает изучение основ кибербезопасности, распознавание фишинговых атак, использование надежных паролей и применение современных средств защиты данных. Согласно исследованиям, более 80% киберинцидентов связаны с человеческим фактором, включая недостаточную осведомленность пользователей [Verizon 2024: 15]. Таким образом, обучение становится критически важным для минимизации рисков.

Особое значение кибероообразование приобретает в условиях цифровизации образования и перехода к дистанционным форматам обучения. Активное использование онлайн-платформ, облачных сервисов и цифровых инструментов в образовательном процессе значительно расширяет поверхность для потенциальных кибератак. Студенты и преподаватели, не обладающие достаточным уровнем киберграмотности, становятся мишенями для киберпреступников, использующих методы социальной инженерии, такие как фишинг, претекстинг и кви про кво, для получения доступа к конфиденциальной информации, включая персональные данные, научные исследования и административные системы учебных заведений [Касперский, эл. ресурс]. Внедрение специализированных образовательных программ, включающих не только теоретические модули, но и практические занятия по кибербезопасности (например, симуляции атак, анализ кейсов утечек данных), позволяет формировать устойчивые поведенческие модели, направленные на

защиту данных и критическое восприятие цифровых угроз [Иванов 2023: 45]. Более того, такие программы способствуют развитию «цифрового иммунитета» – способности пользователей самостоятельно идентифицировать и нейтрализовывать угрозы в реальном времени. Как показывают исследования, образовательные учреждения, внедрившие регулярные тренинги по кибербезопасности, демонстрируют на 40% меньше инцидентов, связанных с утечкой данных, по сравнению с организациями, где подобные программы отсутствуют [Verizon 2024: 18]. Таким образом, киберообразование становится неотъемлемым элементом адаптации к цифровой трансформации образования, обеспечивая не только индивидуальную безопасность, но и устойчивость всей образовательной экосистемы.

Культура информационной безопасности формируется через многократное повторение и закрепление знаний. Например, регулярные тренинги по распознаванию фишинговых писем или симуляции кибератак повышают бдительность пользователей. Исследования показывают, что организации, инвестирующие в киберобразование, снижают вероятность успешных кибератак на 60% [Proofpoint 2023: 22]. Эти данные подчеркивают необходимость интеграции киберобразования в учебные планы вузов и корпоративные программы.

Реальным примером такого обучения являются специализированные образовательные программы, которые включают не только теоретические модули, но и практические занятия по кибербезопасности, такие как симуляции атак или анализ кейсов утечек данных. Это помогает сформировать устойчивые модели поведения для защиты данных и критического восприятия цифровых угроз. Более того, такие программы способствуют развитию «цифрового иммунитета» – способности пользователей самостоятельно выявлять и нейтрализовать угрозы в реальном времени.

Важность киберобразования можно проиллюстрировать следующей таблицей (Таблица 1).

Таблица 1 – Организация киберобразования

Тип мероприятия/ Подход	**Примеры конкретных действий/методов**	**Основная цель и сопутствующие задачи**	**Ожидаемые результаты и измеримые эффекты**
Регулярные тренинги и симуляции	Проведение тренингов по распознаванию фишинговых писем. Организация симуляций кибератак	**Цель:** повышение бдительности пользователей. **Задачи:** – научить пользователей распознавать фишинговые письма и другие виды атак (например, через изучение основ кибербезопасности); – закреплять знания через многократное повторение; – повысить практические навыки реагирования на смоделированные угрозы.	Повышенная бдительность пользователей к киберугрозам

Тип мероприятия/ Подход	**Примеры конкретных действий/методов**	**Основная цель и сопутствующие задачи**	**Ожидаемые результаты и измеримые эффекты**
Внедрение регулярных тренингов	Разработка и внедрение специализированных образовательных программ, интегрированных в учебные планы вузов и корпоративные программы. Включение теоретических модулей по основам кибербезопасности. Проведение практических занятий, таких как симуляция атак и анализ кейсов утечек данных.	**Цель:** формирование устойчивых поведенческих моделей, развитие «цифрового иммунитета». **Задачи:** – сформировать устойчивые модели поведения, направленные на защиту данных; – развить критическое восприятие цифровых угроз; – развить способности пользователей самостоятельно идентифицировать и нейтрализовывать угрозы в реальном времени (концепция «цифрового иммунитета»).	

Эти данные подчеркивают необходимость интеграции киберообразования в учебные планы вузов и корпоративные программы.

Таким образом, инвестиции в киберобразование являются критически важными для минимизации рисков, связанных с человеческим фактором, на который приходится более 80% киберинцидентов.

Однако реализация киберообразования сталкивается с рядом вызовов. Во-первых, это недостаток квалифицированных преподавателей, способных адаптировать сложные технические концепции для широкой аудитории. Во-вторых, это низкая мотивация пользователей, которые часто недооценивают риски киберугроз. Для преодоления этих барьеров необходимо использовать интерактивные форматы обучения, такие как геймификация и квесты, которые делают процесс обучения более увлекательным [Смирнова 2022: 78].

В заключение киберообразование играет центральную роль в формировании культуры информационной безопасности. Оно не только повышает уровень цифровой грамотности, но и способствует созданию устойчивых когнитивных структур, определяющих безопасное поведение в цифровой среде. Интеграция киберообразования в образовательные и профессиональные программы должна стать приоритетом для обеспечения устойчивого развития цифрового общества.

Литература:

Иванов, И. И. Формирование цифровой грамотности в условиях цифровизации образования [Текст] / И.И. Иванов // Вестник АлтГТУ. – 2023. – № 3. – С. 40-48.

Смирнова, Е. В. Геймификация как инструмент повышения киберграмотности [Текст] / Е.В. Смирнова // Информационная безопасность. – 2022. – № 2. – С. 75-80.

Proofpoint. Human Factor Report [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.proofpoint.com/us/resources/threat-reports/human-factor-report

Verizon. Data Breach Investigations Report [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.verizon.com/business/resources/reports/dbir/

Kaspersky Security Bulletin 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://securelist.ru/ksb-2024/

Садулаева, Т. Р. Цифровая трансформация в образовании [Текст] / Т.Р. Садулаева // Столыпинский вестник. – 2023. – № 5. – С. 2592-2598

Бобровская Н.А, Карпекин В.А.
Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова

ОРГАНИЗАЦИЯ КИБЕРООБРАЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: цифровое обучение нового типа, цифровизация, удалённая образовательная деятельность, методики и средства цифрового обучения, цифровая педагогика, преобразование образовательной среды с применением ИКТ, информационная среда.

Keywords: new type of digital learning, digitalization, distance learning activities, digital learning methods and tools, digital pedagogy, transformation of the educational environment using ICT, information environment.

Цифровизация современного общества оказала значительное влияние на все сферы жизнедеятельности, включая образование. Интенсивное развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) обусловило формирование новых форм и моделей образовательной деятельности. Одной из таких моделей стало цифровое обучение нового типа – форма цифрового обучения, основанная на использовании электронных платформ, облачных технологий, интеллектуальных систем и дистанционного взаимодействия между субъектами образовательного процесса [Ермаков 2021: 35].

Целью настоящей статьи является комплексное рассмотрение организационных аспектов кибероборазования, анализ проблем его реализации, а также выявление перспектив дальнейшего развития в условиях цифровой трансформации образования [Полякова 2020: 14].

Понятие «цифровое обучение нового типа» пока не имеет строго закреплённого определения в педагогической науке. В обобщённом виде его можно определить как форму организации образовательного процесса, полностью или преимущественно реализуемую в цифровой среде с применением ИКТ, онлайн-платформ и искусственного интеллекта [Ермаков

2021: 36]. В отличие от классического дистанционного обучения, цифровое обучение нового типа подразумевает более высокую степень автоматизации, адаптивности и персонализации обучения.

Методологическую основу киберобразования составляют концепции цифровой педагогики (P. Mishra, M. Koehler) [Мишра, Кёлер 2006: 1020], теория коннективизма (G. Siemens) [Сименс 2005: 4], системно-деятельностный и компетентностный подходы [Махотин 2022: 77].

Процесс организации киберобразования включает в себя следующие ключевые компоненты:

- создание цифровых образовательных ресурсов и платформ [Ермаков 2021: 37];
- обеспечение технологической инфраструктуры (серверы, каналы связи, техподдержка);
- повышение квалификации педагогов в области цифровой дидактики [Полякова 2020: 16];
- разработка механизмов контроля качества и обеспечения академической добросовестности [Ковчур 2021];
- поддержка цифровой инклюзии обучающихся различных социальных групп [Махотин 2022: 79].

Эффективная реализация киберобразования требует согласованного взаимодействия между государственными структурами, образовательными организациями, разработчиками ПО и специалистами по цифровой трансформации [Ермаков 2021: 38].

Реализация киберобразования в современных условиях сталкивается с рядом серьёзных вызовов, которые существенно сдерживают его потенциал. Одной из ключевых проблем остаётся цифровое неравенство: существенные различия в уровне технического обеспечения учащихся, особенно в сельских и отдалённых регионах, создают барьеры для равного доступа к качественным образовательным ресурсам [Полякова 2020: 15].

Не менее значимой проблемой является низкий уровень цифровых компетенций у многих участников образовательного процесса. Недостаточная подготовленность к работе с электронными платформами, цифровыми сервисами и средствами дистанционного взаимодействия снижает эффективность учебного процесса и вызывает трудности в организации самостоятельной работы обучающихся. Успешная реализация дистанционного обучения требует от студентов не только базовых знаний в области информационных технологий, но и способности к самоорганизации, критическому мышлению и эффективному взаимодействию в виртуальной среде. Отсутствие этих навыков может привести к снижению качества образования и мотивации студентов, а также затруднить процесс оценки их учебных достижений [Ковчур 2021].

Снижение учебной мотивации также стало проблемой. Отсутствие живого общения, недостаток эмоциональной поддержки со стороны преподавателей и сверстников, социальная изоляция, а также перегрузка

информацией становятся факторами, негативно влияющими на вовлечённость студентов в образовательную деятельность [Махотин 2022: 80].

Дополнительным препятствием выступает недостаточная разработанность методической базы цифрового обучения. Несмотря на широкий выбор цифровых инструментов и платформ, методика их педагогически обоснованного применения в различных учебных контекстах остаётся фрагментарной и требует дальнейшей научной проработки [Полякова 2020: 16].

Наконец, следует учитывать высокий уровень психоэмоциональной нагрузки, связанный с цифровым форматом обучения. Продолжительное взаимодействие с экраном, необходимость постоянного переключения внимания, дефицит двигательной активности и живого общения способствует росту утомляемости и ухудшению психофизиологического состояния как обучающихся, так и педагогов. Значительное увеличение времени, проведённого с компьютером, в образовательном процессе приводит к эмоциональному истощению, ухудшению сна, повышенной тревожности и снижению социальной активности учащихся. Эти факторы подчёркивают необходимость разработки системы здоровьесбережения в условиях цифровой школы и выработки рекомендаций по сохранению обязательных модулей по физической культуре, а также разработки специальных профилактических мероприятий для жизнедеятельности в цифровой среде.

Киберобразование обладает значительным потенциалом для трансформации современного образовательного пространства и формирования новых моделей обучения, отвечающих требованиям цифровой эпохи. Среди ключевых перспектив можно выделить несколько направлений, каждое из которых вносит важный вклад в развитие эффективной и доступной системы образования.

Во-первых, одной из наиболее значимых перспектив является расширение доступности образования. Цифровые технологии позволяют преодолевать географические и социальные барьеры, обеспечивая учащимся из удалённых, сельских и социально уязвимых регионов равный доступ к качественным образовательным ресурсам. Благодаря онлайн-платформам и виртуальным учебным средам учащиеся могут получать знания и навыки независимо от местоположения, что способствует выравниванию образовательных возможностей и снижению цифрового неравенства [Полякова 2020: 15].

Во-вторых, персонализация обучения выступает одной из ключевых тенденций. Цифровое образование предоставляет широкие возможности для формирования индивидуальных образовательных маршрутов, учитывающих особенности, интересы и уровень подготовки каждого ученика. Современные адаптивные технологии и аналитические инструменты позволяют отслеживать успехи и предпочтения обучающихся, подбирая для них наиболее подходящие учебные материалы и задания, что способствует повышению мотивации и улучшению усвоения знаний.

В-третьих, развитие интерактивных и мультимедийных технологий способствует повышению вовлечённости и активности обучающихся. Внедрение геймификации, виртуальной и дополненной реальности, симуляторов и интерактивных заданий позволяет сделать учебный процесс более увлекательным и наглядным, стимулирует креативное мышление и развитие критических навыков. Такие инновационные методики способствуют формированию компетенций, востребованных в современном обществе и экономике знаний [Махотин 2022: 80].

Четвёртая важная перспектива связана с активным внедрением технологий искусственного интеллекта и анализа больших данных в образовательный процесс. Использование ИИ позволяет автоматизировать рутинные и административные задачи, проводить глубокий анализ учебных достижений и оказывать поддержку преподавателям в организации и управлении обучением. Благодаря интеллектуальным ассистентам, чат-ботам и системам рекомендаций учащиеся получают возможность получать своевременную помощь, персонализированные советы и оперативную обратную связь. Это значительно повышает качество образовательных услуг, ускоряет адаптацию учебного материала под индивидуальные потребности студентов и способствует более эффективному освоению знаний. В перспективе такие технологии могут стать неотъемлемой частью цифровой образовательной среды, стимулируя развитие самостоятельности, критического мышления и творческого подхода у обучающихся.

Наконец, киберобразование способствует развитию сетевого взаимодействия и коллаборативных форм обучения. Современные цифровые платформы создают условия для объединения обучающихся и преподавателей из разных регионов и стран, что расширяет возможности обмена знаниями, опытом и культурным разнообразием. Такие международные и междисциплинарные проекты формируют глобальное образовательное сообщество, способствующее развитию социальных компетенций и межкультурного понимания [Полякова 2020: 14].

Совершенствование киберобразования является необходимым условием для повышения качества и эффективности образовательного процесса в условиях цифровой трансформации. Среди ключевых направлений развития выделяются следующие аспекты, которые требуют системного и комплексного подхода.

Прежде всего, важным направлением является устранение цифрового неравенства. Для обеспечения равного доступа к цифровым образовательным ресурсам необходимо развивать инфраструктуру, особенно в сельских и отдалённых регионах, улучшать техническое оснащение образовательных учреждений и создавать доступные условия для всех категорий обучающихся. Это включает в себя не только обеспечение устройств и подключения к интернету, но и формирование региональных и муниципальных программ поддержки цифрового обучения, что способствует сокращению разрыва в доступе к образовательным технологиям [Полякова 2020: 15].

Вторым важным направлением является повышение цифровой компетентности всех участников образовательного процесса. Это предполагает системную подготовку педагогов, администраторов и обучающихся к использованию современных цифровых платформ, инструментов и сервисов. Необходимо развивать программы повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, внедрять курсы цифровой грамотности, а также формировать у обучающихся навыки самостоятельной работы в цифровой среде, что значительно повышает качество и комфорт образовательного взаимодействия.

Третье направление связано с совершенствованием методической базы киберобразования. Разработка и адаптация эффективных методик педагогически обоснованного использования цифровых технологий должна основываться на современных научных исследованиях и практическом опыте. Важно создавать и распространять методические рекомендации, стандарты и лучшие практики, способствующие целенаправленному и осознанному применению цифровых инструментов в различных образовательных контекстах, что повысит результативность и системность учебного процесса [Полякова 2020: 16].

Четвёртое ключевое направление развития образовательных технологий связано с созданием и внедрением эффективных инструментов поддержки психоэмоционального здоровья всех участников образовательного процесса. В условиях цифрового обучения, которое часто сопровождается значительной психоэмоциональной нагрузкой, особенно важно предусматривать системные меры по обеспечению психологического комфорта и благополучия как студентов, так и преподавателей. Это включает в себя интеграцию специализированных программ психологической поддержки непосредственно в учебные планы, регулярный мониторинг эмоционального и психофизиологического состояния обучающихся и педагогов, а также разработку практических рекомендаций по сбалансированному и рациональному использованию цифровых технологий. Такие меры помогут минимизировать симптомы переутомления, стрессовые состояния и снизить риски профессионального выгорания, создавая более устойчивую и здоровую образовательную среду. В долгосрочной перспективе это способствует повышению продуктивности обучения и сохранению мотивации у всех участников процесса, а также формированию культуры заботы о психическом здоровье в цифровой образовательной среде.

Наконец, особое внимание следует уделять развитию платформенного и технологического обеспечения киберобразования. Современные цифровые решения должны быть гибкими, масштабируемыми и безопасными, обеспечивать защиту персональных данных и устойчивость образовательных систем к техническим сбоям и внешним угрозам. Разработка новых информационных систем, использование искусственного интеллекта для адаптации обучения и автоматизации процессов управления образовательным

контентом способствует созданию современной и эффективной цифровой образовательной среды [Махотин 2022: 79].

Таким образом, перспективы киберобразования открывают новые возможности для создания гибкой, доступной и высокоэффективной образовательной системы, способной адекватно отвечать вызовам времени и обеспечивать подготовку компетентных и адаптивных специалистов будущего.

Цифровое обучение нового типа представляет собой логический этап эволюции образовательной системы в условиях цифровой трансформации общества. Его успешная интеграция и развитие зависят от комплексного подхода, включающего не только технические и организационные меры, но и пересмотр педагогических парадигм [Полякова 2020: 14]. Стратегической задачей современной образовательной политики становится создание условий для устойчивого и этически обоснованного развития цифрового образования, способного обеспечивать качество, доступность и гибкость обучения для всех категорий обучающихся [Федеральный проект «Цифровая образовательная среда»].

Литература:

Ермаков, С. С. Цифровая трансформация образования: вызовы и решения [Текст] / С.С. Ермаков // Вестник образования. – 2021. – № 2. – С. 34-41.

Полякова, Т. А. Цифровая педагогика: сущность и перспективы развития [Текст] / Т.А. Полякова // Педагогика. – 2020. – № 4. – С. 12-17.

Мишра, П., Кёлер, М. Технологические педагогические знания содержания (TPACK): рамки для интеграции технологий в обучение [Текст] / П. Мишра, М. Кёлер // Teachers College Record. – 2006. – № 108(6). – С. 1017-1054.

Сименс, Г. Коннективизм: теория обучения в эпоху цифровых технологий [Текст] / Г. Сименс // International Journal of Instructional Technology and Distance Learning. – 2005. – Т.2, № 1.

Махотин, С. В. Цифровые технологии в образовании: проблемы внедрения и пути решения [Текст] / С.В. Махотин // Образование и наука. – 2022. – № 3(28). – С. 75-82.

Ковчур, С. А. Повышение качества образования: риски виртуальной образовательной среды [Текст] / С. А. Ковчур // Этнодиалоги. – 2021. – № 2 (64). – С. 192-201

Федеральный проект «Цифровая образовательная среда» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://edu.gov.ru/national-project

Васильев С.Ф., Мищенко В.В.
Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова

КОСМИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И КОСМИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

Ключевые слова: космическое сознание, Вселенная, системное мышление, гармония, воспитание личности.

Keywords: cosmic consciousness, Universe, systemic thinking, harmony, personality education.

Космическое сознание – это понятие, которое объединяет в себе представления о связи человека с бескрайним космосом, его внутренней гармонией с окружающим миром и Вселенной. Это не просто философская идея, а глубинное чувство единства с мирозданием, которое выходит за рамки обыденного восприятия. Оно затрагивает как духовные, так и научные аспекты человеческого существования, подчеркивая, что человек является неотъемлемой частью космической системы. Концепция космического сознания предполагает осознание не только своего места во Вселенной, но и ответственности за гармоничное взаимодействие с природой, обществом и самим собой.

Тема космического сознания привлекала внимание выдающихся мыслителей, ученых и философов, которые стремились осмыслить связь человека совсей Вселенной. Одним из таких исследователей был знаменитый ученый Альберт Эйнштейн. В работе «Религия и наука» он рассматривал космическое религиозное чувство как основу для духовного развития и способ восприятия мира, выходящий за рамки религиозных догм и ограничений. А. Эйнштейн утверждал, что космическое чувство является формой религиозного переживания, которая не связана с антропоморфными представлениями о личном Боге. Он говорил, что это чувство пробуждается в момент глубокого осознания порядка и гармонии мироздания. По его мнению, космическое чувство является фундаментом подлинной науки, поскольку оно вдохновляет ученых на познание и поиск истины [Эйнштейн 1967].

Зигмунд Фрейд, основатель психоанализа, в своей работе «Недовольство культурой» коснулся феномена, который он назвал «океаническим чувством», вероятно, заимствовав такое название у писателя Ромена Ролана, с которым состоял в переписке. У Ромена Ролана данное чувство характеризуется как ощущение вечности, бескрайности, безграничности. З. Фрейд подчеркивал, что такое чувство может служить основой религиозных переживаний, хотя и не первичной, он считал главным истоком религии детскую беспомощность и восхищение отцом.

Фрейд считал, что «океаническое чувство» не является врожденным состоянием, а возникает в результате психологических процессов. Он связывал его с ранним детским опытом, когда ребенок еще не различает себя и окружающий мир. Таким образом, Фрейд рассматривал это чувство не как связь личности с космосом, а как возвращение к изначальному единству, утрачиваемому по мере взросления человека [Фрейд 1991]. Такое единство он именует «безграничным нарциссизмом». Появление такого чувства у взрослого человека является, согласно З. Фрейду, своеобразным «рецидивом прошлого». Нам представляется, что редукция космического сознания к младенческому восприятию мира, для которого характерна невыделенность личности из мира, недостаточно обоснована. Для младенца первоначально «всем миром» является лишь грудь кормящей его матери. Даже простое зрительное восприятие звездного неба, тем более безграничности и упорядоченности космоса, ему недоступно. Тем более что ощущение единства с миром испытывает взрослая,

опытная, многознающая, как в случае с А. Эйнштейном, личность. Скорее, мы имеем здесь не рецидив младенческого состояния, а его противоположность – высшее развитие человеческого сознания.

Ричард Бёк в своей книге «Космическое сознание» предложил иной, чем у З. Фрейда, взгляд на природу этого явления, рассматривая его через призму эволюции человеческого разума [Бёк 2008]. Он утверждал, что космическое сознание является следующим этапом в развитии человечества, превосходящим обычное «эгоистическое» сознание. У высших животных он находил «простое сознание», для человека характерно наличие самосознания. Космическое сознание, по его мнению, представляет собою третью форму сознания, которая настолько же выше человеческого самосознания, насколько последнее выше простого животного сознания. Сознание космоса включает в себя много элементов: это и интеллектуальное просветление и озарение, и чувство возвышения, экзальтации и радости, обостренное моральное чувство, чувство бессмертия как сознание вечной жизни. По Р. Бёку, это состояние характеризуется чувством единства сВселенной, расширением восприятия и осознанием бесконечной взаимосвязанности всего сущего.

В своей работе он описал примеры людей, которые, по его мнению, достигли космического сознания, таких как Будда, Иисус Христос, Мухаммед и другие выдающиеся личности. Р. Бёк считал, что такие состояния представляют собой редкие, но закономерные проявления эволюции, которые со временем станут доступны более широкому кругу людей [Бёк 2008]. В отличие от З. Фрейда, который связывал подобные переживания с регрессом к детскому состоянию, Р. Бёк видел в космическом сознании прогрессивный шаг в развитии человечества. Его подход подчеркивает, что это не просто субъективное переживание, а важный этап в осмыслении человеком своей роли в космосе. Самые большие надежды он связывал с психической революцией – распространением в человечестве космического сознания.

Но для этого прежде всего нужно изменить порядок воспитания и образования подрастающего поколения. Российский педагог Константин Николаевич Вентцель в начале XX века выдвинул идею космического воспитания и образования. Космическое сознание он рассматривает как высшую ступень развития сознания, когда последнее преодолевает сугубо аналитический подход интеллекта и стремится понять и почувствовать Вселенную как единое, гармоническое целое. В таком сознание «везде, во всех сферахи областях жизни проявляется стремление к единству, цельности и гармонии» [Вентцель 1999]. Воспитание и образование, по мнению К. Н. Вентцеля, должны быть ориентированы на развитие свободной, всесторонне развитой, гармонической личности. Необходимо, чтобы кроме культуры интеллекта у ребенка были развиты также культура чувства, культура эмоциональных состояний и культура воли. Подлинное развитие гармонической личности мыслилось К. Н. Вентцелем только в тесной связи с развитием космического сознания, когда отдельная индивидуальность ощущает себя частью человечества в целом и частью вселенской, космической жизни. За

всеми восприятиями отдельных явлений мировой жизни должна стоять «идея о Вселенной как об одном едином живом, органическом целом» [Вентцель 1999]. Ощущение такого целого и его эмоциональное переживание есть дело космического чувства. По мере развития космического чувства развивается и космическая воля – стремление слиться с Вселенной, воспринимать ее жизнь как свою личную жизнь.

Современный педагог И. А. Феодулова подчеркивает, что процесс формирования космического сознания должен начинаться с раннего возраста [Феодулова 2004]. Она отмечает, что дети восприимчивы к идеям единства с природой и космосом, поэтому важно направить их внимание на осознание взаимосвязей в мире. Космическое воспитание, по мнению автора, способствует развитию у ребенка способности к эмпатии, ответственности и творческому мышлению.И. А. Феодулова также выделяет необходимость знакомства детей с научными и культурными аспектами космоса. Такой подход помогает воспитывать не только интеллектуально развитую личность, но и человека, способного к глубокому духовному развитию.

Космическое воспитание может быть реализовано через различные творческие проекты, такие как создание рисунков, музыки, литературных произведений или участие в театральных постановках на тему космоса. Такие занятия помогают детям не только лучше понять сложные концепции, но и развить эмоциональную связь с миром.

Формирование космического сознания можно рассматривать как необходимый шаг в эволюции человечества. Оно учит нас мыслить шире, выходя за пределы узких интересов и границ отдельных стран, культур или религий. Более того, космическое мышление помогает каждому человеку осознать свое место в мире и почувствовать себя частью огромной и сложной системы, где все взаимосвязано.

Идеи космического сознания находят применение в самых разных сферах человеческой деятельности. В науке они способствуют развитию системного подхода, который позволяет исследователям учитывать сложные взаимосвязи между различными явлениями. Например, космическое мышление вдохновляет ученых на создание междисциплинарных проектов, направленных на решение глобальных проблем, таких как изменение климата или освоение космоса.

Кроме того, космическое сознание помогает преодолевать культурные и национальные барьеры, формируя у людей чувство ответственности не только за свою страну, но и за всю планету. Это мышление способствует развитию международного сотрудничества в различных областях, таких как наука, экология и образование, что особенно важно в эпоху глобализации.

Мы убеждены, что космическое сознание – это не просто философская концепция или абстрактная идея, а практическая необходимость для современного общества. Оно должно стать частью образовательных программ, культурной политики и личной философии каждого человека. Без осознания своей связи с мирозданием человечество рискует потерять равновесие в своем развитии.

В XXI веке человечество сталкивается с рядом глобальных вызовов, которые требуют не только новых технологий, но и принципиально нового мировоззрения. Космическое сознание становится одним из ключевых элементов такого подхода, поскольку оно позволяет людям осознавать взаимосвязь всех процессов на планете и за ее пределами. Современный взгляд на космическое сознание объединяет научные, культурные и духовные аспекты, помогая формировать целостное понимание мира.

Литература:

Бёк, Р. Космическое сознание. Исследование эволюции человеческого разума [Текст] / Р. Бек. – М: ООО Издательство «София», 2008. – 448 с.

Вентцель, К. Н. Вентцель [Текст] / К. Н. Вентцель. – М.: Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 1999. – 216 с.

Феодулова, И. А. На пути к воспитанию космического сознания ребенка [Текст] / И. А. Феодулова / Космическое мировоззрение – новое мышление XXI века. – 2004. – С. 294-305.

Фрейд, З. Недовольство культурой [Текст] / З. Фрейд / Психоанализ. Религия. Культура. – М.: Наука, 1991. – С. 66-73.

Эйнштейн, А. Религия и наука [Текст] / А. Эйнштейн / Собрание научных трудов. Т.4. – М.: 1967. – С. 126-129.

Екешев Д.В., Рогозина И.В.
Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова

ВЛИЯНИЕ ФОНОВОЙ МУЗЫКИ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ

Ключевые слова: учебная деятельность, когнитивные процессы, фоновая музыка, музыкальные предпочтения, эмоциональное состояние, академическая продуктивность.

Keywords: educational activity, cognitive processes, background music, musical preferences, emotional state, academic productivity.

Прослушивание фоновой музыки при помощи современных гаджетов в процессе трудовой и учебной деятельности все более и более проникает в повседневную жизнь людей, в результате чего возрастает научный интерес к этому относительно новому явлению. Ученых, в частности, интересует влияние музыки на познавательную деятельность человека. Т. Лезиук, исследуя субъективное восприятие фоновой рок-музыки, приходит к выводу об ее воздействии на результативность деятельности человека, при этом для одних рок-музыка становится источником мотивации, а для других – источником дискомфорта [Lesiuk 2005]. По данным метаанализа, проведенного Дж. Кампфе, фоновое музыкальное сопровождение может как улучшать, так и ухудшать результаты выполнения задач в зависимости от их типа. Так, спокойная инструментальная музыка способствует успешному осуществлению сложных

ментальных операций, в то время как она имеет низкую эффективность при выполнении рутинных действий, не сопровождающихся сколько-нибудь значительным умственным напряжением [Kämpfe 2011]. В некоторых исследованиях ученые приходят к выводу об отвлекающем эффекте, который вызывается прослушиванием музыки, особенно при выполнении задач, требующих высокой концентрации [Thompson 2012]. Кроме того имеются многофакторные исследования, ориентированные на необходимость учёта не только характеристик музыки (темп, громкость, жанр), но и индивидуальных особенностей слушателей, таких как личные предпочтения и текущее эмоциональное состояние [Gonzalez 2019]. Сказанное показывает, что в своих исследованиях авторы придают особое значение трем основным факторам – характеру музыки, особенностям выполняемой задачи и музыкальным предпочтениям человека.

Вместе с тем влияние фоновой музыки на когнитивные процессы и эмоциональный фон определенных возрастных категорий людей, перед которыми стоят познавательные задачи различной степени сложности, остаётся малоизученным и требует более глубокого исследования. Одной из таких возрастных категорий является студенческая молодежь, всё чаще интегрирующая фоновую музыку в учебный процесс, предполагающий выполнение самых различных заданий. В этой связи представляется важным выяснить, какие музыкальные произведения, по мнению студентов, наиболее подходят в качестве фона для осуществления различных видов учебной деятельности, и как они влияют на эмоциональное состояние данной возрастной и социальной группы. Соответственно, цель настоящего исследования заключается в том, чтобы выявить музыкальные предпочтения студентов при выполнении конспектирования, программирования, заучивания и пр. и те эмоциональные состояния, которые коррелируют с выбором фонового музыкального сопровождения.

Для получения необходимых данных мы провели опрос 53 студентов Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова. В процессе опроса респондентам было предложено ответить на следующие вопросы:

1. *Укажите характер и/или жанр музыки, который для Вас является наиболее подходящим для каждого приведенного ниже вида учебной деятельности:*
   - *конспектирование учебного материала _____;*
   - *подготовка к учебным занятиям _____;*
   - *разработка программ _____;*
   - *выучивание материала наизусть _____.*
2. *Что Вы чувствуете при прослушивании музыки во время учебной деятельности (например: умиротворение, боевой настрой, вдохновение и т.д.)_____.*

На основе ответов, полученных на первый вопрос, стало возможным выделить 4 группы музыкальных предпочтений, когда в зависимости от вида учебной деятельности оказываются востребованными (рис. 1):

- любая музыка;
- спокойная музыка;
- динамичная музыка;
- нулевая музыка (тишина).

Для написания конспектов большинство респондентов (51 %) считают подходящей любую музыку, которая им нравится. На втором месте – спокойная музыка (25 %), а на третьем – динамичная (15 %). Такие результаты, по всей видимости, указывают на то, что у респондентов возникает потребность в прослушивании фоновой музыки в связи с рутинностью выполняемых учебных действий, поскольку во время написания конспектов требуется лишь извлечение части готовой информации, которая будет перенесена на другой носитель. Подобные однообразные действия могут легко привести к утомлению и сонливости, а музыка, создающая определенный эмоциональный фон, позволяет преодолевать монотонность конспектирования, не требующего существенных когнитивных усилий. Возможно, именно поэтому многие студенты при написании конспектов готовы слушать любую музыку, независимо от ее жанровых и иных характеристик.

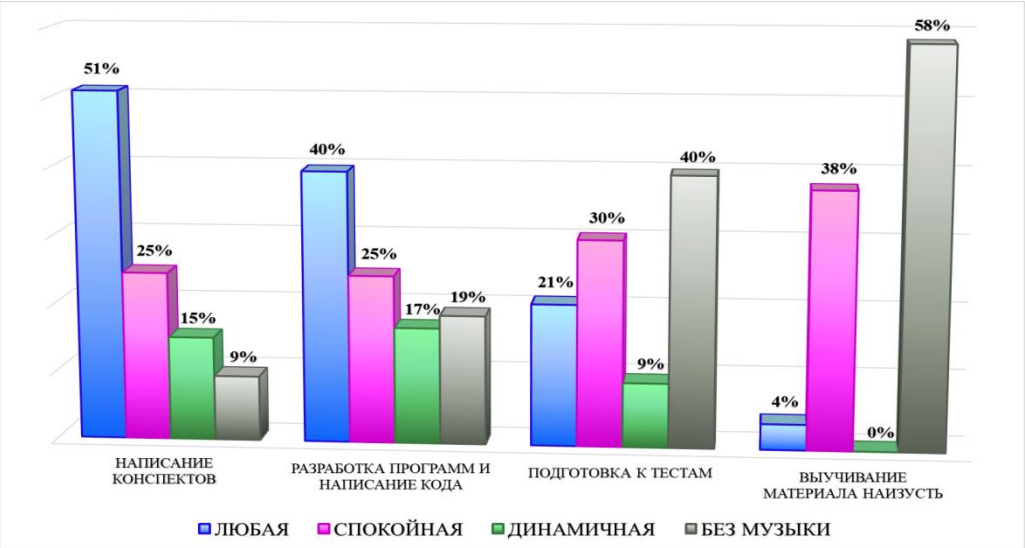

Рисунок 1 – Музыкальные предпочтения при выполнении различных видов учебной деятельности

Что касается разработки программ, то количество прослушивающих спокойную и динамичную музыку не меняется. Однако полученные данные фиксируют понижение количества желающих слушать любую музыку с 51 % респондентов до 40 %, и увеличение числа респондентов, нуждающихся в абсолютной тишине, с 9 % до 19 %, что кажется логичным. Разработка программ, в целом, требует б**о**льшей сосредоточенности, и именно это, на наш

взгляд, вынуждает часть респондентов отказываться от прослушивания фоновой музыки.

К учебным тестам большинство опрошенных студентов предпочитают либо готовиться в тишине (40 %), либо слушая спокойную музыку (30 %). Доля любой музыки (21 %) и динамичной (9 %) заметно снижается. Это, по всей вероятности, объясняется тем, что данный вид учебной деятельности требует глубокой концентрации и анализа информации, а активная музыка обладает отвлекающим эффектом при решении сложных задач. Спокойная же музыка, возможно, помогает некоторым респондентам снизить тревожность и настроиться на выполнение работы.

Выучивать что-либо наизусть сложнее всего, так как для этого нужна существенная концентрация внимания. Поэтому для данного вида деятельности многим требуется либо полная тишина (58 %), либо фоновое прослушивание спокойной музыки (38 %). Оказалось, что только два респондента (4 %) могут слушать любую музыку, выучивая учебный материал наизусть.

Таким образом, спокойная музыка чаще используется для выполнения заданий, требующих умеренной концентрации (конспектирование, программирование), вероятно, из-за её способности снижать стресс, создавать нейтральный фон и не отвлекать внимание. При этом динамичная музыка не пользуется особой популярностью в учебном контексте, так как она чаще отвлекает от работы, нежели позволяет сосредоточиться на ней. Вместе с тем вариант «любая музыка» лидирует в менее стрессовых учебных ситуациях, что объясняется субъективностью восприятия: для одних студентов музыка – способ изоляции от внешних шумов, а для других – источник мотивации.

Помимо общих предпочтений 13 % респондентов указали и конкретные жанры, которые они считают подходящими для разных видов учебной деятельности, а 11 % назвали только жанр, без описания характеристик музыки. Ответы этих двух групп показали следующие жанровые предпочтения в отношении фоновой музыки во время учебной деятельности:

- написание конспектов: классическая музыка (3), джаз (2), Lo-Fi (2), рок/металл (2), эмбиент (1);
- разработка программ: рок/металл (3), джаз (1), классическая (1), эмбиент (1);
- подготовка к тестам: классическая музыка (3), Lo-Fi (1), джаз (1), эмбиент (1);
- заучивание наизусть: классическая музыка (4), Lo-Fi (2), эмбиент (1).

Несмотря на то, что жанры были указаны только 25 % респондентов, можно все же прийти к некоторым выводам. Так, классическая музыка, Lo-Fi и джаз чаще востребованы при решении задач, требующих концентрации внимания (подготовка, выучивание наизусть), в то время как рок/металл упоминаются в связи с программированием и конспектированием, что, возможно, связано со стимулирующим эффектом этих жанров.

Упоминание жанров позволяет сделать следующие предположения:

1. классическая музыка и Lo-Fi воспринимаются как оптимальные для выполнения заданий, связанных с запоминанием и

обработкой информации и идеально подходят в качестве фона вследствие отсутствия отвлекающих элементов;

2. рок/металл, несмотря на динамичность, может использоваться для выполнения творческих или технических заданий (например, программирование), где ритм и энергия музыки служат источником мотивации для отдельных студентов;

3. джаз и эмбиент упоминаются в разных контекстах, что подчеркивает их универсальность для создания нейтрального фона.

Эти наблюдения, на наш взгляд, требуют подтверждения на материале, полученном от б**о**льшего количества респондентов, так как общая сумма ответов, содержащих указание на жанры, не позволяет делать статистически значимых выводов.

Ответы респондентов на второй вопрос распадаются на три группы в зависимости от степени их детализации (рис. 2). Первая группа респондентов смогла однозначно указать доминирующее состояние, возникающее при прослушивании музыки во время выполнения учебных задач:

- спокойствие (21 %);
- вдохновение (9 %);
- концентрация (6 %).

Из приведенных выше данных видно, что для большинства респондентов этой группы наиболее востребованным состоянием является спокойствие, необходимое для стабильной работы.

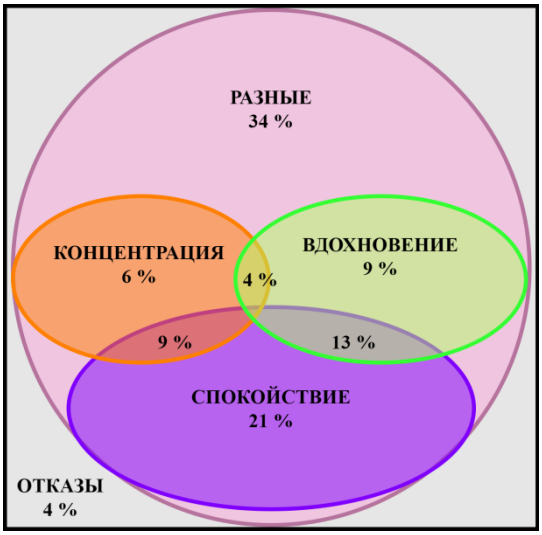

Рисунок 2 – Состояния, вызываемые прослушиванием фоновой музыки

Ко второй группе мы отнесли ответы, которые содержали комбинации этих состояний:

- спокойствие и вдохновение (13 %);
- спокойствие и концентрация (9 %);
- вдохновение и концентрация (4 %).

Примечательно, что и во второй группе ответов спокойствие как наиболее востребованное состояние доминирует.

Следует обратить внимание на то, что самая большая часть респондентов (34 %) не смогла дать однозначного ответа, так как музыка вызывает у них целый спектр состояний, которые зависят от многих обстоятельств, таких как характер музыки, настроение, предпочтения и пр.

Основываясь на полученных данных, можно сказать, что спокойствие – это наиболее востребованное респондентами состояние, которое достигается прослушиванием фоновой музыки, способной повышать эффективность учебной деятельности. Оно часто сочетается с концентрацией и вдохновением, что указывает на роль спокойствия в создании баланса между расслаблением и продуктивностью. При этом значительная часть респондентов подчеркивает, что влияние музыки не однозначно и может вызывать разные состояния в зависимости от некоторых факторов, таких как характеристики музыки, предпочтения слушателя и окружающая обстановка. Реакции *концентрация и вдохновение* менее распространены, что может говорить о том, что музыка чаще используется для фоновой поддержки, а не для активной мотивации студентов. Также можно сказать, что для задач, требующих сосредоточенности (написание конспектов, заучивание), спокойная музыка может быть оптимальной. Для творческих задач (программирование) допустимы эксперименты с разными жанрами, включая энергичные.

Проведенное исследование показывает, что прослушивание фоновой музыки способно существенно влиять эффективность учебной деятельности, а ее выбор определяется особенностями выполняемого задания. Для выполнения заданий, требующих высокой концентрации (подготовка к тестам, заучивание), большинство студентов предпочитает тишину или спокойную музыку, а для решения рутинных или творческих задач (конспектирование, программирование) допустимы различные жанры, включая динамичную музыку. Ключевыми состояниями, необходимыми для выполнения учебных заданий, являются спокойствие, концентрация и вдохновение, причем спокойствие доминирует как фактор, способствующий балансу между расслаблением и продуктивностью. Такие жанры, как классическая музыка, Lo-Fi и джаз, чаще ассоциируются с концентрацией, тогда как рок/металл может служить инструментом для повышения настроя на решение задач и стимулом для выполнения монотонной работы.

Литература:

Gonzalez, M.F. More than meets the ear: Investigating how music influences cognitive task performance [Эл. ресурс] / M.F. Gonzalez, J.R. Aiello // Journal of Experimental Psychology. – 2019. – № 25. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/330693127_More_Than_Meets_the_Ear_Investigating_How_Music_Affects_Cognitive_Task_Performance

Kämpfe, J. The impact of background music on adult listener: A meta-analysis. [Эл. ресурс] / J. Kämpfe, P. Sedlmeier, F. Renkewitz // Psychology of Music. – 2012. – № 39. – С. 424. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/221898291_The_impact_of_background_music_on_adult_listener_A_meta-analysis

Lesiuk, T. The effect of music listening on work performance [Электронный ресурс] // Psychology of Music. – 2005. – № 33. – Pp. 173-191. – Режим доступа: https://gwern.net/doc/psychology /music/ distraction/2005-lesiuk.pdf

Thompson, W.F. Fast and loud background music disrupts reading comprehension [Электронный ресурс] / W.F. Thompson, E.G. Schellenberg, A.K. Letnic, // Psychology of Music. – 2012. – №40(6). – Pp. 700-708. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/ 230746037_Fast_and_loud_background_music_disrupts_reading_comprehension

Ершова Т.А., Заряева Т.В., Лисовой Е.А.
Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова

ИССЛЕДОВАНИЕ СПОСОБНОСТЕЙ ИИ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)

Ключевые слова: генеративные нейросети, ИИ, интерпретация, прецедентный текст, GPT.

Keywords: generative neural networks, AI, interpretation, precedent text, GPT.

Настоящая работа посвящена анализу достоверности и семантической точности информации, содержащейся в текстах, генерируемых нейросетевыми моделями. Актуальность исследования обусловлена стремительным развитием технологий искусственного интеллекта, а также расширением спектра их применения в различных сферах человеческой деятельности. За последние десятилетие ИИ прошёл путь от инструментов, ориентированных преимущественно на обработку и анализ больших объёмов данных, до креативных систем, способных к генерации изображений, музыкальных произведений и литературных текстов.

Искусственный интеллект всё шире используется не только для выполнения рутинных задач, таких как сложные вычисления и анализ данных, но и для творческой деятельности – рисования, сочинения музыки и поэзии. Генерируемые или доработанные при помощи ИИ тексты сегодня находят применение в самых разных сферах – от студенческих курсовых работ до художественной литературы. Так, в 2024 году китайский роман «Земля воспоминаний», созданный с использованием ИИ профессором Пекинского университета Цинхуа Шэнь Яном, стал победителем конкурса научной фантастики среди молодежи провинции Цзянсу. Объём романа составил около 6 тысяч иероглифов.

Процесс порождения связного и контекстуально релевантного текста представляет собой когнитивно сложную задачу, требующую системных знаний, языковой интуиции, культурной компетенции и критического анализа, которыми ИИ пока в полной мере не обладает. Вопрос остаётся открытым: способен ли ИИ адекватно распознавать и интерпретировать культурно

значимые единицы языка – прежде всего, прецедентные высказывания, играющие важную роль в политическом дискурсе?

Цель нашего исследования заключается в выявлении способности нейросетевых моделей корректно интерпретировать смысл устойчивых выражений – прецедентных текстов – на русском и английском языках. В рамках проведённого эксперимента были протестированы четыре популярные нейросетевые модели: YandexGPT, ChatGPT, GigaChat и Bothub. Эти фразы, известные как прецедентные тексты (термин, введенный российским лингвистом Ю. Н. Карауловым), хорошо известны и легко распознаваемы представителями определённой социокультурной общности.

К числу характерных признаков прецедентных текстов относят: узнаваемость, частотность употребления, закреплённость за конкретной исторической или культурной ситуацией, а также символическую насыщенность. Источниками подобных высказываний, как правило, служат произведения массовой культуры, высказывания политических и общественных деятелей, тексты рекламы, художественной и публицистической литературы.

Знание определенного набора прецедентных текстов служит «показателем принадлежности индивида к конкретной эпохе и ее культуре» [Караулов, 2003: 216]. Эти тексты обладают двойным контекстом – они функционируют как в рамках исходной ситуации, так и в новых дискурсивных условиях, выступая в роли культурного кода. Их использование стало одной из характерных черт современного дискурса благодаря их сильному экспрессивному потенциалу.

Некорректная интерпретация подобных выражений может привести к искажению смысла и коммуникативному сбою. Учитывая возрастающее влияние ИИ в сфере генерации текстов, настоящее исследование выявляет насколько корректно нейросети могут определить значение и происхождение известных фраз русских, британских и американских политиков.

В рамках эксперимента были отобраны 15 известных цитат В. Путина, Д. Медведева, В. Черномырдина, Д. Трампа, Дж. Буша-старшего, Р. Рейгана, Т. Рузвельта и Т. Мэй. Каждой из нейросетей было предложено ответить на два вопроса: 1) *Что означает выражение «...»? 2) Откуда происходит выражение «...»?* Ответы анализировались по следующим критериям:

1. семантическая точность (насколько передан общий смысл);
2. культурная релевантность (распознана ли отсылка к событию/источнику);
3. интерпретационная глубина (есть ли понимание иронии, метафоры, позиции говорящего).

Следует отметить, что некоторые из выражений уже приобрели статус фразеологических единиц и прочно ассоциируются с конкретными историческими личностями. Ниже представлена таблица 1 с некоторыми результатами, полученные в ходе исследования.

Результаты исследования показали, что GPT Chat Bot (60 % верных ответов) силен в смысловой интерпретации на среднем уровне точности

происхождения. В ходе эксперимента модель демонстрировала частичную путаницу дат и политических деятелей. Так, высказывание В.С. Черномырдина «Никогда такого не было, и вот опять» означает «безысходность и иронию в отношении повторяющихся проблем или ситуаций», а своим появлением высказывание, по мнению GPT Chat Bot, и вовсе принадлежит Д.А. Медведеву, датируясь 2010 годом.

YandexGPT (80 % верных ответов) лучше всех справляется с историческим контекстом в русском сегменте. Большинство запросов получило положительные результаты, с точным указанием значения, автора и года. Результаты наглядно представлены на Рисунке 1.

Таблица 1 – Результаты распознания прецедентных текстов разными янейросетевыми моделями

Прецедентный текст	Происхождение	Yandex GPT	GPT Chat Bot	Giga Chat	Bothub
Много говорить не буду, а то опять чего-нибудь скажу	Виктор Черномырдин	Верно	Неверно	Неверено	Результаты не получены
Никогда такого не было, и вот опять	Виктор Черномырдин	Верно	Неверно	Неверно	Неверно
Где посадки?	Владимир Путин	Неверно	Неверно	Неверно	Неверно
Make America great again	Дональд Трамп	Верно	Верно	Верно	Верно
Read my lips.	Дж. Буш-старший	Верно	Верно	Верно	Верно

GigaCHAT (~ 45 % верных ответов) эффективен в распознавании смысла, но не в определении источников, контекст часто требует доработки. Так, известный путинизм «Их прислали подглядывать, а они подслушивают» получил точное толкование значения, но происхождение афоризма определить модели не удалось.

Из всех протестированных моделей Bothub (30 % верных ответов) демонстрирует наихудшие результаты. Модель приводила вымышленные источники, путала авторов высказывания, предлагала буквальное значение, а порой и вовсе не давала точных ответов. Подтверждением этому служит вышеупомянутое высказывание В.С. Черномырдина «Никогда такого не было, и вот опять», которое, по мнению чата, принадлежит телеведущему программы «Поле Чудес» Леониду Якубовичу, а выражение «У кого руки чешутся? У кого чешутся – чешите в другом месте» и вовсе не удалось определить.

Полученные данные указывают на наличие ограничений у современных нейросетевых моделей в части обработки культурно-маркированных выражений. Несмотря на высокий уровень языковой обработки и способность к

генерации грамматически корректных текстов, ИИ не всегда способен воспроизвести сложные смысловые и культурные нюансы, характерные для прецедентных высказываний. Более того, даже при отсутствии достоверной информации модели склонны выдавать ответ, что может вводить пользователя в заблуждение.

Значительная проблема возникает при работе с русскими прецедентными высказываниями, особенно обладающими иронической или исторически-насыщенной природой. Наиболее уязвимой зоной оказалась способность GPT к оценке политической функции фразы. Так, в случае с высказыванием *«Мы их в сортире мочить будем»*, публично использованным В. В. Путиным, модель интерпретирует это как «угрозу в адрес террористов», не улавливая ни экспрессивности, ни роли этого выражения в формировании политической риторики начала 2000-х годов в РФ.

Таким образом, можно сделать вывод о необходимости критического подхода при использовании ИИ в сфере текстогенерации, особенно в контекстах, требующих социокультурной чувствительности и богатых фоновых знаний. Эксперимент показал, что GPT обладает значительным потенциалом для буквального анализа, однако недостаточно компетентна в интерпретации прецедентных высказываний, особенно когда последние требуют знания культурного контекста, иронии, внутриполитических аллюзий. Это подтверждает тезис о том, что ИИ пока не обладает культурной субъектностью, а его понимание ограничено вариативностью смыслов.

Использование нейросетевых решений в гуманитарных науках должно сопровождаться экспертной верификацией и интерпретацией полученных результатов.

Литература:

Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов – 7-е изд. – Москва: ЛКИ, 2010 – 264 с.

Черномырдинки [Электронный ресурс] / Свободная энциклопедия Википедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Черномырдинки

20 высказываний Путина, ставших афоризмами [Электронный ресурс] // РИА Новости. – Режим доступа: https://ria.ru/20080507/106744531.html

Chik, H. A Chinese professor used AI to write a science fiction novel. Then it was a winner in a national competition [Электронный ресурс] / H. Chik // My News. South China Morning Post. – Режим доступа: https://www.scmp.com/news/china/science/article/3245725/chinese-professor-used-ai-write-science-fiction-novel-then-it-won-national-award

Катракова Е.И., Тискова О.В.
Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ С ИИ: ВОЗМОЖНОСТИ НЕЙРОСЕТИ В РАБОТЕ С АВАНГАРДНЫМИ ПРОИЗВЕДЕНИЯМИ

Ключевые слова: нейросети, поэтический авангард, стихотворения, анализ произведений, генерирование словообразований, стихотворные формы.

Keywords: neural networks, poetic avant-garde, poems, analysing works, word generation, verse forms.

За последние несколько лет искусственный интеллект стал частью современного мира, упрощая работу человека во многих сферах деятельности. Нейросети обрабатывают большие массивы информации, как генерируя ответы на простые запросы пользователей, так и создавая уникальный контент. Одним из спорных, но достаточно перспективных направлений развития данной технологии является искусство. Люди задаются вопросами: может ли нейросеть создать оригинальное произведение искусства? Способна ли она подражать стилю известных авторов? Особенно интересна проблема возможностей нейросетей в литературе. В частности, стоит уделить внимание авангардной поэзии – нестандартному жанру, который отличается от классической традиции написания стихотворений своим необычным подходом к формату строк и словоформ, наличием странных метафор и игры слов. Цель нашего исследования – проверить возможности нейросети работать с поэтическим авангардом и создавать нечто подобное.

Для начала стоит проверить способность нейросети к анализу и пересказу авангардных стихов. Для этой задачи было выбрано произведение «Человек устроен из трех частей» Даниила Хармса – советский поэт, в творчестве которого присутствуют ритмичность, динамичность и легкий абсурд [Хармс, эл.ресурс]. Для этого эксперимента было задано два запроса для нескольких видов нейросетей, с одинаковым вопросом, но разным уровнем конкретизации: указанием автора и названия и полного текста стихотворения. При коротком запросе было получено два крайне неправильных ответа, искусственный интеллект предоставил пересказы, никак не связанные с текстом. В одном случае мы получили пересказ следующего содержания: «Рассказ начинается с описания встречи двух мужчин на улице. Один из них рассказывает другому о странном случае, произошедшем с ним ранее. Он встретил незнакомца, который заявил, что человек состоит из трёх частей: головы, туловища и ног. Далее рассказчик предлагает собеседнику самому проверить эту теорию, но тот отказывается, мотивируя это тем, что всё это глупости. Разговор постепенно смещается на другие темы, включая нищету и повседневную жизнь, после чего мужчины расстаются». При анализе были выделены четкая структуру текста, абсурдность, философский подтекст, символизм, комичность и трагичность в

произведении. Вторая нейросеть предлагает абсолютно другой вариант пересказа: «Сначала всё выглядит привычно: душа и тело. Но неожиданно добавляется третий элемент – паспорт, который оказывается важнее всего. Без него, по логике стихотворения, нельзя доказать, что душа и тело вообще твои. Хармс высмеивает бюрократическую систему, где документ важнее самого человека. Тело объявляется «прахом», душа – «сном», а единственной реальностью становится бумажка, подтверждающая личность. Стихотворение звучит как детская считалка, но говорит о взрослых проблемах: о формализме, о подмене настоящих ценностей, о том, как система делает человека зависимым от документов». Оба ответа показывают, что искусственному интеллекту проблематично анализировать авангардную поэзию исходя только из названия и автора: присутствуют вымышленные фрагменты, никак не связанные с оригинальным текстом. Оба варианта, являясь абсолютно разными (пересказ сюжета и рассуждение) не соответствуют содержанию исходного стихотворения. Можно сделать вывод, что ответ был основан на характерных особенностях творчества Хармса и на подобных фразах или текстах из открытого доступа в сети «Интернет».

Если же изменить запрос, включив в него полный текст стихотворения, результат будет в разы лучше. Пересказ составлен без фактологических ошибок: «Стихотворение начинается с утверждения, что человек состоит из трёх частей, но тут же это опровергается: вместо чёткой анатомии называются борода, глаз и пятнадцать рук. Потом оказывается, что это и не руки вовсе, а что-то другое. Всё подаётся в игровой, почти песенной форме с бессмысленными возгласами, создавая впечатление весёлого абсурда». А при анализе нейросеть использовала цитаты для подтверждения своего ответа: «Стихотворение написано в характерной для Хармса абсурдистской манере, с повторами, ритмичными восклицаниями («Хэу-ля-ля, дрюм-дрюм-ту-ту!») и нарочито бессмысленными образами. Напоминает детский стишок или считалку, но с гротескным содержанием. Заявлено, что человек состоит из трёх частей, но конкретно названы борода, глаз, пятнадцать рук и ребро – явный алогизм. Число «пятнадцать» повторяется, но потом опровергается: «не рук пятнадцать штук», а что-то другое (но что – неизвестно). Возможная интерпретация: пародия на рационалистические попытки разложить человека на части, высмеивание механистического взгляда на природу. Хармс разрушает логику, создавая комический эффект. Повторы и внезапные изменения («А, впрочем…») усиливают ощущение хаоса. Звукопись («дрюм-дрюм-ту-ту») добавляет ритмичности, напоминая то ли барабанный бой, то ли детские дразнилки». Исходя из полученных ответов на наши запросы разным нейросетям, можно сказать о среднем уровне обученности искусственного интеллекта для работы с нестандартными произведениями: приемлемый результат достигаем только при предоставлении оригинального текста.

Немаловажной особенностью поэтического авангарда является наличие необычных словоформ. Для проверки возможности подражать авангардным авторам в данном случае был выбран Велемир Хлебников, для творчества

которого характерны эксперименты в области словообразования, ритмики и языка [Хлебников, эл. ресурс]. Нейросетями было создано два стихотворения с необычными выражениями и фразами, а также было дано значение новых слов.

Первое стихотворение содержало следующие неологизмы: фырболик – маленький юркий зверёк, весело скачущий среди цветов, лоскушница – лёгкое облачко, играющее солнечными лучами, сверчокваска – весёлая песня сверчков, разливающаяся по ночному саду, стрекозочка – быстрая стрекоза, сияющая радужными оттенками.

Во дворе гуляет фырболик,
Светится лоскушницей закат.
Играет музыка сверчокваски –
Танцуют мошки там и тут.
Взлетает яркая стрекозочка,
Кружатся листья в синеве.
И кажется – пришла весна уж точно,
Жизнь брызжет радостью везде!

Второе стихотворение также содержало ряд слов схожих со стилем Хлебникова. Звоньтрава – это трава, которая звенит под ветром, как струны, крылошепт означает шум крыльев, похожий на шёпот, светозвон – солнечный зайчик, звенящий на воде, тенегубами называются шепчущие тени, оставленные губами, а стрекотень – это сумеречный стрекот, обволакивающий землю.

Где звоньтрава поёт
В поле звоньтрава звенит,
Крылошепт во тьме скользит.
Светозвон – как жаркий смех,
Тонкий, жёлтый, лёгкий грех.
А в овраге – тенегубы,
Шевелятся, прячут зубы.
Стрекотень ползёт во мглу,
Словно сеть из тёплых стрел.

После было проверено наличие таких слов в открытых источниках информации. Результаты показали, что практически все слова действительно являются результатом генерации на основе обычных слов, однако «стрекозочка» встречается как уменьшительно-ласкательная форма «стрекозы», а «светозвон» – это название музыкального жанра и музыкального фестиваля. Таким образом можно сделать вывод о хорошем выполнении запроса нейросетью, так как все неологизмы были сгенерированы в стиле Велимира Хлебникова, а ранее существующие слова представлены с новым значением.

Следующее, что мы проверяли – возможность нейросети создавать стихотворения с нестандартным расположением слов. Здесь были выбраны произведения «Из улицы в улицу» и «Утро» Владимира Маяковского, которые были написаны в формате «лесенки», где строка содержит одно слово [Маяковский, эл. ресурс]. В данном запросе, мы столкнулись с трудностями

запроса: правильные варианты были даны только в двух случаях. При предоставлении полного текста, как в запросах со стихами Хармса, стихотворение выглядело следующим образом:

Асфальт лижет фонарь –
желтый клык.
Толпа
рвёт
ветер в клочья.
Трамвай
взвыл,
как нож по стеклу.
А небо –
ржавая скоба.

Если же задавать точный запрос, где нейросети было объяснено, что подразумевается под «лесенкой», то стихотворение будет выглядеть следующим образом:

Город
Улица –
рваный рот.
Гром –
жуёт гудки.
Утро.
Дым –
в зубах у дня.
Время –
рвёт жилы.
Шаг –
в бездну.
Свет –
нож.
Толпа –
в черепа!
Город –
рёв, сталь, огонь.
Солнце –
золотой грабитель!

Данные примеры свидетельствуют о достаточном уровне обученности искусственного интеллекта для подражания необычному формату строк, но стоит учитывать, что запрос должен быть подробным, иначе нейросеть выдаст некорректный ответ.

В конце нашего исследования мы решили проверить, способна ли нейросеть определять сгенерированное авангардное стихотворение. Здесь мы снова обратились к произведениям Даниила Хармса и попросили одну нейросеть создать текст на основе его творчества [Хармс, эл. ресурс]:

Сапог залез на небо пить чернила,
а небо село на пенёк и сгнило.
Осталась лужа, круглая, как «О»,
но буква «О» ушла кипеть в окно.
Теперь сижу, считаю: раз, два, три –
а три уже давно лежит в пыли.
Что дальше? Дальше – пустота и хлоп.
И я исчез. Остался только топ.

Нескольким нейросетям был предоставлен данный текст с целью установления авторства и применения современных технологий при его создании. Ответы были достаточно разными: какие-то называли авторами данного произведения Велемира Хлебникова, Алексея Цветкова, Корнея Чуковского и было два ответа, что это возможно стих Даниила Хармса и указаны даже сборники, где могло бы быть это произведение. Нейросеть дает неверные ссылки, которые при проверке через поисковые системы сразу всплывают. Если же пытаться установить наличие применения алгоритмов генерации при написании, то нейросети допускают возможность, что текст создан не человеком, и одним из аргументов называют отсутствие подтверждения путем проверки в авторитетных источниках или предоставления. Но некоторые нейросети, если же и считают это сгенерированным, то признают его талантливым. Из этого можно сделать вывод о том, что нейросети трудно определить сгенерированный ли текст, или у него действительно есть автор.

В заключении нашего эксперимента можно сделать вывод о том, что нейросети способны работать с запросами по авангардной поэзии, анализируя и пересказывая тексты и отслеживая особенности такого литературного направления, однако существует высокий риск получения некорректного ответа с фактологическими ошибками, который снижается только предоставлением полного произведения. Создание авангардных стихов на основе произведений известных авторов, с сохранением стилистики и особенностей жанра, дается нейросети легче: она генерирует новые слова, старается сохранять необычное расположение строк и создавать тексты, которые искусственный интеллект может спутать с текстами, написанные людьми. В настоящее время существуют различия в уровне обученности и доступа к материалам, на которых основывается та или иная нейросеть, в связи с чем и возникает проблема определения сгенерированного текста.

Данная тема имеет перспективу на углубление анализа и последующего изучения в связи с постоянным улучшением технологий ИИ.

Литература:

Маяковский, В.В. Во весь голос (сборник) [Электронный ресурс] / В.В. Маяковский – Режим доступа: https://www.litres.ru/book/vladimir-mayakovskiy/vo-ves-golos-21991874/

Хармс, Д.И. Стихи [Электронный ресурс]. /Д.И. Хармс – Режим доступа: https://www.culture.ru/literature/poems/author-daniil-kharms

Хлебников, В. Творения (сборник) [Электронный ресурс] / В.Хлебников – Режим доступа: https://rvb.ru/20vek/khlebnikov/mat/contents.htm

Кудрявцев И.Д.
Алтайский государственный технический
университет им. И.И. Ползунова

ФЕНОМЕН ЧИНГЛИШ КАК РЕЗУЛЬТАТ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ АНГЛИЙСКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Ключевые слова: Чинглиш, межъязыковая интерференция, китайский английский, калькирование, переводческие ошибки, языковая специфика, лингвокультурные различия.

Keywords: Chinglish, interlanguage interference, Chinese English, calquing, translation errors, linguistic specifics, linguistic and cultural differences.

Термином «чинглиш» обозначается «английский язык с китайской спецификой», на котором говорят и пишут изучавшие его в вузах и на курсах этнические китайцы, которые привносят в английский устный и письменный язык некоторые особенности своего родного языка [Черемисина 2021: 182]. Этот особый вариант китаизированного английского языка, возникший в результате многолетнего взаимодействия и взаимовлияния английского и китайского, в последнее время все чаще оказывается в фокусе внимания лингвистов и специалистов в области перевода и является ярким примером межъязыковой интерференции. Как отмечают некоторое исследователи [Козлова 2017: 16], понятие интерференции было заимствовано в лингвистику и теорию обучения иностранным языкам из психологии, в рамках которой оно понималось как возникновение помех вследствие переноса навыков и умений из одного вида деятельности в другой. В лингвистике интерференция понимается как «взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при контактах, либо при индивидуальном освоении неродного языка; выражается в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного» [ЛЭС 1990: 685]. Сама природа межъязыковой интерференции делает невозможным ее полное устранение при освоении иностранного языка, однако существуют факторы, способные минимизировать ее проявление. В данной статье мы рассмотрим причины возникновения чинглиш и приведем примеры межъязыковой интерференции китайского и английского языков.

Языковой феномен чинглиш возник на стыке двух языков в ответ на потребность Китая соответствовать современным образовательным стандартам. Однако большинство китайцев в процессе перевода с китайского на английский допускают множество ошибок. Самые распространенные ошибки при переводе у китайцев – это дословный перевод на английский язык китайских выражений, грамматических структур и речевых оборотов, что нередко приводит к неестественным, алогичным формулировкам, содержащим грамматические ошибки. Чинглиш проявляется как в письменной, так и в устной речи, создавая трудности в понимании и осложняя коммуникацию.

Рассуждая о предпосылках возникновения чинглиш, исследователи П. Дж. Митчелл и А.Н. Зарубин утверждают, что английский язык был завезен в Китай британскими торговцами в XVII в. и стал своего рода «способом коммуникации в торговле» между китайцами и британцами. Спустя три века, в 1982 г. КНР приняла английский язык в качестве главного иностранного языка в образовательных стандартах, что поспособствовало его дальнейшему укоренению и распространению среди населения Китая [Митчелл 2013: 70]. С момента введения английского языка в образовательную среду Китая чинглиш все больше и больше распространял свое влияние, при этом к причинам столь широкого его распространения можно смело отнести устаревшие подходы к обучению английскому языку в школах и вузах Китая. Еще одним фактором укоренения чинглиш стала популяризация машинного перевода без последующего должного редактирования. В случае, если редактирование происходит, оно, как правило, выполняется китайцами без помощи носителей английского языка, что достаточно сильно влияет на конечный результат и усложняет понимание текста перевода. Если же перевод с китайского на английский производится вручную, излюбленным переводческим приемом китайских переводчиков является калькирование, то есть копирование структур единиц исходного текста и создание новых единиц в языке перевода. Можно уверенно сказать, что на сегодняшний день, к сожалению, чинглиш максимально прочно закрепился в китайском образовании и в обществе, утроив свое влияние, как и на изучение английского языка, так и на выполняемые переводы. Способность выражать мысли на английском языке является крайне трудной задачей для большинства китайцев, так как процесс изучения английского не сопрягается с современными реалиями и сопровождается использованием большого числа неаутентичных моделей. При прочтении переводов с китайского на английский язык возникает глубокое недопонимание, что затрудняет усвоение информации. Неудачные варианты перевода можно встретить в общественных местах, магазинах, туристических объектах, гостиницах, аэропортах и т.п., а также в художественных текстах и фильмах.

Рассмотрим несколько особенностей, характерных для чинглиш. К ним относятся неправильное использование английских артиклей или их частичное или полное отсутствие; использование глаголов в форме инфинитива или + ing форме в любом времени (*Yesterday I come. I will doing*); отсутствие *shall, will, have / has / had* как атрибутов различных времен со смысловой заменой их на обстоятельство времени в начале фразы и инфинитив глагола, что соответствует китайскому строю предложения; отсутствие флексий *-s* и *-es* в глаголах-сказуемых настоящего простого времени с подлежащим третьего лица единственного числа; неправильное использование глаголов *do* и *be*, а также модальных глаголов; неправильное использование переходных глаголов; неправильное использование единственного и множественного числа существительных и связанных с этим форм глаголов и согласований.

Например:

二零二零年您没有订货:

In year 2020 there is no your order. (китайский вариант перевода).

There were no orders from you in 2020. (корректный вариант).

К другим характерным особенностям чинглиш относится неправильное употребление местоимений 3-го лица единственного числа. Некорректное использование местоимений *he, him, his* для всех родов обусловлено наличием в китайском языке трех иероглифов, обозначающих местоимения:

他 – он, 她 – она, 它 – оно.

Эти местоимения пишутся по-разному, но произносятся одинаково как [ta]. Для чинглиш также характерно неправильное использование предлогов и замена их на китайские аналоги часто с добавлением элементов указания направления, что свойственно китайскому языку. Неправильное употребление глаголов *let* и *make* в чинглиш объясняется тем, что в китайском языке их функцию выполняет один глагол 让 – rang, который в зависимости от контекста означает «позволять» или «побуждать». Использование глагола *speak* вместо *say, tell, talk* обусловлено тем, что в разговорном китайском языке их значение передает один глагол 说. Трансформированный порядок слов в вопросительных предложениях обусловлен многовариантностью постановки одного и того же вопроса, что приводит к неверной лексико-грамматической кальке. Приведем несколько интересных примеров перевода с китайского языка на английский, в результате которого получились английские фразы «с китайской спецификой».

滋补乳鸽锅 (zi buru ge guo – «питательный суп из голубей») – nutritious young pigeon casserole;

废电池箱 (feidian chi xiang – «ящик для использованных батареек») – abandon Batter box;

有您的参与 垃圾不会无家可归 (you nin de can yu la ji bu hui wu jia ke gui – «С нами мусор попадет туда, где ему место!») – If you would like to join us, rubbish will never be homeless;

小心滑倒 (xiaoxin huadao – «Осторожно, скользкий пол!») – slip and fall down carefully.

Эти примеры иллюстрируют, что неудачные переводы приводят не только к недопониманию, но и могут вызвать негативные последствия для восприятия при восприятии людьми, не владеющими китайским языком.

Итак, феномен чинглиш возник как результат межъязыковой интерференции китайского и английского языков. Причинами столь сильной интерференции послужили тесные контакты китайской и английской лингвокультур на фоне огромных различий в языковом строе китайского и английского. Дополнительными факторами, имеющими немаловажное значение в распространении и укоренении феномена чинглиш выступают

устаревшие подходы к обучению английскому языку в школах и вузах Китая, основанные на полном следовании за учителем, использование устаревших словарей и учебно-методических материалов, отсутствие должного редактирования переводов с китайского на английский.

Литература:

Engrish.com [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.engrish.com/

LTL-school.com [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.ltl-school.com/

Козлова, Л.А. Феномен интерференции с позиции трансдисциплинарного подхода / Козлова Л.А., Бобович Е.Р. / Современное гуманитарное научное знание: мультидисциплинарный подход, 2017. – Барнаул, АлтГТУ, 2017. – С.16.

Лингвистический энциклопедический словарь [Текст]. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 680 с.

Митчелл, П.Дж. Чинглиш – культурный феномен [Текст] / Митчелл П.Дж., Зарубин А.Н. // Культурология и искусствоведение. – 2013. – №1(9). – С. 70.

Митчелл, П.Дж. The English language internationally: An introduction to the case of China / П.Дж. Митчелл, А.Н. Зарубин // Язык и культура: сборник материалов XXII Междунар. науч. конф. / под ред. С.К. Гураль. – Томск, 2012. – С. 14-20.

Черемисина, Т.И. Китайские заимствования в современном английском языке как элемент культурно-языковых контактов [Электронный ресурс] / Т.И. Черемисина. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskie-zaimstvovaniya-v-sovremennom-angliyskom-yazyke-kak-element-kulturno-yazykovyh-kontaktov/viewer

Черемисина, Т.И. Компонентное моделирование чинглиш как специфического явления межкультурной коммуникации [Электронный ресурс] / Т.И. Черемисина. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/komponentnoe-modelirovanie-chinglish-kak-spetsificheskogo-yavleniya-mezhkulturnoy-kommunikatsii/viewer

Макарова С.А., Кремнева А.В.
Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова

ТЕСТИРОВАНИЕ СПОСОБНОСТЕЙ НЕЙРОСЕТ К ТОЛКОВАНИЮ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФРАЗ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Ключевые слова: ИИ, нейросеть, Giga Chat, прецедентные фразы, критическое мышление.

Keywords: AI, neural network, Giga Chat, precedent phrases, critical thinking.

В течение последних десятилетий искусственный интеллект произвел революцию в целом ряде областей человеческой жизни от сферы развлечений до финансов, медицины и образования. Эта новое свойство реальности потребовало осмысления и описания и вызвало тревогу у представителей гуманитарного знания, занимающихся изучением человека и человеческого сознания. Иронически рассуждая о типах современных людей, антропологи А. Соловьев и О. Пузырева выделяют «Smart-человека» или Homo GPT [Соловьев, эл. ресурс], безоговорочно доверяющего свою жизнь «умным

девайсам». Окруженный «умными» цифровыми помощниками, ставшими для него некими «техно протезами», такой человек обращается к искусственному интеллекту при возникновении любой умственной задачи от простого арифметического действия или написания несложного текста до составления бизнес-плана. Однако делегирование какой-либо задачи искусственному интеллекту не только дает человеку преимущества, но и влечет за собой негативные последствия. С одной стороны, такое делегирование помогает справиться с высоким темпом жизни и большими требованиями, предъявляемыми к современному человеку, способствует снижению когнитивной нагрузки, повышает эффективность и точность выполнения некоторых задач. С другой стороны, многочисленные исследования показали, что при постоянном делегировании какой-либо задачи «умному помощнику» человеческий мозг неизбежно теряет навык выполнения этой задачи самостоятельно. Например, навыки выполнения арифметических действий в уме были значительно ослаблены после введения в повсеместное использование электронных калькуляторов. Вследствие постоянного наличия доступа к практически любым данным благодаря поисковым системам ухудшаются способности человека к запоминанию, а также снижается склонность к глубокому анализу полученной информации. По данным нейрофизиологов у людей, постоянно использующих электронные навигаторы GPS, происходят изменения в активации гиппокампа – части лимбической системы головного мозга, участвующей в механизмах перехода кратковременной памяти в долговременную, а также в формировании пространственной памяти.

В настоящее время большой интерес вызывает когнитивное и социальное воздействие искусственного интеллекта в виде нейронных сетей, повсеместно использующихся для решения различных задач. В условиях образовательной среды использование нейросетей несет как потенциальные преимущества для обучающихся, так и возможные угрозы. Одной из них является ослабление навыка критического мышления, т.е. способности человека анализировать полученную информацию, давать ей оценку, принимать на ее основе взвешенные решения. Критическое мышление является фундаментальным навыком, необходимым для успешного освоения новых знаний, развития профессиональных, социальных и гражданских компетенций.

В целях развития навыка критического мышления в ходе использования искусственного интеллекта был проведен небольшой эксперимент с группой студентов, обучающихся на факультете информационных технологий и часто использующих различные нейросети для решения задач, связанных с образовательным процессом. Объектом исследования выступила новая русскоязычная мультимодальная нейросетевая модель Giga chat, предметом исследования – способность Giga chat адекватно интерпретировать выражения, ставшие прецедентными благодаря СМИ, и широко используемые в коммуникативных практиках. Смысл прецедентных фраз, понятный всем представителям определенной лингвокультуры, не равен сумме компонентов,

входящих в состав таких выражений, благодаря фоновой экстралингвистической информации, учет которой необходим при использовании прецедентных фраз в коммуникации. В ходе эксперимента мы попытались установить, способна ли нейросеть Giga Chat адекватно толковать смысл прецедентных фраз «Вошел не в ту дверь», «Вы не готовы все», «развернуть самолет», «коробка из-под ксерокса», «Не читал, но осуждаю», «Жить стало лучше, жить стало веселее», «Хотели, как лучше, а получилось как всегда», «Денег нет, но вы держитесь», «Работайте, братья», «Хорошие сапоги, надо брать» и т.д. В формате диалога было протестировано 20 прецедентных высказываний общественных деятелей, известных людей, прецедентных фраз из популярных шоу, художественных произведений, фильмов и т.д. Участниками эксперимента вводилось два вопроса 1) Что означает выражение «…» ? 2) Каково происхождение выражения «…»?

Полученные результаты были условно разделены на три группы, первую из которых составили исчерпывающие и верные ответы Giga chat, предлагающие правильное толкование значения с верным указанием на источник происхождения. Например:

– Что означает выражение «День сурка»?

– Фраза «день сурка» появилась благодаря одноименному фильму режиссёра Гарольда Рамиса, вышедшему в 1993 году. Главный герой картины, журналист Фил Коннорс (его сыграл Билл Мюррей), застревает во временной петле, повторяя один и тот же день снова и снова. Фильм рассказывает историю о перерождении персонажа, осознании ценности каждого момента и необходимости личностного роста. Сегодня выражение «день сурка» стало популярным в повседневной речи и означает состояние, когда каждый новый день похож на предыдущий, отсутствует развитие, динамика и разнообразие. Люди используют эту фразу, говоря о рутине, однообразии и скуке повседневной жизни, подчеркивая ощущение замкнутости и бессмысленности происходящего.

Таким образом, выражение пришло из кинематографической культуры и прочно укрепилось в языке, став синонимом унылого и монотонного существования.

– Каково происхождение выражения «День сурка»?

Ответ Giga chat: Фраза «день сурка» появилась благодаря одноименному фильму режиссёра Гарольда Рамиса, вышедшему в 1993 году. Главный герой картины, журналист Фил Коннорс (его сыграл Билл Мюррей), застревает во временной петле, повторяя один и тот же день снова и снова. Фильм рассказывает историю о перерождении персонажа, осознании ценности каждого момента и необходимости личностного роста.

Ко второй группе были отнесены ответы, предлагающие верное толкование значения прецедентной фразы, но не указывающие на источник ее происхождения. Например:

– Что означает выражение «Вошел не в ту дверь»?

– Фраза «Вошёл не в ту дверь» используется в переносном смысле и имеет следующие значения: … Попадание в неприятную ситуацию: Описывает случай, когда человек оказался вовлечён в нежелательную обстановку, попал в неудобную компанию или столкнулся с конфликтом. Неправильное понимание ситуации: Когда кто-то неправильно оценивает обстоятельства или принимает решение, основываясь на неполной или искажённой информации. Таким образом, эта метафора подчёркивает ошибочность действий или выбора, приводящих к негативным последствиям.

– Каково происхождение выражения «Вошел не в ту дверь»?

– Выражение «вошёл не в ту дверь» возникло как метафорический образ, связанный с обыденной ситуацией, когда человек случайно открывает не ту дверь и попадает туда, куда изначально не собирался. … Со временем этот бытовой эпизод стал символом ошибок, неправильного выбора или попадания в непредвиденную ситуацию. Выражение прижилось в разговорной речи, приобретя переносный смысл и обозначая неудачные решения, последствия которых приводят к сложностям или дискомфорту. Хотя происхождение конкретной цитаты трудно проследить до конкретного автора или события, оно укоренилось в русской культуре благодаря своей наглядности и универсальности, легко отражающей человеческие промахи и заблуждения.

Как мы можем видеть, в нейросеть не была заложена информация, связанная со скандальной «голой вечеринкой», которая прошла в декабре 2023 года в московском клубе «Мутабор» и вызвала бурный общественный резонанс и печальные последствия. Ассоциации именно с этим скандальным событием и его участниками неизбежно возникают у нас при упоминании фразы «Вошел не в ту дверь». Таким образом, употребление этого выражения в текстах, сгенерированных Giga chat, может привести к неловким ситуациям вследствие оттенков смысла, которые содержит данная прецедентная фраза. Отметим, что на уточняющие вопросы «Почему Филипп Киркоров вошел не в ту дверь?» и «Что такое «Голая вечеринка?» Giga chat предложил абсолютно неверные ответы.

Третью группу составили ответы Giga chat, предлагающие неправильное толкование значения и/или неверный источник происхождения прецедентной фразы. Например, прецедентная фраза «коробка из-под ксерокса», возникшая в 1996 и связанная с предвыборной кампанией Бориса Ельцина, была соотнесена с «делом ГКЧП», при этом и период существования ГКЧП, и лидеры ГКЧП были указаны нейросетью неверно.

В конечном итоге исчерпывающие ответы Giga chat, предлагающие правильное толкование значения с верным указанием на источник происхождения, были получены только в отношении трех прецедентных фраз «Денег нет, но вы держитесь», «Жить стало лучше, жить стало веселее», «день сурка», что составило лишь 15 %. Количество ответов, содержащих относительно верное толкование значения прецедентной фразы, но не учитывающее источник ее происхождения, составил 50 %. («Вошел не в ту дверь», «развернуть самолет», «Их прислали подглядывать, а они подслушивают» и др.). К третьей и довольно многочисленной группе были

отнесены 35 % ответов Giga chat, предлагающие неправильное толкование значения и/или неверный источник происхождения прецедентной фразы («Не читал, но осуждаю», «Лучше водки хуже нет», «Никогда такого не было, и вот опять», «коробка из-под ксерокса», «Хорошие сапоги, надо брать», «Вы не готовы все»). В результате данного эксперимента с Giga chat обучающие смогли лишний раз убедиться в необходимости дополнительной проверки данных, полученный с помощью нейронной сети, которая является лишь генератором текста, основанном на математических моделях, все еще находящихся в стадии разработки.

Итак, в условиях образовательной среды использование нейросетей несет множество потенциальных угроз. Искусственный интеллект снижает сопротивление человеческой психики, ослабляя навык критического мышления, вследствие чего у человека снижается способность анализировать полученную информацию, давать ей оценку, принимать на ее основе взвешенные решения. Вовлечение студентов в эксперимент с тестированием способности нейросети интерпретировать смысл прецедентных фраз, известных всем представителям русской лингвокультуры, помогает выработать у обучающихся навыки критического мышления. Низкий процент верного толкования смысла прецедентных фраз и правильного указания на источник происхождения подтвердил тезис о том, что любой ответ, сгенерированный нейронной сетью, требует критического осмысления и дополнительной проверки.

Литература:

Соловьев, А. Закат человека разумного. Учебник (не)фантастической антропологии [Электронный ресурс] / А. Соловьев, О. Календарева / Insolarance. – Режим доступа: https://insolarance.com/non-fantastic-anthropology/

Шевченко, Н. Как не глупеть с Chat GPT: меняем критическое мышление на эффективность? [Электронный ресурс] / Н. Шевченко / VC.ru. – Режим доступа: https://vc.ru/ai/1866762-kak-ne-glupet-s-chatgpt-menyaem-kriticheskoe-myshlenie-na-effektivnost

Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов. – Москва : Едиториал УРСС, 2003. – 264 с.

Giga Chat [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://giga.chat/

Петрова Л.С., Москалюк О.С.
Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЕКТ В АРХИТЕКТУРЕ

Ключевые слова: архитектура, искусственный интеллект, проектирование, сбор и обработка информации, творческий подход.

Keywords: architecture, artificial intelligence, design, data collecting and processing, creativity.

С недавнего времени искусственный интеллект становится всё популярнее и внедряется в различные сферы жизни человека. Многие компании используют его для решения дополнительных задач. Проникновение искусственного интеллекта в креативные сферы становится одним из главных трендов 21 века. Нейросеть активно используется дизайнерами одежды, фотографами, графическими дизайнерами, а также архитекторами. Одним из основных этапов работы архитекторов является сбор и обработка больших объемов данных о проектируемом объекте. Использование ИИ позволяет им моделировать и оценивать многообразие вариантов, фокусируя внимание на проблемах, связанных с творческим решением задач.

Существует множество нюансов, которые следует учитывать при использовании ИИ в сфере архитектуры и дизайна. Из преимуществ можно выделить следующие:

1. Автоматизация рутинных задач

Различные нормативные акты, ГОСТы, СНиПы содержат огромное количество информации. Необходимо потратить немало времени, чтобы выбрать информацию, необходимую для решения определенных задач. Искусственный интеллект поможет избежать рутинности, проанализирует и обработает информацию намного быстрее.

2. Повышение точности и минимизация ошибок

Системы на основе искусственного интеллекта обеспечивают точный контроль качества в реальном времени, что позволяет своевременно выявлять потенциальные проблемы в ходе строительства и полностью избавиться от них.

3. Оптимизация проектов

Проанализировав информацию о предыдущих проектах, климатических условиях и энергоэффективности, ИИ может предложить оптимальное для проекта решение.

4. Улучшение визуализации и презентации

С помощью технологий виртуальной реальности ИИ архитекторы могут создавать различные модели зданий, которые клиенты смогут его «посетить» еще на стадии проекта.

5. Анализ и прогнозирование

ИИ способен прогнозировать тенденции в архитектуре. «Такой анализ помогает архитекторам принимать более обоснованные решения и адаптироваться к изменяющимся условиям рынка» [ИИ заменит архитекторов, эл. ресурс].

Однако, несмотря на значительные преимущества, при применении ИИ существует также ряд особенностей, которые необходимо учитывать.

1. Механический подход ИИ

Для проектирования нужны не только математические расчеты и технические знания. Архитектура – это также творческая составляющая, которая требует креативного мышления.

2. Ограниченные социальные навыки

Искусственный интеллект не может заменить личное общение с клиентами, что необходимо для понимания их потребностей и предпочтений. Люди лучше понимают друг друга, чем человек и машина. Для создания проекта искусственному интеллекту требуется четкое техническое задание, которое заказчики не всегда могут предоставить.

3. Высокие затраты на внедрение ИИ

Внедрение нейросети требует больших вложений, что может себе позволить не каждая архитектурная компания.

4. Этические и правовые вопросы при использовании ИИ

При проектировании с помощью ИИ появляются вопросы, но которые очень сложно найти ответ: «Кто будет нести ответственность за ошибки, допущенные ИИ? Как защитить интеллектуальную собственность, созданную с помощью ИИ?» [ИИ заменит архитекторов, электронный ресурс]. Люди также опасаются полной автоматизации рабочего процесса, считая, что это приведет к потере рабочих мест.

5. Невозможность использования творческого подхода

Архитекторы проходят долгий путь профессионального становления, совершенствуют свое мастерство методом проб и ошибок. Знания, полученные ранее, помогают им принять обоснованные решения. Искусственный интеллект не обладает таким опытом и может создавать в разных проектах одни и те же ошибки. Создание уникального дизайна требует креативного решения и нестандартного подхода, а ИИ лишь анализирует существующие решения и предлагает оптимальные. Также источники информации ИИ часто не обновляются и противоречат друг другу.

В феврале-марте 2025 г. методом анкетирования был проведен опрос о том, сможет ли ИИ заменить работу архитекторов и дизайнеров. В опросе приняло участие 120 респондентов, которые являются студентами АлтГТУ им. И.И. Ползунова. По результатам самых популярных ответов можно сделать вывод, что большинство опрошенных пользуются искусственным интеллектом ежедневно или несколько раз в неделю и считают, что ИИ- важное средство развития технологий будущего. Также они не испытывают недоверия к ИИ и считают, что ИИ необходим архитекторам. Из главного преимущества ИИ опрошенные выделили автоматизацию рутинных задач, а из недостатков – механический подход при проектировании. Было выявлено, что 66,5 % используют искусственный интеллект каждый день/несколько раз в неделю. 16,3 % опрошенных пользуются им несколько раз в месяц, 15,8 % пользуются редко либо не пользуются совсем (рис.1).

Отвечая на вопрос, является ли сегодня искусственный интеллект важным средством развития технологий будущего, 80 % респондентов согласны с этим, 13,3 % не согласны с этим, а 6,7 % не могут ответить на этот вопрос (рис.2).

Что касается оценки уровня доверия респондентов к ИИ, то доверяют ему лишь половина опрошенных (51,7 %), не доверяют 36,6 % и не могут ответить на вопрос 11,7 %. По результатам опроса можно увидеть, что даже те, кто

пользуются искусственным интеллектом, не совсем ему доверяют: пользуются 66,5 %, полностью доверяют 51,7 % (рис. 3).

Рисунок 1 – Частота использования искусственного интеллекта

Рисунок 2 – Искусственный интеллект как важное средство развития технологий будущего

Рисунок 3 – Доверие к искусственному интеллекту

При ответе на вопрос, кто будет проектировать в будущем – люди или искусственный интеллект, мнения респондентов разделились. 11,7 % ответили «не знаю, не могу ответить», 13,3 % опрошенных считают, что «ИИ заменит архитекторов/дизайнеров», 36,7 % опрошенных придерживаются мнения, что в будущем «проектировать будут люди», а 38,3 % утверждают, что «проектирование будет происходить совместно» (рис. 4).

Рисунок 4 – Совместное проектирование

Хотя самыми популярными ответами были «совместное проектирование» и «в будущем будут проектировать архитекторы», некоторые респонденты считают, что работа ИИ обойдётся дешевле, людям будет лень проектировать, а также то, что ручной труд полностью заменится механизированным.

Рассмотрев плюсы и минусы использования ИИ в сфере архитектуры, а также результаты опроса, можно сделать вывод, что несмотря на значительные преимущества, ИИ не сможет полностью заменить профессию архитектора и дизайнера. Он будет лишь вспомогательным инструментом, на который можно будет переложить выполнение рутинных задач. Искусственному интеллекту не хватает креативности, чувства прекрасного и понимания индивидуальных запросов заказчиков. С развитием технологий появляются новые профессии, так что, возможно, появится такая профессия, где люди будут операторами

управления и контроля ИИ при проектировании. Нейросеть на данный момент является лишь сборником информации. Если доверить такую работу машинам, рано или поздно постройки станут однотипными, так как ИИ основывается на уже имеющейся информации. Искусственный интеллект станет хорошим помощником для архитекторов, а не их заменой. Кроме того, необходимо разработать нормативную базу для регулирования использования ИИ в архитектуре, чтобы избежать возможных проблем и обеспечить ответственность за возможные ошибки при проектировании.

Литература:

Кожедуб, И. ИИ и ТИМ в градостроительстве: как искусственный интеллект меняет проектирование и управление городами [Электронный ресурс] / Digibuild.ru: Центр цифрового развития строительной отрасли Хабаровского края – Режим доступа: https://digibuild.ru/tekhnologii/ii-i-tim-v-gradostroitelstve-kak-iskusstvennyj-intellekt-menyaet-proektirovanie-i-upravlenie-gorodami/

Зубов, Д. Архитектура и искусственный интеллект: как технологии меняют облик современного строительства [Электронный ресурс] / Д. Зубов. – Режим доступа: https://ardexpert.ru/article/27851

ИИ заменит архитекторов [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://vavilon-project.ru/tpost/pjnrm1zi31-ii-zamenit-arhitektorov

Применение ИИ в решении задач городского планирования [Электронный ресурс] / Новости строительства от RETERRA. – Режим доступа: https://reterra.ru

Светунькова, *А.* Искусственный интеллект в умном городе [Электронный ресурс] / А. Светунькова. – Режим доступа: https://iz.ru/1559314/alena-svetunkova/pustit-ii-v-gorod-kak-neiroseti-ispolzuiut-v-megapolisakh

Уженцева А.С., Шейберг Е.М.
Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова

ХРАМОВАЯ АРХИТЕКТУРА КАК ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ РЕЛИГИОЗНОГО РИТУАЛА РАЗЛИЧНЫХ КОНФЕССИЙ

Ключевые слова: религиозный ритуал, храмовая архитектура, храм, церковь, собор, гробница, мечеть, ступа.

Keywords: religious rituals, religion, temple architecture, temple, church, cathedral, tomb, mosque, stupa.

Храмовая архитектура как искусство создания места встречи человека с высшими силами и пространства для осуществления сакрального действия имеет давнюю историю и большое значение для формирования общества. Храм является одной из первых построек, предназначенных не для бытовых потребностей человека, но для осуществления культового ритуала как древнейшего вида общественной деятельности людей. Храмовая архитектура разных стран и разных эпох уникальна, т.к. является отражением культурных

традиций различных верований и конфессий и адаптирована под религиозные обряды и церемонии, характерные для них. Планировка храма является одной из самых сложных задач в архитектуре. Используя различные комбинации линий, форм и фактур, архитектор создает сооружение, предназначенное для определённой цели и отвечающее определенным канонам, которые он должен знать и понимать, поэтому обращение к обзору сакрального строительного искусства видится нам актуальным. Целью нашего исследования является изучение особенностей храмовой архитектуры разных эпох и культур в аспекте ее обусловленности религиозными ритуалами, которые определяют ее самобытность.

Идея о том, что ритуал является основой для многих направлений творчества, принадлежит А.Н. Веселовскому, который, исследуя происхождение словесного искусства, говорит о магическом ритуале или народном обряде как о первобытном синкретизме разных видов искусств [Веселовский 1989: 47]. Ритуал, являющийся сочетанием песни, танца и элементов ролевой постановки, положил начало таким направлениям творчества как песня, танец и театр. Искусство строительства храмов также зародилось в недрах культового обряда, который потребовал сооружения специального места для совершения ритуальных действий и предопределил особенности его внешнего облика и внутреннего убранства. Обратимся к сакральной архитектуре и верованиям разных народов с тем, чтобы проследить их взаимосвязь.

Отдельного внимания заслуживает культура Древнего Египта, система религиозных верований и ритуалов которого характеризуется политеистичностью, наличием целого пантеона богов, и зоолатрией, совокупностью обрядов и верований, связанных с религиозным почитанием животных. Египтяне верили в загробную жизнь и имели развитый погребальный культ, что нашло свое отражение в их архитектуре, детально описанной Н.Д. Флиттнером, С.И Ходжашем и В. Н. Владимировым. Египтяне возводили большое количество гробниц, облик которых в значительной степени зависел от особенностей ритуала перехода в загробный мир. Так, например, специфика обряда погребения обусловила архитектуру мастабы, гробницы периода Раннего Египта. В ней имелась подземная погребальная камера, уходившая вниз на несколько метров, в которой хранился сосуд с душой усопшего, а также наземная камера, в которой хранились мумии. Из верхней части мастабы имелся вход в сердаб, ритуальный зал для статуи усопшего. Такая конфигурация имеет неслучайный характер. Ритуалы в честь души проводились исключительно в сердабе, в верхней камере гробницы могли находиться только те, кто следил за мумиями, вход в подземную часть закладывался кирпичами, чтобы никто не имел к ней доступа. Так ещё 3000 лет до нашей эры люди выражали значение религиозного ритуала через архитектуру.

В более поздние периоды, когда строительное искусство Египта начало принимать все более грандиозные масштабы, конфигурация храмов и гробниц

стала меняться с тем, чтобы они выполняли не только обрядовую функцию, но и функцию воздействия на массовое сознание. Тем не менее, сакральная архитектура продолжила отражать ключевые религиозные аспекты. Для примера рассмотрим храм Амона в Луксоре. Его планировка была четко продумана и имела определенный сценарий движения человека в храме, проходивший по одной центральной оси и олицетворяющий переход умершего в загробный мир. Сначала посетитель должен пройти через пилоны в двор с колоннадой, располагающийся под углом так, что солнце полностью освещало его. Затем он попадал в большой гипостильный зал, в котором находилось восемь рядов колонн, расположенных соответственно проходу, что сужало и вытягивало пространство вверх. Свет попадал только со стороны входа и выхода, его хватало только для освещения оснований колонн, верх которых погружался в темноту. Далее человек двигался в сторону открытого двора с колоннадой по периметру, расположенный так, что солнце лишь частично освещало его. Потом он проходил в полностью тёмный гипостильный зал, также заставленный огромными колоннами. В остальных помещениях располагались камеры хранения для мумий и непосредственно хранилище души. В них не было абсолютно никакого источника солнца. Такая игра с контрастом тьмы и света заставляла человека благоговеть и понимать сакральное значение культа загробной жизни. Политеистичность религиозных верований Египтян и культ фараона нашли свою манифестацию в храмовом комплексе Абу-Симбел, воздвигнутом в честь фараона Рамсеса Второго и посвященном богам Амону, Ра-Хорахти и Птаху. Архитектурной изюминкой экстерьера здания являются колоссальные статуи трем богам и самому фараону, установленные при входе в храм. Примечательным является тот факт, что всем статуям придан облик самого Рамсеса Второго, что подчеркивает божественную природу последнего.

Христианство как одна из самых исповедуемых монотеистических религий делится на ветви, которые при общих истоках имеют существенные теологические различия, нашедшие отражение в богословских ритуалах и, как следствие, в храмовой архитектуре. В нашей работе мы остановимся на католическом и православном зодчестве как наиболее ярких примерах влияния религии на строительство. Внешний облик храма у этих конфессий пронизан символизмом, а их отличия связаны с различиями в религиозных догмах. Традиционная католическая церковь проектируется в форме базилики, прямоугольного здания, поделенного перпендикулярно трансептом. Такая форма символизирует распятие. С течением времени католические храмы меняли архитектурные стили в соответствии с модой на них, от романского до барокко, однако, в любой исторический период в католических церквях преобладала геометричность и «квадратность» общих форм в фасадах. В православии почти всегда используется крестово-купольный тип храма, представляющий собой прямоугольное строение, центр которого разделен четырьмя столбами на девять ячеек. Над его центральной ячейкой располагается барабан с куполом или четверик, четырехугольная постройка, на

стены которой опирался весь объем крыши. Отличительной особенностью православной церкви являются позолоченные купола шатровой, шлемовидной, а также луковичной формы. Такой купол символизирует вечность, молитву человека или небесный огонь. Важно отметить, что в христианских традициях храм должен располагаться так, чтобы вход был расположен в сторону запада, а алтарь обращался на восток, куда обращены взоры прихожан на богослужении. Однако в католических традициях этим правилом, в отличие от православных, могут пренебрегать.

Внутреннее убранство ортодоксальных и католических храмов также сильно отличается, и эти особенности обусловлены разницей в богословских ритуалах. В православных церквях алтарь скрыт от прихожан и отделен от остального пространства церкви иконостасом. Происходящие в алтарном помещении ритуалы, например, евхаристия, являются таинством, и вход в алтарное помещение разрешен только священникам, совершающим богослужения. В западных храмах иконостас отсутствует, алтарь открыт для взгляда прихожан, и являет собой центральное место литургии, т.к. ритуалы, проводимые во время нее, не являются сокровенными у католиков.

Особенности проведения литургии обусловили наличие скамей для прихожан в католических храмах, т.к. различные этапы службы предполагают стояние, сидение или коленопреклонение. Согласно православной традиции, богослужение проводится стоя, кроме того, прихожане участвуют в крестном ходе, например, во время пасхальной службы, в день Крещения Господня или дни престольных праздников, поэтому наличие скамей в ортодоксальной церкви не предусмотрено.

Специфика религиозного ритуала исповеди, имеющего в двух рассматриваемых ветвях христианства свои уникальные черты, обусловливают некоторые архитектурные особенности католической и православной церкви. В ортодоксальной традиции таинство исповеди происходит перед аналоем у иконостаса при непосредственно взаимодействии священнослужителя и прихожанина глаза в глаза. В католическом храме исповедь проходит в исповедальне, специальном деревянном сооружении, с разными отделениями для священника и прихожанина, общающихся через решетчатое отверстие не видя друг друга.

Многие службы в католическом и православном храме предполагают ритуальное музыкальное сопровождение, характеризующееся своими особенностями и влияющее на организацию пространства внутри храма. Месса в католическом храме предполагает звучание органа, поэтому этот массивный инструмент должен быть органично вписан в архитектуру церкви. В православном храме звучание музыкальных инструментов недопустимо. Певчие и чтецы осуществляют свою деятельность акапельно и поют на клиросе, в специально отведенном месте, расположенном на возвышении по правую и левую сторону от алтаря.

В православных канонах отдельное внимание уделяется украшению храма. В нём обязательно располагается большое количество росписей,

показывающих сцены из библии, икон в позолоченных рамах, резных подсвечников. В католических же храмах внутреннее убранство зачастую сильно скромнее внешних фасадов. В них отсутствуют многочисленные росписи стен, присутствуют арки или арочные своды, часто встречаются скульптуры святых, чего не увидеть в православной церкви.

Для наглядного примера рассмотрим культовые храмы православной и католической конфессий – храм Спаса на Крови в Санкт-Петербурге и Шартский собор в городе Шартр во Франции.

В основе храма Спаса на Крови, который является одним из самых узнаваемых Храмов мира, а также служат символом России, лежит четверик, на которой опирается девять куполов, символизирующих девять ангельских чинов. Центральный купол, располагается на восьмиугольном шатре, который имеет соответствие восемь окон, наличники которого выполнены в форме кокошника. Каждый из куполов храма, кроме одного, инкрустирован цветными плитками, цвета которых выбраны не случайно. Так, голубой цвет символизирует Богородицу, красный – символ святых мучеников, белый – Вознесение Господне, черный – символ монашества. Внутреннее убранство поражает своей красочностью. Мозаичное полотно храма является одним из самых больших в мире. Оно располагается по всей поверхности стен и потолочных сводов, отображая сцены из Библии и образы святых.

Шартрский собор является не только памятником готической архитектуры, но и служит одной из главных достопримечательностей Франции. Храм имеет форму базилики, состоящей из трёх нефов и короткого трансепта. Характерный особенностью собора являются две отличающихся башни, располагающиеся по бокам от главного фасада. Так, правая башня выполнена в романском стиле, а левая – в стиле пламенеющей готики. В центре главного фасада располагается окно-роза, под ней расположены три портала, центральный из которых возвышается надо остальными. Одной из главных особенностей внутреннего убранства храма являются витражи, не встречающиеся в ортодоксальных храмах. Они помещены в каждое стрельчатое окно собора и показывают облики святых. Высокие ряды пучков колонн создают в храме атмосферу, способную вызывать чувства благоговения и величия. Также благодаря высоким арочным сводам и каменным стенам создается особое акустическое пространство, в котором звуки органа, обязательным в католическом соборе, гулко отражаются от стен, заполняя каждый его уголок.

Ислам является второй в мире конфессией по числу приверженцев и представляет собой идеологию не только религиозной, но и светской жизни. Это вероисповедание затрагивает вопросы общественного порядка и закона, поэтому исламская культовая архитектура: мечети, минареты, медресе и мавзолеи имеют не только религиозное, но и особое государственное значение. Рассмотрим мечеть как основной религиозный архитектурный объект и опишем те основополагающие ритуалы и особенности вероисповедания, которые повлияли на ее облик. Ритуал молитвы, намаз, как одна из пяти культовых

обязанностей мусульманина, осуществляется пять раз в день: утром, днем, в предвечернее время, вечером и ночью. Совершая молитву, мусульманин должен бать обращен лицом к Мекке, поэтому все мечети ориентированы на Каабу в Мекке, а михраб, специальная ниша в стене мечети, указывающая на Мекку, является неотъемлемым элементом интерьера храма. Обязательной частью архитектуры мечети является минарет, башня, с которой муэдзин призывает мусульманина на молитву. Минареты значительно превосходят саму мечеть по высоте, это объясняется тем, что голос муэдзина должен быть слышен на всю округу, прилегающею к ней, чтобы обозначить время обязательной молитвы и обеспечить массовость данного ритуала. Наличие у мусульман разных видов мечетей, отличающихся по размеру и назначению, обусловлено разнообразием молитвенных ритуалов, проводимых в них. Квартальные мечети небольшие по размеру и предназначены для ежедневной молитвы жителей близлежащего квартала. Джума-мечети или соборные мечети предназначены для еженедельной пятничной массовой полуденной молитвы, обычно сопровождаемой проповедью. Намазгях – большая загородная открытая мечеть – связана с ритуальным мусульманским постом в месяц рамадан, именно в ней проводятся праздничные богослужения в крупнейшие мусульманские праздники Ураза-байрам и Курбан-байрам. Ритуал обязательного омовения перед молитвой, тахарат, обусловливает наличие во внутреннем убранстве мечети места для омовений. Основным помещением интерьера мечети является просторный молебный зал, лишенный мебели, т.к. молящиеся преклоняют колени во время ритуала. Возводя мечети, архитекторы создают уникальную пространственную гармонию, подчеркивающую спокойствие, духовность и простоту. Так, первая мечеть, возведенная пророком Мухаммедом в Медине, представляла собой лишь огороженное для молитвы место. Отличительной чертой декора исламской сакральной архитектуры является строжайшее подчинение канонам монотеизма и порицанием идолопоклонства. Так, в мечети запрещены любые изображение живой природы и человека, что подчеркивает уникальность бога. Вместо этого используются растительные и абстрактные узоры и каллиграфия.

Жемчужиной исламского зодчества является комплекс Тадж-Махал, внесенный в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Усыпальница, возведенная по приказу падишаха Шах Джахана для погребения его первой любимой жены Мумтаз-Махал, представляет собой еще один знаковый вид культовых мусульманских построек – мавзолей. Несмотря на то, что в мусульманской традиции мавзолей и мечеть являются зданиями разными по назначению, внешний вид усыпальницы не отличается от облика обычных мечетей. Мавзолей облицован белым мрамором, так как в исламе белый цвет символизирует свет, исходящий от Бога. Внутренний зал выполнен в форме восьмиугольника с арками, стены инкрустированы впечатляющей мозаикой из полудрагоценных камней в виде цветов, фруктов, лоз, а пол выполнен геометрическим узором из контрастного мрамора. Тадж-Махал поражает масштабами и представляет собой целый комплекс сооружений, включающих

мавзолей, мечеть, гостевой дом, по главной оси комплекса разбит парк, на территории которого находятся павильоны, каналы и фонтаны. В архитектуре комплекса также интегрированы различные скрытые символические элементы. Так, в главных воротах высечены четыре последних стиха 89ой суры Карана. В целом, комплекс выполнен в лучших традициях исламской культовой архитектуры и является местом паломничества.

Завершим наш обзор обращением к буддисткой религиозной традиции и архитектуре. Буддизм, определяемый как религия и философия, включает в себя множество традиций, верований и духовных практик, которые можно отнести к ритуалам. В буддизме главной целью человека считается преодоление страданий, порожденные привязанностью к благам, удовольствиям и их жажда, и достижение нирваны, которое дает человеку контроль над своим разумом и возможность развиваться духовно. Буддизм является апатеистической религией, в которой источником истины и просветления считается сам человек. Характерными чертами буддизма считаются вера в карму и реинкарнацию. К буддистской сакральной архитектуре относятся разнообразные сооружения, однако, ограниченные рамками работы, мы обратимся только к двум из них – ступе и вату. Ступа, архитектурно-скульптурное культовое сооружение, является хранилищем буддистских реликвий и символизирует просветленное сознание будды, поэтому часто бывает украшена глазами будды. Она имеет полусферическую форму, увенчанную шпилем, и олицетворяет вселенную и пять элементов: землю, огонь, воду, воздух и пространство. Согласно взглядам буддистов, ступа способна внести гармонию в жизнь человека, очистить его от пороков, поэтому ступы являются местом паломничества. Ритуальный обход ступы по кругу по направлению движения солнца является одной из буддистских религиозных практик и считается одним из видов накопления хорошей кармы. Ват как целый храмовый комплекс или монастырь представляет собой совокупность различных по назначению зданий. Здесь могут быть расположены ступы и другие храмы, павильоны со статуями Будды, в которых совершается обряд подношения цветов в день рождения Будды либо проводится обряд почитания. В вате есть специальные помещения, чеди, в которых происходит ритуал медитации и чтение мантр. Характерными элементами декора таких сооружений являются геометрические узоры и мандалы, служащие инструментами для медитации. В ознаменования единения человека с природой, Ват органично вписан в окружающий его ландшафт и является примером гармоничной архитектурно-пространственной среды.

Рассмотрим храмовый комплекс Ангкор-Ват, расположенный на севере Камбоджи. Это культовое сооружение представляет собой 65-метровую усеченную пирамиду с пятью острыми башнями, символизирующих вершины священной горы Меру, центра вселенной. Территория Ангкор-Вата является прямоугольником, окруженным по периметру водным каналом шириной 200 метров, символизирующим древний океан. Внутри храм представляет собой трехъярусные галереи, поделенные на дворики, на каждую из которых можно

подняться по массивной лестнице. Вход на третий ярус в древние времена был позволен только королю и верховному жрецу, так как он символизировал небеса и близость с Буддой. Храм поражает своими размерами и скульптурными решениями. Каждый архитектурный элемент, колонна или арка, искусно обработана кхмерскими мастерами. Орнаменты храма имеют зооморфные и антропоморфные узоры, что показывает крепкую связь буддизма с природой. Ангкор-Ват является одним из самых грандиозных сооружений на земле и включен в список всемирного наследия ЮНЕСКО.

В завершение обзора сакральной архитектуры разных эпох и культур, еще раз подчеркнем значимость религиозного ритуала как фактора, обусловливающего специфику архитектурных решений храмовых комплексов мира. Типичные для разных верований и конфессий обряды влияют на особенности внешнего облика и внутреннего убранства культовых построек, создавая неповторимый образ католического, православного, исламского, буддистского или древнеегипетского архитектурного шедевра.

Литература:

Антонова Н.Е. Архитектура русского православного храма. [Текст] / Н.Е. Антонова. А.С. Щенков. – М.: Памятники исторической мысли, 2013. – 233 с.

Веселовский, А.Н. Историческая поэтика [Текст] / А.Н. Веселовский. – М.: Высшая школа, 1989. – 410 с.

Денике, Б.П. Искусство Востока. Очерк истории мусульманского искусства [Текст] / Б.П. Деник. – Казань: Издание Комбината Издательства и Печати А.Т.С.С.Р., 1923. – 250 с.

Короцкая, А.А. «Всеобщая история архитектуры. Том 9. Архитектура Восточной и Юго-восточной Азии до середины XIX века» [Текст] / А.А. Короцкая / М.: Стройиздат, 1971. – 333с.

Тарасов, И.Ю. Католическая архитектура [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://tarasov-i.github.io/catholic.html

Тюлаев, С.И. Архитектура Индии [Текст] / С.И. Тюлаев. – М.: Всесоюзная академия архитектуры, 1939. – 102с.

Флиттнер, Н.Д. Всеобщая история архитектуры. Том I. Архитектура Древнего мира [Текст] / Н.Д. Флиттнер, С.И. Ходжаш, С.И. Владимиров. – М.: Стройиздат, 1970. – 532 с.

Уланов М.В., Бухнер Н.Ю.
Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ИНВЕСТИЦИОННУЮ АКТИВНОСТЬ СТУДЕНТОВ АЛТГТУ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Ключевые слова: инвестиционная активность, факторы, студент, социологический опрос.

Keywords: investment activity, factors, student, sociological survey.

Инвестиционная активность, рассматриваемая в широком смысле, представляет собой целенаправленное вложение капитала в различные формы активов, такие как недвижимость, бизнес проекты, финансовые рынки, посредством приобретения ценных бумаг, валют, драгоценных металлов с целью получения дохода, увеличения капитала, защиты накоплений от инфляции. Сохранение капитала – одна из актуальных задач для современного человека, выполнение которой затрудняется быстроизменяющейся экономической обстановкой. Исходя из складывающейся ситуации умение управлять личными финансами и осознанное инвестирование – прямой путь к финансовой стабильности и независимости в будущем. Особое внимание ученых привлекает инвестиционная активность молодых людей, в том числе студентов, как будущих специалистов и потенциальных инвесторов [Трошин 2024, Разов 2022].

Инвестиционная активность студентов формируется под воздействием совокупности условий, среди которых можно выделить положительные и отрицательные. По-нашему мнению, положительное влияние на инвестиционную активность студентов оказывают: небольшое количество финансовых обязательств, высокая восприимчивость к новым технологиям и способам получения прибыли, большое количество свободного времени для самостоятельного обучения. Среди условий, негативно воздействующих на инвестиционную активность студентов можно выделить: ограниченные доходы, низкая финансовая грамотность и недостаток опыта, импульсивность и склонность к риску. Особую роль играет уровень инвестиционной привлекательности Алтайского края, занимавшего в 2024 году пятое место из десяти субъектов сибирского федерального округа [Аналитический обзор 2024].

По результатам ежегодной оценки в 2024 г. Алтайский край повысил рейтинг до IC5 – средняя инвестиционная привлекательность – второй уровень, в сравнении с 2023 г., когда он был на третьем уровне с рейтингом IC6 – средняя инвестиционная привлекательность (рис. 1). Положительная динамика и определила цель нашего исследования – анализ факторов, влияющих на инвестиционную активность студентов в 2025 г.

Место в округе	Регион	Уровень инвестиционной привлекательности	Изменение уровня относительно 2023 года
1	Новосибирская область	IC3	подтвержден
2	Красноярский край	IC4	подтвержден
3	Омская область	IC4	повышен
4	Иркутская область	IC5	подтвержден
5	Алтайский край	IC5	повышен
6	Томская область	IC6	понижен
7	Республика Хакасия	IC6	повышен
8	Кемеровская область – Кузбасс	IC6	понижен
9	Республика Алтай	IC8	подтвержден
10	Республика Тыва	IC9	подтвержден

Рисунок 1 – Оценка регионов сибирского федерального округа по шкале инвестиционной привлекательности

Для достижения цели нами был проведен социологический опрос среди 50 студентов АлтГТУ с применением анкеты, включающей восемь вопросов закрытого типа. Первый вопрос: *«Оцените свое желание тратить время и деньги на обучение основам инвестирования по шкале от 1 до 10, где 1 – совершенно не желаю, 10 – очень желаю»* был направлен на выявление заинтересованности в сфере обучения инвестициям среди опрашиваемых студентов АлтГТУ. Исходя из данных, полученных по результатам опроса, заинтересованность студентов в трате времени на обучение является немного выше средней. Средневзвешенное значение – 5,66. Можно сделать вывод, что большая часть студентов заинтересована в обучении инвестициям и готова посветить этому небольшую часть своего времени. Данные, полученные на вторую часть вопроса, касались намерения респондентов тратить денежные средства на обучение основам инвестирования. Средневзвешенное значение по этой шкале составило – 4,68, что свидетельствует о том, что студенты имеют небольшое желания тратить деньги на обучение основам инвестициям. Другими словами, студенты более расположены тратить на обучение свое время, чем деньги.

Анализируя ответы студентов АлтГТУ на вопрос о внешних факторах, оказывающих влияние на решение инвестировать, можно сделать вывод о том, что основным фактором, определяющим инвестиционные намерения, является ожидаемая прибыль от инвестиций – его зафиксировали 33 % респондентов (рис. 2).

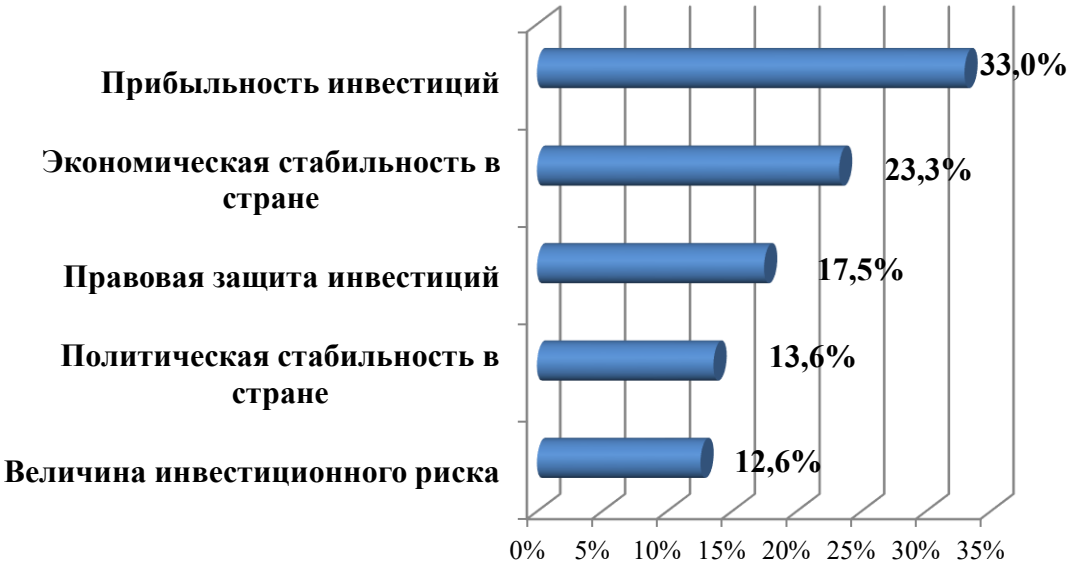

Рисунок 2 – Ответы студентов на вопрос: «Какие внешние факторы способны оказать влияние на Ваше решение инвестировать?» (в %)

Этот выбор подтверждает ориентацию молодого поколения на получение дохода и выгоду от вложенных средств. Следующим значимым фактором выступает экономическая стабильность в стране, отмеченная 23,3 % студентов. Данный показатель отражает важность восприятия экономической ситуации как надежной основы для принятия инвестиционных решений. Правовая защита инвестиций важна для 17,5 % респондентов, что подчеркивает

значимость законодательных гарантий и доверия к правовой системе. Далее следуют политические риски, волнующие 13,6 % студентов, и величина инвестиционного риска, которую отметили 12,6 % участников опроса.

Анализ ответов студентов на вопрос о внутренних факторах, влияющих на инвестирование, свидетельствует, что основным мотивом, стимулирующим инвестиции среди студентов, является наличие свободных денежных средств (рис. 3).

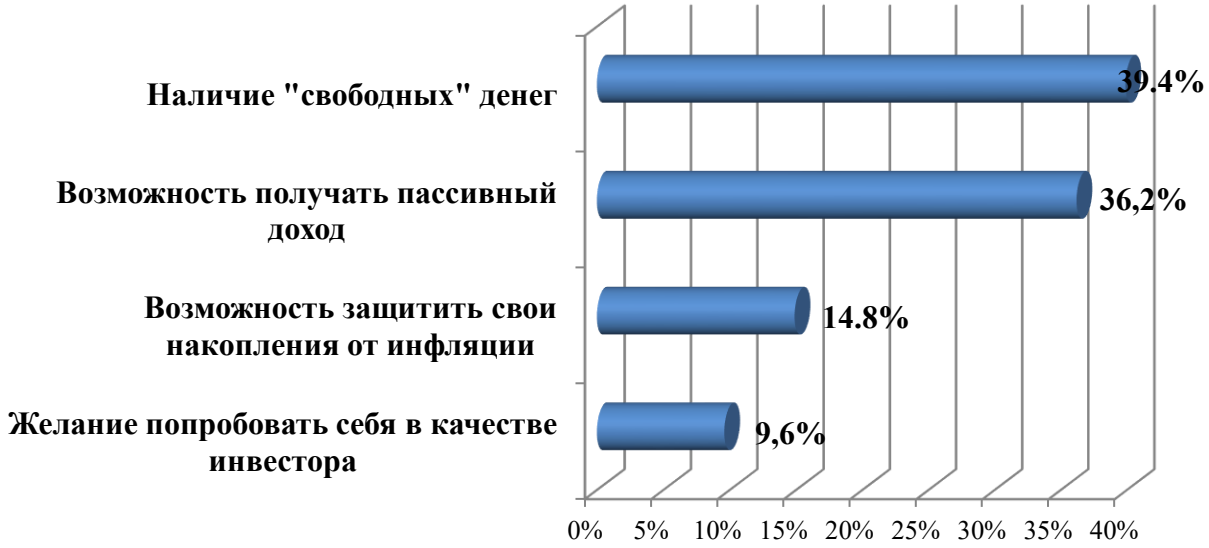

Рисунок 3 – Ответы студентов на вопрос: «Какие внутренние факторы способны оказать влияние на Ваше решение инвестировать?» (в %)

Этот вариант ответа был отмечен 39,4 % опрошенных, то есть наличие располагаемого капитала играет ключевую роль в принятии решения об инвестировании, подтверждая положительную корреляцию между финансовым положением и готовностью вкладывать деньги. Второй причиной выступили ожидания возможности получать пассивный доход – 36,2 %. Это свидетельствует о заинтересованности молодых людей в источниках дополнительного заработка, позволяющих увеличить доходы без значительных временных затрат. Желание попробовать себя в роли инвестора демонстрирует интерес 9,6 % студентов к новому опыту и развитию компетенций в области управления капиталом. Возможность защитить сбережения от инфляционных процессов, зафиксирована 14,9 % участников опроса указывает на осознание важности сохранения покупательной способности накоплений в долгосрочной перспективе. Таким образом, важнейшими внутренними мотиваторами инвестиционной активности студентов являются наличие достаточного объема свободного капитала, а также перспектива формирования стабильного пассивного дохода.

Проведенный опрос показал разнообразие предпочтений среди студентов АлтГТУ относительно выбора объектов для инвестиций (рис. 4). Результаты позволяют выявить ряд ключевых тенденций. Так, основные направления инвестиций респонденты связывают недвижимостью, этот вариант выбрали 42,4 % студентов. Недвижимость традиционно воспринимается как надежный

актив, обеспечивающий рост стоимости и возможность получения арендного дохода. Второе место заняли валютные вклады, привлекшие внимание 19,6 % студентов. Валютные активы рассматриваются как инструмент диверсификации рисков, связанный с колебаниями курсов национальных валют. Третье место и четвертое место заняли драгоценные металлы и брокерские счета, отмеченные 16,3 % и 12 % студентов, соответственно. Драгоценные металлы выбирают преимущественно ради страхования от инфляции и возможных кризисов, тогда как брокерские счета предоставляют доступ к фондовым рынкам и потенциалу высоких доходов при соответствующем уровне компетенции. Менее популярными оказались рублевые банковские вклады (7,5 %) и (ПИФы) паевые инвестиционные фонды (2,2 %). Эти инструменты привлекают меньшее число студентов ввиду меньшей привлекательности в сравнении с недвижимостью и иностранными вкладами.

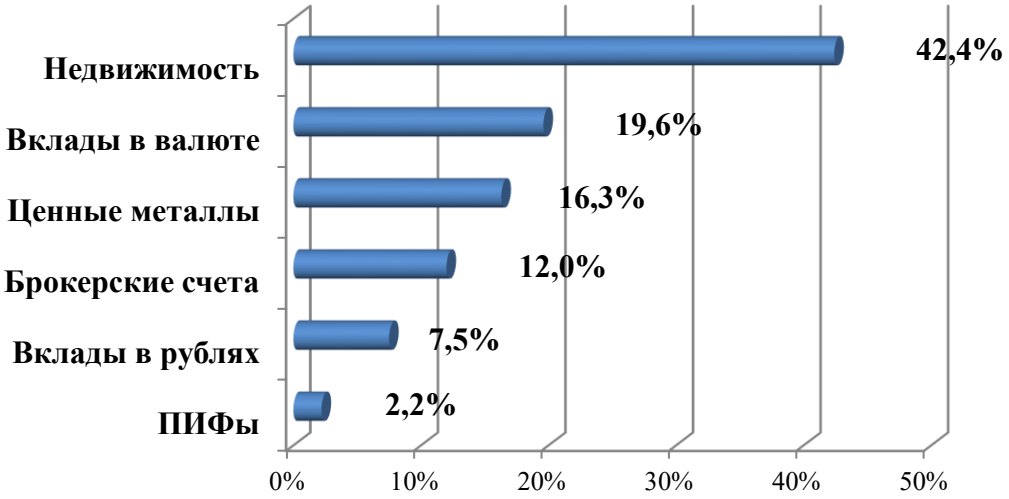

Рисунок 4 – Ответы студентов на вопрос: «Во что бы Вы предпочли инвестировать?» (в %)

Преобладание недвижимости и валютных вкладов среди предпочтительных направлений показывает осторожный подход студентов к выбору объектов инвестирования. Они стремятся минимизировать риски и предпочитают проверенные временем способы сохранить и приумножить капитал. Вместе с тем доля тех, кто рассматривает покупку ценных металлов и открытие брокерского счета, тоже достаточно велика, что свидетельствует о стремлении некоторых студентов экспериментировать с альтернативными инструментами и искать дополнительные возможности для роста своего капитала.

Также студентам был задан вопрос: *«Инвестируете ли Вы в настоящий момент, если да, то во что?»*. Большинство студентов, а именно 82 %, дало отрицательный ответ, что свидетельствует о том, что они сейчас не занимаются инвестированием во что-либо. Студенты, давшие положительный ответ – 18 %, отметили, что инвестируют во вклады в рублях и крипто валюта.

Таким образом, исследование показало, что решающими факторами для начинания инвестиционной деятельности являются, с одной стороны, прибыльность инвестиций и экономическая стабильность в стране, а с другой стороны, наличие “свободных” денег и возможность получать пассивный доход. Можно заметить, что величина “инвестиционного риска” самый непопулярный вариант ответа среди внешних факторов, другими словами этот фактор не значим для респондентов. Однако, при выборе направлений в инвестициях студенты все же отдают предпочтение наименее рискованным сферам, таким как недвижимость, вклады в валюте, ценные металлы. Указанное небольшое противоречие можно объяснить тем, что студенты осознают, что инвестиция может быть рисковой, однако возможность получения высокого дохода, как и то, что респонденты готовы рисковать только деньгами, не предназначенными для покрытия расходов ("свободные" деньги), мотивирует их пойти на риск, что, безусловно, положительно скажется на экономическом развитии региона, став источником финансирования строительства и производственных капиталовложений.

Литература:

Аналитический обзор: XII ежегодная оценка регионов России инвестиционной привлекательности «Разворот на Восток» [Эл. ресурс] // Национальное рейтинговое агентство. – Режим доступа: https://www.ra-national.ru/wp-content/uploads/2024/11/investicionnaja_privlekatelnost_regionov_2024-3.pdf

Разов, П.В. Факторы влияния на инвестиционное поведение населения [Текст] / П.В. Разов, Н.В. Аликперова / Сбережение населения России: здоровье, занятость, уровень и качество жизни. – Москва, 2022. – С. 372-377

Трошин, Н.Н. Инвестиционное поведение российской молодежи: проблемы адаптации в современных условиях [Текст] / Н.Н. Трошин // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 12. – С. 164-169

РЕЗЮМЕ

СЕКЦИЯ 1. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рогозина И.В. АЛГОРИТМ ВЕРБАЛЬНОЙ АГРЕССИИ В ДИСКУРСЕ Д. ТРАМПА

Статья посвящена исследованию фрагментов дискурса Д. Трампа, имеющих признаки вербальной агрессии в отношении женщин. Ее цель – реконструкция алгоритма вербального реагирования Д. Трампа на критические высказывания высокостатусных американок в его адрес. Реконструированный алгоритм обнаруживает асимметрию между высказываниями-триггерами и ответным агрессивным речевым поведением американского политика в плане выбора объектов оценки.

Rogozina I.V. ALGORITHM OF VERBAL AGGRESSION IN D. TRUMP'S DISCOURSE

The article is devoted to the study of D. Trump's discourse fragments manifesting signs of verbal aggression towards women. Its goal is to reconstruct the algorithm of D. Trump's verbal response to high-status American women's critical statements about him. The reconstructed algorithm reveals the asymmetry between the trigger statements and D. Trump's response aggressive verbal behavior in terms of the chosen objects of evaluation.

Беленкевич Е.В. ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ОБРАЗНОСТИ В РЕЧИ АЛТАЙСКОЙ КРЕСТЬЯНКИ: ДИАЛЕКТНАЯ МЕТАФОРА

Статья посвящена исследованию когнитивных механизмов метафоризации в речи диалектной языковой личности на примере идиолексикона алтайской крестьянки А.В. Медведевой. На материале многолетних полевых наблюдений демонстрируется, как метафоры отражают синкретизм антропоцентрических, натуроморфных и христианских моделей восприятия, выступая инструментом сохранения исторической памяти и национальной идентичности. Основное внимание уделяется связи диалектной образности с архаичным сознанием, мифопоэтическим мышлением и культурными кодами.

Belenkevich E.V. FORMS OF MANIFESTATION OF IMAGERY IN THE SPEECH OF AN ALTAI PEASANT WOMAN: DIALECT METAPHOR

The article is devoted to the study of cognitive mechanisms of metaphorization in the speech of a dialectal linguistic personality using the example of the idiolexicon of the Altai peasant A.V. Medvedeva. Based on long-term field observations, it is demonstrated how metaphors reflect the syncretism of anthropocentric, naturomorphic and Christian models of perception, acting as a tool for preserving historical memory and national identity. The main attention is paid to the connection of dialectal imagery with archaic consciousness, mythopoeic thinking and cultural codes.

Беседина В.Г. БИБЛЕЙСКИЙ ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается использование библейского прецедентного текста love thy neighbor в речах американских политических деятелей. Анализируются речи трёх политиков, наиболее часто обращавшихся к данному тексту в своих выступлениях: Линдона Джнсона, Джорджа Буша-младшего и Камалы Харрис. Делается вывод, что при сохранении частотности обращения к библейскому прецедентному тексту love thy neighbor в американском политическом дискурсе изменился характер таких обращений: данный текст цитируется с целью обвинения оппозиции, а также с целью продвижения и популяризации конкретных политических решений, которые не обязательно совпадают с ценностями, транслируемыми библейским текстом в целом.

Besedina V.G. BIBLICAL PRECEDENT TEXT IN AMERICAN POLITICAL DISCOURSE

The article analyses the use of the biblical precedent text *love thy neighbor* in the speeches of high-ranking American politicians. Discourse of three politicians who quoted this commandment most often is studied: of Lyndon B. Johnson, of George W. Bush, and of Kamala Harris. The analysis has shown that while the quoting of the commandment remains as frequent as before, the context of its use has changed: it is now used to discredit the opponent and to promote governmemt agenda which may not go along with the biblical values.

Бобровская Н.А., Манухина И.А. ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В РОМАНЕ ЧИГОЗИ ОБИОМЫ «РЫБАКИ» (НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ)

Статья посвящена анализу интертекстуальности в романе Чигози Обиомы «Рыбаки». Рассматриваются различные типы интертекстуальных связей: мифологические, библейские, культурные и психологические, а также их роль в построении сюжета и образов. Особое внимание уделяется архетипам Юнга и постколониальному контексту, в которых раскрывается основная идея произведения. Роман рассматривается как текст, в котором взаимодействуют личная история, коллективная память и культурные традиции.

Bobrovskaya N.A., Manuhina I.A. INTERTEXTUALITY IN THE NOVEL OF CHIGOSI OBIOMA "THE FISHERMEN" (IN ENGLISH)

The article is devoted to the analysis of intertextuality in the novel by Chigozie Obioma "The Fishermen". Various types of intertextual connections are considered: mythological, biblical, cultural and psychological, as well as their role in the construction of the plot and images. Particular attention is paid to Jung’s archetypes and the postcolonial context, in which the main idea of the work is revealed. The novel is considered as a text in which personal history, collective memory and cultural traditions interact.

Богданович Л.А. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В МАССМЕДИЙНЫХ ТЕКСТАХ (НА ОСНОВЕ КОРПУСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ).

Представленный фрагмент проведённого исследования отображает общую картину функционирования филологических терминологических номинаций в языке средств массовой информации (СМИ). Иллюстративным материалом послужили фрагменты текстов газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка. Установлено, что в ненаучных контекстах лингвистическая терминологическая лексика может использоваться без ярко выраженных семантических преобразований. Такого рода случаи требуют особого внимания, так как необходимо учитывать контекст целиком – истинный смысл может скрываться не в терминологической номинации, а в самом контексте: с одной стороны, филологический термин способен придавать массмедийным контекстам фактологическую точность, с другой – курьёзность и занимательность.

Bogdanovich L.A. SEMANTIC CHANGES IN LINGUISTIC TERMINOLOGY IN MASS MEDIA TEXTS (BASED ON CORPUS RESEARCH)

The presented fragment of the conducted research reflects the general picture of the functioning of philological terminological nominations in the language of the media. The illustrative material are the fragments of texts from the newspaper subcorpus of the National Corpus of the Russian Language. It has been established that in non-scientific contexts, linguistic terminological vocabulary can be used without pronounced semantic transformations. Such cases require special attention, since it is necessary to take into account the entire context – the true meaning may be hidden not in a terminological nomination, but in the context itself: on the one hand, a philological term is capable of imparting factual accuracy to mass media contexts, on the other - curiosity and entertainment.

Бухнер Н.Ю. ОБРАЗ БЕДНОГО ЧЕЛОВЕКА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СТУДЕНТОВ: РЕКОНСТРУКЦИЯ ЛИНГВОКОГНИТИВНОЙ МОДЕЛИ

Статья посвящена опыту реконструкции лингвокогнитивной модели образа бедного человека в языковом сознании студентов. Опираясь на данные, полученные методом открытого вопроса, автор приходит к выводу о том, что когнитивную структуру образ бедного человека можно представить в виде шестикомпонентной модели, включающей в себя внешний образ, коммуникативный образ, эмоциональный образ, образ жизни, образ мышления, образ достатка.

Buhner N.Yu. POOR PERSON'S IMAGE IN STUDENTS' LINGUISTIC CONSCIOUSNESS: LINGUOCOGNITIVE SIMULATION

The article is devoted to the results of linguocognitive simulation of a poor person's image in the linguistic consciousness of students. Based on the data obtained by the open ended question, the author comes to the conclusion that the cognitive structure of the image of a poor person can be represented in the form of a six-component model, including appearance, communicative image, emotional image, way of life, way of thinking, image of wealth.

Манухина И.А., Бобровская Н.А., Раззамазова О.В. ПРЯМОЙ ЭКФРАСИС КАК СПОСОБ СЛОВЕСНОГО ВЫРАЖЕНИЯ ВИЗУАЛЬНЫХ АРТЕФАКТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЯ Э. СЕКСТОН «STARRY NIGHT»)

Статья посвящена реализации экфрасиса как способа словесного выражения визуальных артефактов, а именно полного экфрасиса как одного из видов экфрасиса по объекту описания. Проводится детальный анализ стихотворения Энн Сэкстон «Starry night», в котором содержится полный экфрасис, описывающий произведение изобразительного искусства – картину известного голландского художника-импрессиониста Винсента Ван Гога. Делается вывод о том, полный экфрасис как литературный прием позволяет не только передавать словесное описание произведений искусства, но расширять ее интерпретацию посредством добавления метафорических образов, отражающих переплетение личных переживаний с более широкими философскими темами, что позволяет читателю ощущать себя еще и зрителем, визуализируя изображение через слова.

Manukhina I.A., Bobrovskaya N.A., Razzamazova O.V. DIRECT EKPHRASIS AS A WAY OF VERBAL EXPRESSION OF VISUAL ARTIFACTS (BASED ON THE POEM "STARRY NIGHT" BY E. SEXTON)

The article is devoted to the realization of ekphrasis as a way of verbal expression of visual artifacts, especially a complete ekphrasis as one of the types according to the object of description. A detailed analysis of Anne Saxton's poem "Starry night" is carried out. It contains a complete ekphrasis describing a work of fine art – the painting by the famous Dutch impressionist painter Vincent Van Gogh. It is concluded that complete ekphrasis as a literary method allows not only to convey a verbal description of an artwork, but also to expand its interpretation by adding metaphorical images reflecting the interweaving of personal experiences with broader philosophical themes, which allows the reader to feel like a viewer, visualizing the image through words.

Недашковская А.А. ДОКУМЕНТ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ: БЕЛОРУССКИЙ ПОДХОД

В статье рассматривается документ как культурный феномен с акцентом на белорусский подход. Анализируется его роль в сохранении исторической памяти, трансляции ценностей и формировании идентичности. Освещены образовательные, архивные и цифровые инициативы, подчеркивающие практическое и культурное значение документа, укрепляющие позиции белорусской школы документоведения в международном контексте.

Nedashkouskaya N.A. DOCUMENT AS A PHENOMENON OF CULTURE: THE BELARUSIAN APPROACH

The article examines the document as a cultural phenomenon with a focus on the Belarusian approach. Its role in preserving historical memory, transmitting values, and shaping identity is analyzed. Educational, archival, and digital initiatives are highlighted, emphasizing the practical and cultural significance of the document and strengthening the position of the Belarusian school of document studies in the international context.

Столярова А.Н. УСПЕШНЫЙ УСПЕХ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

В статье на основе новой фразеологической единицы успешный успех рассматривается отражение в лингвистике и фразеологии актуальных социальных тенденций. Анализируется семантическое наполнение данной единицы и делаются выводы о ее коннотативной насыщенности и оценочности. Доказывается значимость исследуемого фразеологизма для изучения ценностных ориентаций общества.

Stolyarova A.N. SUCCESSFUL SUCCESS AS A LINGUISTIC PHENOMENON

The article examines the reflection of current social trends in linguistics and phraseology based on the new phraseological unit successful success. The semantic content of this unit is analyzed and conclusions are made about its connotative richness and evaluativeness. The significance of the phraseological unit under consideration for studying the value orientations of society is proved.

Толстолуцкая Я.Р. ЗООМОРФНАЯ И КОЛОРАТИВНАЯ МЕТАФОРЫ В СОСТАВЕ ДВУХСЛОЖНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С КОМПОНЕНТОМ -HEARTED

В статье рассматриваются зооморфные и колоративные метафоры в сложных прилагательных с компонентом –hearted. В основе образования метафорических единиц лежит сходство с поведенческими признаками животных и символикой цвета. Данные единицы образованы по моделям N-hearted и Adj-hearted.

Tolstolutskaya Y.R. ZOOMORPHIC AND COLOUR METAPHORS IN TWO-SYLLABLE ADJECTIVES WITH A COMPONENT -HEARTED

The article discusses zoomorphic and colour metaphors in compound adjectives with a component –hearted. The formation of metaphorical units is based on similarity with the behavioral characteristics of animals and color symbols. These units are formed according to two models: N-hearted and Adj-hearted.

Уженцева А.С. КОММУНИКАТИВНАЯ ТОНАЛЬНОСТЬ vs МУЗЫКАЛЬНАЯ ТОНАЛЬНОСТЬ: К ОПИСАНИЮ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА

Статья посвящена коммуникативной тональности, понимаемой как эмоционально-стилевой формат общения, характеризующийся вариативностью и наличием гетерогенного комплекса языковых и неязыковых средств объективации. Как атрибут любого акта коммуникации и неотъемлемая часть финального смысла высказывания, она имеет принципиальное значение для понимания сути сообщения. Коммуникативная тональность обеспечивает успешность общения при условии адекватной интерпретации слушающим тональной стратегии говорящего.

Uzhentseva A.S. COMMUNICATION TONALITY vs MUSIC TONALITY. DESCRIPTION OF LINGUISTIC PHENOMENON

The article portrays communication tonality as an emotional and stylistic format of communication characterized by variability and represented by heterogeneous complex of linguistic and non-linguistic means of objectification. As an integral part of communication act and component of the final meaning of the utterance, it influences the understanding of the essence of any message. Communication tonality is a key factor of successful communication caused by the adequate interpretation of the speaker’s tonal strategy.

СЕКЦИЯ 2. ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Абухова И.Ю. РАЗВИТИЕ «МЯГКИХ НАВЫКОВ» СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

В статье рассматривается важность развития мягких навыков у студентов технических вузов, подчеркивается необходимость баланса между техническими и мягкими навыками. Говорится об изменении спроса на рынке труда, где помимо технических знаний все более ценятся способности к адаптации, креативному решению проблем и эффективной работе в команде. Рассматривается студенческое тьюторское движение как один из способов развития «мягких навыков». В качестве примера рассматривается работа тьюторов-волонтеров АлтГТУ.

Abukhova I.YU. DEVELOPMENT OF "SOFT SKILLS" OF STUDENTS STUDYING AT A TECHNICAL UNIVERSITY

The article portrays the importance of developing soft skills among students of technical universities, emphasizes the need for a balance between technical and soft skills. It discusses the change in demand in the labor market, where, in addition to technical knowledge, the ability to adapt, creative problem solving and effective teamwork are increasingly valued. The student tutor movement is considered as one of the ways to develop "soft skills." As an example, the work of tutors-volunteers of AltSTU is considered.

Агафонова Е.А., Масачева И.А. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ

В статье рассматриваются основные тенденции развития педагогической науки в современных инженерно-технических вузах в условиях быстро меняющегося технологического мира. Делается вывод о том, что эффективная реализация этих тенденций должна способствовать повышению качества образования, формированию практических навыков и компетенций будущих специалистов.

Agafonova E.A., Masacheva I.A. TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF PEDAGOGICAL SCIENCE IN MODERN ENGINEERING AND TECHNICAL UNIVERSITIES

The article considers main trends in the development of pedagogical science in modern engineering and technical universities in a rapidly changing technological world. It is concluded that the effective implementation of these trends should contribute to improving the quality of education, the formation of practical skills and competencies of future specialists.

Васильев С. Ф. КАК НУЖНО ПРЕПОДАВАТЬ КУРС «ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ»?

В статье рассматриваются проблемы преподавания предмета «Основы российской государственности» в высших учебных заведениях. Устанавливаются принципы формирования и развертывания содержания учебного курса. Обозначены нерешенные проблемы, связанные с пониманием духовного ядра российской цивилизации. Обоснована необходимость введения в курс тем, касающихся христианства (в том числе православия), социальных аспектов российской государственности и современных политических идеологий.

Vasiliev S. F. HOW SHOULD THE COURSE «FUNDAMENTALS OF RUSSIAN STATEHOOD» BE TAUGHT?

The article discusses the problems of teaching the subject «Fundamentals of Russian Statehood» in higher educational institutions. The principles of the formation and deployment of the content of the training course are established. The unresolved problems related to understanding the spiritual core of Russian civilization are outlined. The necessity of introducing topics related to Christianity (including Orthodoxy), social aspects of Russian statehood and modern political ideologies is substantiated.

Голуенко Т.А., Трубникова О.А. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ГИБРИДНОГО И СМЕШАННОГО ОБУЧЕНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

В статье рассматривается ряд аспектов применения гибридного и смешанного обучения в высшей школе. Авторы анализируют особенности гибридного и смешанного обучения, их основные отличия и специфику. Особое внимание уделяется преимуществам гибридного и смешанного обучения, а также возможностям их применения в современном образовательном процессе, в частности, на примере электронных учебных курсов, используемых в Алтайском государственном университете и Алтайском государственном техническом университете им. И.И. Ползунова.

Goluenko T.A., Trubnikova O.A. SOME ASPECTS OF THE APPLICATION OF HYBRID AND BLENDED LEARNING IN HIGHER EDUCATION

The article discusses a number of aspects of the application of hybrid and blended learning in higher education. The authors analyze the features of hybrid and blended learning, their main differences and specifics. Special attention is paid to the advantages of hybrid and blended learning, as well as the possibilities of their application in the modern educational process, in particular, using the example of e-learning courses used at Altai State University and Altai State Technical University named after I.I. Polzunov.

Хусаинов Б.М., Кусаинов Х.Х. ИННОВАЦИОННАЯ AGILE ТЕХНОЛОГИЯ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

В статье рассмотрены вопросы инновационной Agile технологии в развитии современного гуманитарного научного знания. Разработана и показана матрица участия исполнителей в Agile технологии на каждом этапе деятельности студентов с указанием видов соответствующих работ. В научной работе рассчитаны критерии оценки исполнителей инновационного проекта, а именно студентов обучающихся по традиционной базовой и Agile технологии.

Khusainov B.M., Kusainov H.H. INNOVATIVE AGILE TECHNOLOGY IN THE DEVELOPMENT OF MODERN HUMANITARIAN SCIENTIFIC KNOWLEDGE

The article discusses the issues of innovative Agile technology in the development of modern humanitarian scientific knowledge. A matrix of performers' participation in Agile technology at each stage of students' activities has been developed and shown, indicating the types of relevant work. The scientific work calculates the criteria for evaluating the performers of an innovative project, namely students taught using traditional basic and Agile technologies.

Рыгалова М.В. ОБ ОПЫТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ» СТУДЕНТАМ ТЕХНИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ

В статье представлен опыт преподавания дисциплины «Основы российской государственности» студентам Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова На основе опроса студентов по итогам изучения дисциплины, результатам аттестации, а также наблюдения за ходом образовательного процесса сделан вывод о заинтересованности студентов в изучении дисциплины, отмечена некоторая специфика преподавания.

Rygalova M.V. ABOUT THE EXPERIENCE OF TEACHING THE DISCIPLINE "FUNDAMENTALS OF RUSSIAN STATEHOOD" TO STUDENTS OF TECHNICAL AREAS OF TRAINING

The article presents the experience of teaching the discipline «Fundamentals of Russian Statehood» to students of the Polzunov Altai State Technical University. A survey of students on the results of studying the discipline, final grades, as well as observation of the educational process allows us to draw a conclusion about the students' interest in studying the discipline. Conclusions are also made about some features of teaching the academic discipline.

СЕКЦИЯ 3. ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Гикал Г.В. МОЛОДЕЖЬ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассматривается двойственная роль молодежи в современных политических процессах – как уязвимой социальной группы и стратегического ресурса развития государства. Подчеркивается значимость политической социализации, инклюзивных институтов и дифференцированных стратегий вовлечения для формирования гражданской идентичности, критического мышления и лидерского потенциала. Обосновывается необходимость перехода от количественных к качественным показателям в оценке молодежной политики и подчеркивается стратегическая важность включения молодежи для обеспечения политической стабильности и инновационного развития.

Gikal G.V. YOUTH IN THE POLITICAL PROCESS

The article explores the dual role of youth in contemporary political processes – as both a vulnerable demographic and a strategic resource for state development. It emphasizes the importance of tailored political socialization mechanisms, inclusive institutions, and differentiated engagement strategies to foster civic identity, critical thinking, and leadership potential among young people. The study argues for a shift from quantitative to qualitative assessment in youth policy and highlights the strategic imperative of youth inclusion for political stability and innovation.

Инноватов В.Ю. СПЕЦИФИКА НЕКЛАССИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ

В статье исследуется вопрос о специфике рационального в социально-гуманитарном знании. Утверждается, что научная рациональность возникает как результат развития познавательных способностей и когнитивных возможностей человека. Показывается, что ценности исследователя обуславливают логико-методологические требования объективности и непротиворечивости познания. Как результат, возникает возможность сосуществования разных вариантов гуманитарного знания и теорий, объясняющих одни и те же материалы и факты.

Ingovatov V.Yu. SPECIFICITY OF NON-CLASSICAL RATIONALITY IN SOCIAL AND HUMANITARIAN KNOWLEDGE

The article examines the issue of the specificity of the rational in social and humanitarian knowledge. It is argued that scientific rationality arises as a result of the development of cognitive abilities and cognitive capabilities of a person. It is shown that the values of the researcher determine the logical and methodological requirements of objectivity and consistency of knowledge. As a result, the possibility of coexistence of different versions of humanitarian knowledge and theories that explain the same materials and facts arises.

Инноватов В.Ю., Стенина В.Ф. АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КУРСА «ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ»

В статье обсуждается вопрос о специфике и мировоззренческих задачах курса «Основы российской государственности». В его реализации необходимо руководствоваться такими базовыми факторами, как цивилизационная миссия России, исторический опыт народа, уровень развития общества и государства, отношения с внешним миром. В работе определяются аксиологические предпосылки курса и его идеологический характер, обусловленный включенностью «Основ российской государственности» в национальные проекты, в том числе в проект «ДНК России».

Ingovatov V.Yu., Stenina V.F. AXIOLOGICAL AND CIVILIZATIONAL PRECONDITIONS OF THE COURSE «FUNDAMENTALS OF RUSSIAN STATEHOOD»

The article discusses the issue of specificity and worldview tasks of the course «Fundamentals of Russian Statehood». In its implementation it is necessary to be guided by such

basic factors as the civilizational mission of Russia, the historical experience of the people, the level of development of society and the state, relations with the outside world. The paper defines the axiological prerequisites of the course and its ideological character, due to the inclusion of the "Fundamentals of Russian Statehood" in national projects, including the project «DNA of Russia».

Литвинова О.А. РЕФОРМА СОВЕТСКОГО СЕМЕЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассмотрены цель и процесс изменения семейного законодательства в советском государстве, происходившие в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Автор проанализировал содержание нормативных правовых актов, регулирующих отрасль семейного права. Особое внимание было уделено Указу Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г., аннулировавшему фактический брак. Сделан вывод о связи законотворческих мер по укреплению брака и семьи с демографической политикой советского государства.

Litvinova O.A. SOVIET FAMILY LEGISLATION REFORM DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article examines the purpose and process of changing family legislation in the Soviet state that took place during the Great Patriotic War (1941–1945). The author analyzed the content of normative legal acts regulating the branch of family law. Special attention was paid to the Edict of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated July 8, 1944, which cancel the unregistered marriage. The conclusion is made about the connection of legislative measures to strengthen marriage and family with the demographic policy of the Soviet state.

СЕКЦИЯ 4. ПЕРВЫЙ ШАГ В НАУКУ

Бобровская Н.А., Карпекин В.А. О РОЛИ КИБЕРОБРАЗОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье рассматривается роль кибероообразования в формировании культуры информационной безопасности среди пользователей цифровых технологий. Анализируются современные киберугрозы и их влияние на общество. Подчеркивается важность образовательных программ, направленных на развитие навыков цифровой грамотности и осведомленности о методах защиты информации.

Bobrovskaya N.A., Karpekin V.A. THE ROLE OF CYBEREDUCATION IN SHAPING INFORMATION SECURITY CULTURE

The article examines the role of cybereducation in fostering a culture of information security among digital technology users. It analyzes contemporary cyberthreats and their impact on society. The importance of educational programs aimed at developing digital literacy and awareness of information protection methods is highlighted.

Бобровская Н.А., Карпекин В.А. ОРГАНИЗАЦИЯ КИБЕРООБРАЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассматриваются современные подходы к организации кибероообразования в условиях цифровизации образовательной среды. Описываются ключевые особенности и формы реализации кибероообразования, выявляются актуальные проблемы его внедрения и функционирования. Особое внимание уделено перспективам использования цифровых и интеллектуальных технологий в учебном процессе. Авторы предлагают направления совершенствования образовательной политики в области цифрового обучения.

Bobrovskaya N.A., Karpekin V.A. ORGANIZATION OF CYBER EDUCATION: PROBLEMS AND PROSPECTS

The article examines modern approaches to organizing cyber education in the context of digitalization of the educational environment. It describes the key features and forms of implementing cyber education, identifies current problems of its implementation and functioning. Particular attention is paid to the prospects for using digital and intelligent technologies in the

educational process. The authors propose directions for improving educational policy in the field of digital learning.

Васильев С.Ф., Мищенко В.В. КОСМИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И КОСМИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

Исследование направлено на анализ феномена космического сознания, его роли в воспитании личности и формировании глобального мышления. Космическое сознание способствует развитию системного восприятия, ответственности и взаимосвязи человека с мирозданием. Необходимо включение концепции космического сознания в образование, культуру и науку.

Vasiliev S.F., Mishchenko V.V. COSMIC CONSCIOUSNESS AND COSMIC EDUCATION

The research is aimed at analyzing the phenomenon of cosmic consciousness, its role in personality education and the formation of global thinking. Cosmic consciousness promotes the development of systemic perception, responsibility and the relationship of man with the universe. It is necessary to include the concept of cosmic consciousness in education, culture and science.

Екешев Д.В., Рогозина И.В. ВЛИЯНИЕ ФОНОВОЙ МУЗЫКИ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ

Статья посвящена исследованию связи между музыкальными предпочтениями студентов, их эмоциональным состоянием и продуктивностью учебной деятельности. На основе опроса 53 студентов АлтГТУ им. И.И. Ползунова выявлены предпочтения в характере фоновой музыки для выполнения различных типов учебных заданий. В статье также устанавливается корреляция между фоновой музыкой и состояниями, способствующими повышению эффективности учебной деятельности.

Ekeshev D. V., Rogozina I. V. INFLUENCE OF BACKGROUND MUSIC ON STUDENTS' ACADEMIC PRODUCTIVITY

The article explores the relationship between students’ musical preferences, their emotional state, and academic productivity. Based on a survey of 53 students from I.I. Polzunov Altai State Technical University, the article identifies the respondents’ background music preferences for performing different types of tasks. It also establishes a correlation between states caused by listening to background music and academic productivity.

Ершова Т.А., Заряева Т.В., Лисовой Е.А. ИССЛЕДОВАНИЕ СПОСОБНОСТЕЙ ИИ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)

Статья посвящена исследованию способности искусственного интеллекта (на примере языковой модели GPT) к интерпретации прецедентных высказываний, возникших в политическом дискурсе. Актуальность темы обусловлена растущим влиянием ИИ на текстовое производство и медиапространство, а также необходимостью понимания ограничений машинной семантики при взаимодействии с культурно обусловленными кодами. В статье описывается эксперимент, в котором ИИ интерпретирует ряд высказываний из политического лексикона, насыщенных культурными, историческими и прецедентными смыслами. Анализ выявляет как потенциал моделей, так и их ограничения.

Ershova T.A., Zaryaeva T.V., Lisovoy E.A. THE STUDY OF AI ABILITIES TO INTERPRET PRECEDENT STATEMENTS (USING THE EXAMPLE OF POLITICAL DISCOURSE)

The research paper discusses the ability of AI (using the GPT language model as an example) to interpret statements that have emerged in political discourse. The relevance of this topic is determined by the growing influence of AI on text production and media space, as well as by the need to understand machine semantics when interacting with culturally defined codes. The article describes an experiment where AI interprets a number of politically significant statements,

which are rich in cultural, historical, and precedential meanings. The analysis reveals the potential of these models and their limitations.

Катракова Е.И., Тискова О.В. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ С ИИ: ВОЗМОЖНОСТИ НЕЙРОСЕТИ В РАБОТЕ С АВАНГАРДНЫМИ ПРОИЗВЕДЕНИЯМИ

В статье рассматриваются возможности нейросетей в анализе и создании авангардной поэзии на основе текстов известных авторов. Результаты данного эксперимента свидетельствуют о достаточной степени обученности нейронных сетей в написании нестандартных стихотворных текстов, однако полученные ответы содержат неточности, что говорит о невозможности полностью заменить труд человека в сфере искусства.

Katrakova E.I., Tiskova O.V. PHILOLOGICAL EXPERIMENT WITH AI: POSSIBILITIES OF NEUROSETS IN WORKING WITH AVANGARD POETRY

The article deals with the possibilities of neural networks in analysing and creating avant-garde poetry on the basis of texts by famous authors. The results of the given experiment testify to the sufficient degree of training of neural networks in writing non-standard poetic texts, however the received answers contain inaccuracies that speaks about impossibility of full replacement of human labour in the sphere of art.

Кудрявцев И.Д. ФЕНОМЕН ЧИНГЛИШ КАК РЕЗУЛЬТАТ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ АНГЛИЙСКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ

В статье исследуется феномен чинглиш – особой разновидности английского языка, сформировавшейся под влиянием китайского. Автор анализирует причины его возникновения, включая межъязыковую интерференцию, устаревшие методы обучения и распространение машинного перевода без редактирования. Рассматриваются типичные грамматические и лексические ошибки, характерные для чинглиш, а также их влияние на коммуникацию. На конкретных примерах демонстрируется, как калькирование китайских структур приводит к искажению смысла. Статься подчеркивает необходимость модернизации подходов к преподаванию английского в Китае и важность лингвистического редактирования переводов.

Kudryavtsev I.D. THE CHINGLISH PHENOMENON AS A RESULT OF INTERLANGUAGE INTERFERENCE OF ENGLISH AND CHINESE LANGUAGES

The article explores the phenomenon of Chinglish– a special type of English that was formed under the influence of Chinese. The author analyzes the causes of its occurrence, including interlanguage interference, outdated teaching methods and the spread of machine translation without editing. Typical grammatical and lexical errors typical of Chinglish are considered, as well as their impact on communication. Concrete examples demonstrate how the calculation of Chinese structures leads to a distortion of meaning. This emphasizes the need to modernize approaches to teaching English in China and the importance of linguistic translation editing.

Макарова С.А., Кремнева А.В. ТЕСТИРОВАНИЕ СПОСОБНОСТЕЙ НЕЙРОСЕТИ К ТОЛКОВАНИЮ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФРАЗ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ

В статье приводятся результаты тестирования способности Giga Chat, нового продукта от Сбер, объяснять значение и происхождение популярных прецедентных фраз на русском языке. Делается вывод о том, что тестирование нейронной сети является одним из способов развития критического мышления у обучающихся.

Makarova S.A., Kremneva A.V. TESTING THE ABILITY OF A NEURAL NETWORK TO INTERPRET PRECEDENT PHRASES AS AN INSTRUMENT OF STUDENTS' CRITICAL THINKING DEVELOPMENT

The article shows the results of testing the ability of Giga Chat, a new product of Sber, to interpret the meaning and explain the origin of popular precedent phrases in the Russian language.

The conclusion is made that testing a neural network represents a way to develop students' critical thinking.

Петрова Л.С., Москалюк О.С. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В АРХИТЕКТУРЕ

Данная статья анализирует возможности использования искусственного интеллекта в архитектуре, рассматривая его преимущества и недостатки. Материал, полученный в результате использования метода анкетирования, выявил, что большинство опрошенных пользуются искусственным интеллектом ежедневно или несколько раз в неделю и считают, что ИИ является важным средством развития технологий будущего.

Petrova L.S., Moskalyuk O.S. ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN ARCHITECTURE

This article analyzes the possibilities of using artificial intelligence in architecture, considering its advantages and disadvantages. The study obtained as a result of using the survey method also found that the majority of respondents use artificial intelligence daily or several times a week and believe that AI is an important means of developing future technologies.

Уженцева А.С. Шейберг Е. М. ХРАМОВАЯ АРХИТЕКТУРА КАК ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОЙ РЕЛИГИОЗНОГО РИТУАЛА РАЗЛИЧНЫХ КОНФЕССИЙ

Статья представляет собой обзор сакральной архитектуры разных эпох и культур. Религиозный ритуал рассматривается как фактор, обусловливающий специфику архитектурных решений храмовых комплексов. Приведенные в статье данные подтверждают, что типичные для разных верований и конфессий обряды влияют на особенности внешнего облика и внутреннего убранства культовых построек, создавая неповторимый образ католического, православного, исламского, буддистского или древнеегипетского архитектурного шедевра.

Uzhentseva A.S., Sheiberg E.M. TEMPLE ARCHITECTURE AS A REFLECTION OF RELIGIOUS RITUALS OF DIFFERENT CONFESSIONS

The article presents an overview of temple architecture of different epochs and cultures. Religious ritual is viewed as factor that influences its specifics. Given data proves that rituals and ceremonies typical for different religious views and confessions determine exterior and interior of church architecture and create unique layout of Catholic, Orthodox, Islamic, Buddhist or Egyptian architectural masterpiece.

Уланов М.В., Бухнер Н.Ю. ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ИНВЕСТИЦИОННУЮ АКТИВНОСТЬ СТУДЕНТОВ АЛТГТУ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья посвящена анализу факторов, влияющих на инвестиционную активность студентов АлтГТУ. Опираясь на данные, полученные в результате эмпирического исследования, авторы приходят к следующим выводам. Во-первых, внешними факторами, влияющими на инвестиционную активность, являются прибыльность инвестиций и экономическая стабильность в стране. Во-вторых, внутренними факторами, влияющими на инвестиционную активность наличие "свободных" денег и возможность получать пассивный доход. В-третьих, недвижимость, вклады в валюте, ценные металлы являются приоритетными направлениями для инвестиций.

Ulanov M.V., Buhner N. Yu. INVESTMENT ACTIVITY OF ALTSTU STUDENTS: SOCIOLOGICAL SURVEY

The article is devoted to the analysis of factors influencing the investment activity of AltSTU students. Relying on the data obtained as a result of empirical survey, the authors come to the following conclusions. Firstly, external factors influencing on the investment activity are profitability of investments and economic stability in the country. Secondly, internal factors influencing investment activity are the availability of "free" money and the ability to receive passive income. Thirdly, real estate, deposits in currency, and precious metals are the priority areas for investment.

Научное электронное издание

СОВРЕМЕННОЕ ГУМАНИТАРНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ: МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД – 2025

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Материалы публикуются в авторской редакции

Дата подписания к использованию 20.08.2025.
Объем издания – 3 Мб.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова»,
656038, г. Барнаул, пр-т Ленина, 46.

В начало

9 785756 815290